

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ**

Часть I

Новосибирск, 2012 г.

УДК 008+7.0+8
ББК 71+80+85
Ф 51

Рецензент — к. фил. н. Бердникова Анна Геннадьевна
(г. Новосибирск).

Ф 51 «Филология, искусствоведение и культурология в XXI веке»:
материалы международной заочной научно-практической
конференции. Часть I. (15 февраля 2012 г.) — Новосибирск:
Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. — 148 с.

ISBN 978-5-4379-0041-3

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Филология, искусствоведение и культурология в XXI веке» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной филологии, искусствоведения и культурологии.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития филологии, искусствоведения и культурологии.

ББК 71+80+85

ISBN 978-5-4379-0041-3

© НП «Сибирская ассоциация консультантов», 2012 г.

Оглавление

Секция 1. Культурология	6
1.1. Теория и история культуры	6
РАННИЕ ФЕНОМЕНЫ КУЛЬТУРЫ МАРИ: ГЕНЕЗИС ДУХОВ КЛАССА МУЖО Калиев Андрей Юрьевич	6
ИНТЕГРАЛ КУЛЬТУРЫ Поваляшко Галина Николаевна	10
ДИНАМИКА КУЛЬТУРЫ: ОТ ТРАДИЦИИ К НЕРЕФЛЕКСИРОВАННОМУ ПРОГРЕССУ Филимонова Екатерина Алексеевна	15
1.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов	22
ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МУЗЕЯ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ» Сабанина Наталия Рафаэлевна Зыков Михаил Борисович	22
Секция 2. Языкознание	28
2.1. Русский язык. Языки народов Российской Федерации	28
«ИРОНИЯ СУДЬБЫ» ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ К ВОПРОСУ О НАЛИЧИИ/ОТСУТСТВИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ У ФАМИЛИЙ Аверкова Ольга Владимировна	28
ТРУДНОСТИ УСВОЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ РУССКОГО ГЛАГОЛА УЧАЩИМИСЯ-ДАГЕСТАНЦАМИ Кислицкая Светлана Степановна	33
РАСШИРЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ЯКУТСКОГО ЗАИМСТ- ВОВАННОГО СЛОВА В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ Саввинова Степанида Николаевна	37
НАРЕЧИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЛОКАТИВНОСТИ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ Шарина Сардана Ивановна	43

2.2. Германские языки	47
СИНТАКСИС И СЕМАНТИКА КОНВЕРСАЦИОННЫХ ИМПЛИКАТУР Баркинхоева Зейнап Багаудиновна	47
ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РЕЧЕВОГО АКТА ПРОСЬБЫ В БРИТАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА) Замятина Елена Евгеньевна	52
ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА СРАВНЕНИЕ В НЕМЕЦОМ ЯЗЫКЕ Захарова Татьяна Владимировна	57
РОЛЬ КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СИТУАЦИИ РАСПОЛОЖЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА) Карамнова Елена Николаевна	64
ИМПЛИЦИТНЫЙ И ЭКСПЛИЦИТНЫЙ ГРОТЕСК В ПОЭЗИИ ДЖОНА АПДАЙКА Козлова Анастасия Геннадиевна	69
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ТЕКСТАХ ШВАНКОВ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ Поддубная Наталья Николаевна	73
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТЫМЕННЫХ СУФФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА) Тернова Лариса Николаевна	77
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНГЛИЦИЗМОВ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ КОНЦА XX ВЕКА Филиппова Юлия Валерьевна	85
О «боже» И «Боже»: ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ НАПИСАНИЯ ПРОПИСНОЙ И СТРОЧНОЙ БУКВ В СРЕДНЕНИЖНЕНЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКА ЖИВОТНОГО ЭПОСА «РЕЙНКЕ ЛИС» 1539-ГО ГОДА Цапаева Сабина Юрьевна	90

МЕСТО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА Щукина Галина Олеговна	97
2.3. Теория языка	103
МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ В ТЕКСТАХ АННОТАЦИЙ К ПЕРЕВОДНОЙ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ Бугрова Екатерина Дмитриевна	103
ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В «ДНЕВНИКЕ ОДНОГО ГЕНИЯ» С. ДАЛИ Селюкова Ольга Александровна	109
ТИП ПОВЕСТВОВАНИЯ В РАССКАЗЕ В. В. НАБОКОВА «КРУГ» Труфанова Ирина Владимировна	113
КОГНИТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА «ДОБРО» В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ Цеева Заира Арслангереевна	122
2.4. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	127
ЧАЕПИТИЕ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ Лю Гохуа	127
ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕРИФЕРИЙНЫХ РАЗРЯДОВ ОНОМАСТИКИ: НАИМЕНОВАНИЕ ПРАЗДНИКОВ Навашева Валентина Александровна	132
2.5. Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии	137
ДЕРИВАЦИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ПОРОД В АРАБСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ Зарипов Ильнур Ренатович	137

СЕКЦИЯ 1.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

1.1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

РАННИЕ ФЕНОМЕНЫ КУЛЬТУРЫ МАРИ: ГЕНЕЗИС ДУХОВ КЛАССА *МУЖО*

Калиев Андрей Юрьевич

аспирант БирГСПА, г. Бирск

E-mail: filos2@rambler.ru

В числе ранних феноменов культуры мари (марийцев) видное место занимают демонологические представления. Вместе с тем данный срез духовного наследия народа до сих пор остается наименее изученным. Предлагаемая статья представляет собой попытку обзора лишь одного аспекта анимистических представлений — культ духов *мужо*. Класс духов *мужо* у мари, очевидно, является индоевропейским заимствованием и восходит к архаичным представлениям древних греков о хтонических духах *музах*, ставших впоследствии спутниками Юпитера.

Мужо в отличие от других представляли класс злых, демонических, а значит, хтонических духов. Они выражали не неведомые природные силы, а их зловредную сущность в облики духов. Иначе говоря, посредством этих духов произошла конкретизация представлений об окружающем мире, которая видится как процесс демонизации и персонификации основных стихий природы вследствие их «наполнения» соответствующими духами. Следующий этап в становлении культа *мужо* связан с гизолоизацией, одушевлением в соответствии с человеческой природой явлений природы и ее стихий. В дальнейшем мы можем видеть уточнение, усложнение различных проявлений *мужо*. Они стали восприниматься как духи различных болезней. В памяти марийцев сохранились следующие разновидности *мужо*, имеющие отношение к проявлениям различных сил природы, стихий и т. п.: «ош мужо» (белый мужо, т. е. бледность в результате различных заболеваний, вызванных природными явлениями, предметами белого цвета), «сар мужо» (желтый мужо, т. е. желтуха, для лечения этой болезни использовали цветы, корни

растений, минералы, имеющие желтый цвет), «йошкар мужо» (красный мужо, т.е. краснуха), «шем мужо» (черный мужо — мужо, вызывающий различные эпидемии, мор и т. п.), «аяр мужо» (мужо ядовитых растений или насекомых), «толын кучышо мужо» (лихорадка) и др.

Таким образом, на данном витке эволюции представлений о духах *мужо* можно отметить, что они еще не имеют какого-либо очертания, а могут проявлять себя лишь в цветовом или действенном выражении. Другие болезнетворные духи «проникали» во внутренний орган и начинали «грызть» его. Поэтому практика лечения, наряду с рациональными, включала и такие элементы, как «поймка» и «выведение» этих духов из организма человека. *Мужо* же как бы прилипает к больному. Причем не он сам, а его энергетическое поле.

Идея о наличии некоей ауры духов *мужо*, думается, стала базовой в процессе осмысления данного класса духов как одного из важнейших в числе подчиненных духов *Кугые на*. Ведь природа (сущность) социального в том и заключается, что она, существуя объективно, не имеет материально осязаемой плоти. Но, несмотря на это, «незримо держит человека в своих объятиях», «в поле действия своей ауры».

На основе подобных представлений возникает круг верований и о «логалше» (букв. касающихся) *мужо*. Как правило, это различные *мужо* пригорков, холмов, речек, ручьев. При этом эти водоемы не называются своим именами, также табу накладывается на «любование горой» (йӱратен ончаш ок лий). В них необходимо усматривать почитаемые места — утес на горе Чумбулата (*Чумбулат курьк*) и река Вятка (*Виче энер*). Поэтому само возникновение этих культовых мест в различных местах обитания народа, нужно рассматривать как перенесение идеи общемарийских сакральных объектов применительно к какому-либо конкретному жизненному пространству. Одновременно это есть и их наполнение суммой уже известной социально апробированной системой демонологических представлений. Зачастую они связывались с местами погребений культовых героев. Поэтому слияние в едином комплексе воззрений духов заупокойного культа и культа *мужо* выглядит вполне закономерным и обоснованным. Духи *мужо* при этом получили постоянную прописку, а культ *Кугыена* стал более весомым и значимым.

Сам дух *Кугыен* есть преломление в инобытии *Кугырака* (*Чумбулата*). Чумбулат же понимался как социальный бог (мер юмо), после смерти которого сохранились социальные отношения раннегосударственного института, персонифицированные с ним. Вот почему и культовые объекты, связанные с его почитанием, имеют характер проявления потустороннего в социальной действительности. Таким образом, восстанавливается не только культурный мир, но и мир

социальный. Однако рассматриваемое в такой плоскости содержание культа имеет одну важную особенность понимания. Культовые объекты существуют не сами по себе, они населены собственными духами *мужо*.

По нашим полевым материалам, среди марийцев Республики Башкортостан имеется значительное число природных объектов, где по поверьям обитают эти *мужо*. Как правило это холмы или горки. Имели своих *мужо* и речки, и ручьи. Однако эти *мужо* следует рассматривать как вторичные. Ведь они конкретизированы к отдельным природным объектам и имеют ту же природу происхождения, что подобные духи, возникшие в результате сужения пространственной модели астральной мифологии.

Подлинная сущность этих духов проявляется в культе *мужо*, причисляемых к классу «*йомшио*». К числу «*йомшио*» (букв. исчезнувший, точное значение соответствует понятию «иллюзорный») относили *Йомизнер* (исчезнувшая речка), *Йомшио ўшкыж* (исчезнувший бык), *Йомшио тага* (исчезнувший баран), *Йомшио сузо* (исчезнувший глухарь), *Йомшио музо* (исчезнувший рябчик). Во главе этих *мужо* стоял дух *Кугыйомшио*. Ряд этих духов обнаруживается и в числе так называемых *главных мужо* (тун *мужо-влак*). К числу *главных мужо* относили *Кугыена*, «*Вичыўдыр*» (букв. «Дева реки Вятки»), «*Вичыўдыр чома*» (жеребенок «*Вичыўдыр*»), «*Кугыен чома*» (Жеребенок «*Кугыен'а*»), «*Йомшио тага*» (букв. «исчезнувший баран»), «*Йомшио ўшкыж*» (исчезнувший бык), *Йомизнер* (исчезнувшая река).

Итак, теперь инобытие рассматривается как иллюзорность, то есть как «снятое» бытие. Иначе говоря, это бытие небытия, бытия, отрицающего свою наличность и выступающего не столько в своем инобытии, сколько в своем небытии. А то, что дело обстоит именно так, свидетельствует сама система образов, относящихся к группе *йомшио*. Попробуем разобраться в изобилии фактического материала, который к тому же весьма противоречив, тенденциозен и далеко не полон.

Главные *мужо* как-то: «*Кугыен чома*» (Жеребенок *Кугыена*), «*Йомшио тага*» (исчезнувший баран), несмотря на то, что по своему происхождению имеют отношение к *Кугыену*, представляют собой самостоятельных главных *мужо*. Они не просто входят в штат *Кугыена*, но и сами имеют своих подчиненных духов. Ряд наших информаторов в качестве главных *мужо* отмечают и самого *Кугыена*.

Важным в понимании происхождения этих главных *мужо*, на наш взгляд, является тот факт, что дух «*Кава*» (букв. небо) или иногда его называли еще «*кава ўмбач коитшио*» (букв. по небу, небесной тверди ходящий) отмечается только у четырех из главных *мужо* «*Кугыен чома*», *Йомизнер*, «*Йомшио тага*», «*Вичыўдыр*». К этому надо также добавить то

обстоятельство, что такой же дух имеет и «*Кугыйомшо*» (Великий исчезнувший). В связи с этим возникает вопрос: «Не является ли «*Кугыйомшо*» другим именем «*Кугыена*»? Ведь все они имеют двойников в мифологической картине звездного неба. Да и пара *Кугыен* и *Вичыӱдыр* — суть антиподы астральных *Юмо* и *Юмынӱдыр* (Верховного бога и ее дочери).

Несмотря на определенную исходную установку представлений о низших мифологических персонажах, наблюдается достаточно серьезная мыслительная проработка в их осмыслении и оформлении. Это проявляется, прежде всего, в понимании духа *Йомшэнер*. Являясь образом, противоположным образу *Небесной реки*, он должен был одновременно быть и ее антиподом, в то же время выражать и небытие. И эта задача была решена следующим образом: подземная река была обозначена как исчезнувшая, иллюзорная, то есть как *Йомшэнер*, в противоположность неиссякающей и сверхреальной *небесной реке*. Представление о такой реке имеется и у удмуртов [1, с. 219—220].

Согласно астральной мифологии марийцев [2, с. 73—78], среди небожителей выделяются *Юмын имне* (небесный конь), *Юмын тага* (небесный баран), *Юмын ӱшкыж* (небесный бык), *Юмынӱдыр* (небесная дева), *Юмын энер* (небесная река) и ряд других персонажей. На основе персонажей *Юмын имне*, *Юмын ӱшкыж*, *Юмын тага* формируется образ стада Юмо. В соответствии с этими персонажами возникают и следующие духи мужо как-то: «*чома*» (жеребенок), «*ӱшкыж*» (бык), «*тага*» (баран), причисляемые к кругу духов подчиненных *Кугыену*.

Сказанное позволяет заключить, что процесс осмысления и становления подобных представлений шел по уже однажды найденной идее, восходящей к исходной астральной модели мира. Процесс эмоционально-образного освоения мира, в нашем случае развитие представлений о *Кугураке* социальном духе, представлялся не только как персонифицированное воплощение социально-классовых отношений, но и как земное выражение небесного божества — *Юмо*. Иначе говоря, *Кугурак* представлял собой земное божество, земного двойника высшего небесного сакрального персонажа.

Список литературы:

1. Владыкин В. Я. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. — Ижевск: Удмуртия, 1993. — С. 336 с.
2. Калиев Ю. А. Мифологическое сознание мари. — Йошкар-Ола: Изд-во Марийск. ун-та, 2003. — 263 с.

ИНТЕГРАЛ КУЛЬТУРЫ

Поваляшко Галина Николаевна

канд. филос. наук, ст. преподаватель КазНУИ, г. Астана,

Республика Казахстан

E-mail: hrizopraz-57@mail.ru

Великий казахский философ Шакарим Кудайбердиев, чье философское наследие пронизано мощной духовно-культурной доминантой, утверждал: «...основой для широкой жизни человека должны стать честный труд, совестливый разум, искреннее сердце. Вот три качества, которые должны господствовать над всеми. Без них не обрести в жизни мира и согласия» [1]. По прошествии нескольких десятков лет читаем: «Есть основания считать, что нравственность является самой сущностной чертой человека» [4, с. 74—74]. На другом полушарии земли напоминают о том, что «самые основные навыки, составляющие ту или иную культуру... сосредоточены в тех этических предписаниях, с помощью которых общества регулируют поведение своих членов, в том, что Фридрих Ницше когда-то назвал «языком добра и зла» [10, с. 67]. Это означает, что нравственный императив (культурный интеграл) безотносителен к национальности, времени, цивилизационным условиям (культурному дифференциалу), он абсолютен. Следовательно, одной из возможностей интерпретирования культуры как системы надбиологических программ является исследование этических составляющих культуры. Будучи одной из актуальнейших проблем в теоретическом и практическом плане для современной культуры, нравственность была и будет частью духовной культуры человека. Ф. Фукуяма напоминает, что «Аристотель объясняет, что в отличие от мыслительной добродетели, «нравственная добродетель» (ethike) рождается преимущественно привычкой (ethos), откуда получила свое название: от «этос» при небольшом изменении буквы», и далее он говорит, что «повторение одинаковых поступков образует соответствующие нравственные устои... так что совсем не мало, а очень много, пожалуй, даже все, зависит от того, к чему именно приучаться с самого детства» [10, с. 68—69]. Нравственные чувства концентрируют в себе разум, ментально-духовный опыт не одного человека и не одной (пусть десятков) жизней. Речь идет о массиве длительных накоплений в обширной сфере культурных универсалий. «Несмотря на все их многообразие, мы практически не найдем культуры, которая не стремилась бы ограничить грубый эгоизм человеческого природы рамками неких неписанных моральных

правил» [10, с. 67]. Поэтому они становятся интеллектуальной основой социокультурного единства, нормативной устойчивости. Духовный комфорт, доставляемый нравственными чувствами, на наш взгляд, отличаются от религиозных реальным, вполне конкретным земным содержанием, они фундируются внутренней сердечной потребностью человека, впитавшего в себя интересы Ты, другого (по словам М. Бубера), или общества, или коллектива в терминах социальной философии. Поэтому в реализованности нравственных чувств, например, в случае экзистенциального выбора, можно говорить о явном проявлении духовности, ведь устремленность к иному совпадает с устремленностью к себе, когда сердце становится умным, а ум сердечным. Моральное давление на внутренние мировоззренческие колебания имеет идеальный, духовный характер — совесть невозможно, в общем-то, даже описать словами, тем более зримо выразить. Скорее речь может идти о выражении в виде положительной или отрицательной оценки действия, признание заслуги или вины человека. Санкция эта может осуществляться извне ближайшим окружением, другими лицами, а может совершаться изнутри, то есть самим субъектом действия своих акций в своем индивидуальном опыте, т. е. «мораль навязывает универсальный код различия добра и зла, но сама при этом исключается от оценки с точки зрения этого различия» [7, с. 326].

Мораль как явление духовной культуры, формируются и наличествует там, где и когда выстраивается ценностное отношение в сфере человеческих взаимоотношений. Человек не может существовать вне социума как дееспособная и органичная его часть, но это не означает, что она поглощается обществом. Индивид сохраняет известную самостоятельность в отношении социального целого, будучи при этом его структурной частью. «Наша гравитация или укоренённость в мироздании, состоит из двух направлений: вертикального — беспрестанно осмысляемой связи живущего со всеми развоплотившимися генеалогическими отцами, и горизонтального - дипломатических и иных связей живущего со своими современниками» [5, с. 29]. Развиваясь как автономная корпускула, человек в то же время индивидуализируется. Это порождает возможность несовпадения в той или иной степени его интересов с интересами других людей. С другой стороны, определенность человеческого поведения не означает допущение предположения о предначертанности его этического выбора. Да, «человек склонен идти назад и вперед, иначе говоря, он склонен к добру и злу. Когда обе склонности еще находятся в равновесии, он свободен выбирать, если предположить, что он может осознать свою ситуацию и способен к

серьёзным усилиям. Тогда он может выбирать между альтернативами, детерминированными, со своей стороны, общей ситуацией, в которой он находится. Однако если его сердце ожесточилось до такой степени, что склонности больше не уравновешены, он больше не свободен в выборе. В цепи событий, которые ведут к утрате свободы, последнее решение обычно не дает человеку возможности свободного выбора; при первом решении еще существует возможность, что он свободно выберет путь к добру, если предположить, что он осознает значение этого первого решения» [9, с. 107].

Как духовно-нравственная, так и социокультурная традиция представляют человеку возможность выбора того или иного действия, в соответствии с его субъективными интересами и целями, если точнее — с его уровневым показателем духовности, мерой её встроенности в мировоззренческие культурные универсалии, призывающие (или позволяющие) включиться механизму реализации выбранного сценария, каким бы качеством трансверсальности по отношению к общепринятому он не обладал. В этом случае речь идет, таким образом, о самостроительстве личности, об активном и сознательном созидании человеком самого себя, причем (и это очень важно) не только об идеальном проектировании самого себя, но и практическом воплощении этих проектов и замыслов в условиях трудного и сложного существования, словом речь идет об ответственности. «Вплоть до точки, в которой у него больше нет свободы выбора, человек ответственен за свои действия. Но ответственность является только этическим постулатом, и часто речь идет лишь о рационализации желания авторитарных инстанций иметь возможность наказать человека. *Именно потому, что зло есть нечто вообще человеческое, ибо оно представляет потенциал регрессии и потерю нашей гуманности, оно живет в каждом из нас.* Чем больше мы осознаем это, тем меньше мы в состоянии сделаться судьями над другими людьми» [9, с. 107]. Дабы не активировать в себе этот потенциал зла, о котором предупреждал нас Э. Фромм, человеку необходимо в реальном режиме своих духовных усилий осознать самого себя. И для выбора добра глубинное самосознание себя поможет нам взволноваться от встреченной несправедливости окружающего мира до такого градуса накала, что духовные струны человека не будут сдерживаться рассудочными предупреждениями о напрасности предпринимаемых усилий. Думается, именно такое содержание вкладывал великий казахский просветитель Абай в тридцать восьмое «Слово»: «Разум человека совершенствуется безграничной, неиссякаемой любовью к добру. Совершенным мастерством Аллах создал мироздание и человека, чтобы тот мог расти

и продолжить род людской. Святой долг каждого из нас — множить число своих друзей. Это зависит от сердечности, благорасположенности к окружающим, что вызовет ответное чувство» [3, с. 63—64].

В области этических исследований сложилась традиция относить к числу базовых такие, как добро и зло, долг, совесть, честь и достоинство, счастье. Конечно, перечисленные понятия не исчерпывают всего объема этического и гуманистического уровня духовности. Но по мере культурогенеза опыт человечества насыщался тонкими гранями нравственно допустимого, несомненным остается тот факт, что перечисленные выше категории действительно представляют базис культуры, на которой может развиваться система духовнообразующих скреп внутри индивидуального или коллективного мировоззрения. Об этом говорил исследователь объективированных форм человеческой психики и основоположник структуралистского метода в культурологии Клод Леви-Стросс: «Все духовные образцы, интеллектуальные модели — идеи, мнения, позиции — ясно характеризуются, выявляются посредством их значительного родства на всех стадиях эволюции» [6, с. 67]. Таким образом, этические категории правомерно рассматривать как элиминацию различных сторон осознания культурных универсалий, артикулированных как добро, долг, совесть и т. д. Каждая из этих категорий фундируется духовными конструктами, которые имеют либо ясные ориентиры, либо нечеткие, импозивные границы, на периферии которых и образуется возможность и для зла, ведь и «зло — специфически *человеческий* феномен. Это попытка регрессировать в до-человеческое состояние и уничтожить специфически человеческое: разум, любовь, свободу. Но зло — не только нечто человеческое, оно также нечто трагическое. Даже когда человек регрессирует к совершенно архаическим формам переживания, — он ни на минуту не может перестать быть человеком, поэтому он никогда не может удовлетвориться злом как решением. Животное не может быть злым, речь идет об имманентно присущих инстинктах, которые, по существу, служат ему для выживания. Зло есть попытка трансцендировать область человеческого на нечеловеческое и, тем не менее, это глубоко человеческое. Поскольку человек так же не может стать животным, как он не может стать «божеством». *В зле человек теряет сам себя при трагической попытке освободиться от тяжести своего человеческого бытия*» [9, с. 106]. Человека как индивидуальную объективацию культуры, занятого практическими делами, руководствующегося повседневными заботами, интересуют не категории сами по себе, а то, какую из них возможно употребить по отношению к тем или иным действиям, поступкам, жизненным

сценариям. «Ценности связаны с идеями, идеалами, целями, потому что человек постоянно соразмеряет свое поведение, свои действия со своими целями, общепринятыми нормами» [2, с. 232]. Отражение реальных должных отношений осуществляется деонтическим сознанием. В индивидуальном сознании сфера деонтического представлена, конечно, также индивидуальным набором ценностного базиса той культуры, в границах которого проходило становление отдельно взятой личности, но «высшие ценности культуры, такие как истина, красота, свобода, носят трансцендентный характер. Есть истинные суждения, добрые поступки, красивые люди и произведения искусства, но никто никогда не видел истину, добро, красоту как таковые. Можно быть более или менее свободным, но свободу как таковую в этой жизни никто не встречал. Тем не менее эти ценности, не будучи данными в этом мире, существенно влияют на поступки и поведение людей, которые ищут истину, стремятся к добру и красоте, идут ради свободы на баррикады» [8, с. 42]. Это означает, что в ойкумене культуры обнаруживается сфера, в которой дифференциал этнокультурных нравственных различий становится интегралом универсального антропологического потенциала.

Список литературы:

1. Абдильдин Ж. Гений великой степи // Туран-экспресс. — 2008. — 19 дек.
2. Абдигалиева Г. К. Проблема ценностей в истории философии. — Алматы: Казак университеті, 2005. — 234 с.
3. Зорин В. Введение в евразийскую философию. — Астана: Акпол, 2001. — 246 с.
4. Карабаева А. Г. Компаративистские программы исследования мира, человека, культуры, бытия // Методологический диалог социальных наук с гуманитарным образованием. — Алматы: Фонд Сорос — Казахстан, 2003. — 263 с.
5. Кабдрахманов К. Юпитер вечности и корпускула живого человека // Мысль. — 2008. — № 3. — С. 21—30.
6. Беседа с Клодом Леви-Строссом К. фон Барлевена и Г. Наумовой // Вопросы философии. — 2009. — № 5. — С. 66—79.
7. Марков Б. В. Философская антропология. — Спб: Питер, 2008. — 352 с.
8. Тульчинский Г. Л. Новая антропология: личность в перспективе пост-человечности // Вопросы философии. — 2009. — № 4. — С. 41—56.
9. Фромм Э. Душа человека / под ред. П. С. Гуревича. — М.: Мысль, 1992. — 430 с.
10. Фукуяма Ф. Доверие. — М.: Аст Москва, 2008. — 730 с.

ДИНАМИКА КУЛЬТУРЫ: ОТ ТРАДИЦИИ К НЕРЕФЛЕКСИРОВАННОМУ ПРОГРЕССУ

Филимонова Екатерина Алексеевна

специалист ФЗО, СИБИТ, г. Омск

E-mail: filimonova_k@mail.ru

Для рассмотрения проблемы динамики культуры прежде всего необходимо оговорить, что понимается под культурой, поскольку именно выбор концепции культуры задает определенный ракурс исследования данной проблемы. К настоящему времени насчитывается более пятисот определений культуры. Д. В. Пивоваров, характеризуя три главных версии культуры, сложившиеся в современной философии, — аксиологическую, деятельностную и семиотическую, отмечает их несомненную правомерность, но и односторонность. В качестве синтеза обозначенных аспектов бытия культуры и как единство не всяких, а только особенных ценностей, специфических схем действий и некоторых разновидностей информационных кодов Д. В. Пивоваров предлагает определять культуру как идеалообразующую сторону человеческой жизни [9, с 5—7]. Данное определение наиболее близко первоначальному пониманию культуры как возделыванию, воспитанию, образованию, почитанию, то есть как стремлению к идеалу. Идеалообразование, как отличительный признак всякой культуры, представляет собой «процесс сохранения и изменения почитаемых за идеалы образцов воспроизводства специфической общественной жизни во всех ее измерениях, а также процесс мучительного расставания с идеалами, переставшими животворно влиять на прирост культуры» [10, с 620—621]. При этом основанием культуры, по мнению Д. В. Пивоварова, являются базовые сакральные идеалы религии, из которых культура произрастает [10, с 620—621], поэтому философ определяет систему культуры как «ядро» (сакрализованная система базовых идеалов) и «защитный пояс» (светские идеалы, адаптированные к толкованиям признанных религиозных принципов и материализованные в бытовой, производственной, социально-преобразующей и научно-технической практике, формирующиеся в областях ценностного мироотношения) [9, с 13—15]. Установка на поведение в соответствии с признанным идеалом определяет основную направленность деятельности человека [9, с 17], то есть в каждом виде деятельности идеал выступает своего рода парадигмой (от греч. «пример, модель, образец»). Для Д. В. Пивоварова «субординация и координация связей между базовыми (сакральными) и светскими идеалами очень сложна; базис и надстройка опосредованы обилием переходных форм; все это многообразие сплавленных в котле культуры

связей порождает ее тотальное свойство, неразъемлемую целостность» [10, с 260].

Понимание культуры как системы имеет определенную специфику, прежде всего речь идет о сложности выделения элементов в культуре как целом. Если брать за основу традиционно выделяемые в культуре формы и феномены (ремесло, сельское хозяйство, техника, религия, образование, право, искусство — живопись, скульптура, литература и др.), то можно заключить, что они представляют собой различные виды деятельности, в которых происходит складывание идеала. Однако они не включают непосредственно таких составляющих культуры, как, например, воспитанность, нравственность, эстетическое чувство, которые представляют собой определенные *системные качества*, не выводимые из свойств отдельных элементов и возникающие от их объединения, поэтому формирование идеала для отдельных системных качеств происходит путем его экстраполяции и может в определенной степени воплощаться в «эталонных» личностях. Системные качества фиксируются в «ядре» культуры как должное на период существования определенной религии.

Воспользуемся термином «культурная доминанта» (лат. *Dominans* — господствующий) — «главенствующая идея, основной признак или важнейшая составная часть культуры» [6, с 122]. Понимаемая таким образом доминанта может сохраняться даже при изменении «ядра» культуры. Тогда система культуры (как идеалообразования) может быть представлена в виде иерархии парадигм (формирующихся из элементов как видов деятельности), системных качеств (синтеза элементов, фиксированных в «ядре» культуры) и доминанты, являющейся своеобразным синтезом системных качеств и выступающей вектором культуры. В связи с этим категория культурной доминанты позволяет отделить культуру от общества, а также характеризует эволюцию культуры в целом.

Для рассмотрения динамики понимаемой таким образом культуры можно воспользоваться типологией художественного сознания, разработанной в рамках школы исторической поэтики на основе анализа категорий авторства, жанра и стиля. При этом каждый этап характеризуется по двум параметрам: по степени традиционализма (то есть опоры на образец со свойственным ему набором устойчивых литературных моделей, универсалий) и по уровню рефлексии (осознанности обращения к образцам).

Первый тип сознания — *архаический* или мифопоэтический (до «осевого времени») — характеризуется нерефлексивным традиционализмом, то есть неосознанным следованием образцу и отсутствием фиксации ценности прошлого, которое оказывается возможным при условии отсутствия альтернатив.

Второй тип сознания — *традиционалистский* или нормативный (VI—V вв. до н.э. — конец XVIII в.) — характеризуется рефлексивным

традиционализмом, предполагающим сознательное следование образцу и отношению к традиции как к ценности. При этом имеет место осознание того, что опыт прошлого может быть разрушен, следовательно, создаются искусственные механизмы его сохранения, воспроизводства и передачи.

Третий тип сознания — *индивидуально-творческий* или исторический, то есть опирающийся на принцип историзма (с конца XVIII в.) — характеризуется рефлексивным нетрадиционализмом, предполагающим сознательное отрицание традиции, критическое отношение к прошлому и установку на изменение [1, с 3—38].

Если сопоставить данную типологию художественного сознания и классическую типологию развития общества, разработанную Р. Арном, Д. Беллом, А. Сен-Симоном, У. Ростоу, Э. Тоффлером и др., можно выделить следующие соответствия этапов: доиндустриальному обществу соответствует архаический и традиционалистский типы сознания, характеризующиеся нереплексивным и рефлексивным традиционализмом соответственно, следовательно, культурной доминантой доиндустриальной стадии развития общества выступает *традиция*. Индустриальный этап развития общества соответствует индивидуально-творческому типу сознания с рефлексивным нетрадиционализмом, учитывая характер общества данного типа и особенности научно-технического развития на данном этапе, можно определить его культурную доминанту как *прогресс*. Следовательно, постиндустриальному обществу соответствует современный тип художественного сознания, не охваченный в типологии школы исторической поэтики (см. табл. 1).

Таблица 1.

Соответствие типологий развития общества и художественного сознания.

Общество	этапы	доиндустриальный		индустриальный
Художественное сознание	этапы	архаический	традиционалистский	индивидуально-творческий
	характеристика	нереплексивный традиционализм	рефлексивный традиционализм	рефлексивный нетрадиционализм
Время		VI—V вв. до н.э.	сер. XVIII в.	кон. XX в.
Культурная доминанта		<i>традиция</i>		<i>прогресс</i>

Данное сопоставление позволяет сделать вывод об универсальности данной типологии художественного сознания для культуры в целом, поэтому она может быть положена в основу эволюционной модели западноевропейской культуры.

В культурах архаического типа выбор между новшеством и традицией решается исключительно в пользу последней, независимо от того, что является для данной культуры более «удобным», эффективным. В качестве примера можно привести описанное Н. Н. Миклухо-Маклаем сохранение традиции береговых жителей Новой Гвинеи поддерживать огонь или доставать его у соседей вместо того, что добывать его, несмотря на умение это делать [8, с. 417]. Архаический тип культуры сменяется этапом развития культуры, для которого характерно отсутствие вакуума (в частности, религиозного), а следовательно, синкретизм различных проявлений культуры. Например, зарождающееся христианство столкнулось с религиями мистерий, сотериологическими системами и живыми народными религиями и мифологиями Римской империи [12, с. 159], становясь также достаточно синкретичным явлением. В частности, христианское учение о смерти и воскресении бога отражает восточные культы умирающих и воскресающих богов, христианская пасхальная обрядность повторяет обряды смерти и воскресения Аттиса, один из главных христианских праздников — Рождество — совпадает с празднованием в момент зимнего солнцестояния рождения Митры [11, с. 156].

Переход от Античности к Средневековью представляет собой «напряженный критический диалог» [7, с. 84] двух различных культур: языческой греко-римской античности и христианского средневековья в рамках одного культурного пространства. В основе данных культур лежат религиозные представления, не позволявшие Средним векам заимствовать многое из предшествующей культуры. Однако языческие традиции оказываются настолько глубоко укорененными в сознании, что с частью из них приходится мириться, а часть продолжает существовать в обыденной жизни общества, несмотря на запреты со стороны Церкви. Иллюстрацией этого является сохранение, трансформация и совмещение с христианскими целого ряда языческих праздников, которые представляют собой одну из форм бытования традиции.

Анализируя происхождения элементов различных ритуалов средневековых праздников, М. М. Бахтин находит несколько основных источников их формирования — христианство, местный фольклор, традиции римских сатурналий и античного мима. Из сплава таких разных элементов происходят, в частности, местные праздники, например, освящение церквей. Такое значительное явление средневековой (и ренессансной) жизни, как карнавал, не приуроченный ни к какому событию священной истории и ни к какому святому, примыкал к последним дням перед великим постом и имел повсеместный полуполеальный характер в связи с тем, что в эпоху раннего Средневековья были еще живы традиции римских сатурналий и других форм легализованного римского народного смеха. Более того, Церковь приурочивала христианские праздники к местным языческим праздникам

(в целях их христианизации), связанным со смеховыми культами [2, с. 89]. Много общего с язычеством обнаруживается и в культе святых. Так, на поклонение останкам святых церковные авторы смотрели с неодобрением, однако, на практике церковь это поощряла [3; с. 80—81].

Те же явления обнаруживаются и при рассмотрении православных праздников, каждый из которых включает народные обычаи, приметы, обряды, поверья, чуждые духу христианства, игнорировать которые церковь не смогла: «Она разрешила отправлять все семичные и русальные обряды в христианский праздник троицы, последний даже стали называть «зелеными святками» [4, с. 118].

Однако подобный синкретизм праздников, обрядов и в целом религий осуществлялся длительное время и мог проходить сложно, даже драматично, в виду особой роли традиции в культуре. Наглядной иллюстрацией отношения к традиции при насильственном отказе от нее может служить русский церковный раскол, начавшийся с исправления богослужебных книг, отражающих результат различного рода взаимодействий: с местными церковными мнениями, обычаями и обрядами, отличными от принятых в Греческой Церкви. Более того, ряд из них был признан на Церковном Соборе 1551 г. Расцвет книгопечатания, способствующий распространению богослужебных книг, позволил осознать эти различия. Важно то, что обозначенные различия были восприняты их носителями как еретические: в сравнении с «исходными» греческими образцами (по крайней мере, значительно более древними текстами) обряды и обычаи XVII в. мыслились как единственно верные. Однако уже в конце XVI в. начинается перелом в отношении к традиции: «прорывавшаяся во всем несостоятельность существующего порядка и неудача попыток его исправления привели к мысли о недоброкачестве самых оснований этого порядка» [5, с. 242], приходит осознание того, что старина «не даст пригодных уроков для настоящего и потому у нее нечему больше учиться, за нее не для чего больше держаться» [5, с. 242]. Именно в этот период русская культура начинает испытывать на себе влияние Западной культуры, то есть общение сменяется взаимодействием.

Изменение отношения к традиции, выражающееся в сознательном отказе от следования ей, соответствует следующему этапу развития культуры, для которого характерны открытость, готовность к диалогу и настроенность на все новое. Традиция наделяется отрицательными атрибутами, что особенно выражено в современной культуре, когда инновации «освящаются» априори, и самого факта, что это инновация, достаточно для положительного отношения к ней и даже принятия ее.

Таким образом, традиция — важнейший элемент культуры, обеспечивающий ее стабильность, способствующий самоидентификации и обуславливающий эволюцию культуры, поскольку отношение «традиция — инновация» задает вектор культуры. В религиозной культуре традиции (обряды, праздники, ритуалы) «срастаются с веро-

учением, становятся для каждого общества формами религиозного мирозерцания и настроения» [5, с. 277], получают значение «неприкосновенной и неизменной святыни» [5, с. 278], в связи с чем затрудняют взаимодействие культур и их эволюцию. В то же время источниками формирования этих традиций являются элементы различных религиозных представлений и культур. Более того, межкультурное взаимодействие обусловлено прежде всего отношением к традиции в данных культурах, определяющим готовность культуры к диалогу и ее способность осуществить выход на грань своей культуры. Определение роли традиции в культуре может помочь понимаю происходящих в прошлом и настоящем конфликтов в рамках одной культуры при смене исторических типов, а также при взаимодействии различных культур, что особенно актуально в современных условиях противостояния мультикультурализма и глобализации. В современной культуре доминанта традиции сменяется новой доминантой — прогрессом. Актуальность темы прогресса унаследована от эпохи модерна, когда идеология прогресса была преобладающей и выступала в качестве культурной доминанты в осознанной, рефлексированной и массовой форме. Современная эпоха не исповедует идею прогресса глобально, поскольку в силу ряда причин, например, краха социальной революции, сама идея прогресса утратила ореол. Однако нельзя сказать, что в современной культуре нет прогресса, к примеру, прогресс в науке и технике видится достаточно очевидным, в то время как для религии, искусства, нравственности сложно говорить о самой возможности прогресса.

Возвращаясь к рассмотренной типологии художественного сознания (и культуры) и соотнося ее со всеми этапами развития общества, можно по аналогии с предшествующими периодами охарактеризовать современный этап развития культуры, соответствующий постиндустриальному обществу, в терминах *нерефлексивного нетрадиционализма* (неследование традиции, ставшее неосознанным, «естественным») и *нерефлексированного прогресса* как культурной доминанты (неосознанное стремление к чему-либо более совершенному) (см. табл. 2).

Таблица 2.

Соответствие типологий развития общества и культуры.

Общество	этапы	доиндустриальный		Индустриальный	постиндустриальный
Культура	этапы	архаический	традиционалистский	индивидуально-творческий	современный
	Культурная доминанта	Нерефлексированная традиция	рефлексированная традиция	рефлексированный прогресс	нерефлексированный прогресс
Время		VI—V вв. до н.э..		сер. XVIII в.	кон. XX в

Прогресс в эволюции культуры с позиции культурных доминант представляет собой смену традиции прогрессом. Понятие прогресс включает противопоставляемое традиции, как правило, понятие инновации в аспекте нацеленности на инновацию и принятия ее в том случае, если она способствует движению вперед. Каждая культурная доминанта переживает трансформацию осознанности, при этом, если традиция движется от нерелексированности к осознанности, то прогресс, наоборот, из релексированного становится неосознанным.

Список литературы:

1. Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер М. Л., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика : Литературные эпохи и типы художественного сознания. — М., 1994. — С. 3—38.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М. : Художественная литература, 1990. — 543 с.
3. Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. — М. : Искусство, 1981. — 360 с.
4. Капустин Н. С. Особенности эволюции религий : на материалах древних верований и христианства. — М. : Мысль, 1984. — 222 с.
5. Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. — М. : Мысль, 1988. — 414 с.
6. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. — М. : Вече 2000, АСТ, 2003. — 512 с.
7. Круглова Н. В. Проблема смены исторических типов культур (античность и Средневековье) // Введение в культурологию. — СПб., 2003. — С. 79—87.
8. Миклухо-Маклай Н. Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. / Сост. Б. Н. Путилов. — М. : Наука, 1990. — 471 с.
9. Пивоваров Д. В. Синтетическая парадигма в философии : Избр. статьи. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 536 с.
10. Пивоваров Д. В. Философия религии. — М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2006. — 640 с.
11. Поликарпов В. С. История религий. Лекции и хрестоматия. — М. : Гардарики, Экспертное бюро, 1997. — 312 с.
12. Элиаде М. Аспекты мифа / Пер. с фр. В. П. Большакова. — М. : Академический Проект, 2010. — 251 с.

1.2. МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МУЗЕЯ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ»

Сабанина Наталия Рафаэлевна

музейный педагог, г. Москва

Зыков Михаил Борисович

*канд. философских наук, профессор Кафедры «Философии
и молодёжной политики» ЕГУ им. И. А. Бунина, г. Москва*

E-mail: myzeinatali@mail.ru

Социальная политика России изжила себя — она воспроизводит бедность, пришли к выводу эксперты, по заданию правительства работающие над «Стратегией-2020». Нужно бороться с люмпенизацией населения и растить новый класс — креативных профессионалов. Именно эти люди будут обеспечивать решающие конкурентные преимущества в соревновании экономик XXI в.

Доклад экспертов, который называется «Новая модель роста — новая социальная политика», предлагает расти за счёт высокого качества человеческого капитала, а не только за счёт природных ресурсов, других физических и финансовых капиталов. Для этого правительству, по мнению экспертов, необходимо обновление социальной политики. Новая социальная политика должна поддерживать не только незащищенные группы населения, но и те, что способны к инновациям [1].

Однако, возникает вопрос о том КТО будет создавать необходимую среду для развития «творцов» — целостных личностей с богатым человеческим капиталом, способных к коренным преобразованиям в обществе. Логично предположить, что творческий класс, так необходимый обществу, будет создавать отечественная система образования.

Практически всё население России проходит через три основные ступени государственной образовательной системы, которая и призвана готовить людей будущего для благополучия своего общества

и мирового сообщества в целом. Так в законе РФ «Об образовании» от 1992 г. [Закон] образование определяется как целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов) [Закон]. Это определение оставлено неизменным и в редакции Закона от 1996 года [Федеральный].

С позиций сегодняшнего дня, очевидно, что целью, содержанием и результатом деятельности национальной системы общего образования является человеческий и социальный капитал граждан страны. Теодор Шульц и Гэри Беккер получившие Нобелевские премии за исследования человеческого капитала определяли его как совокупность шести основных показателей — трёх видов здоровья (физическое, психическое и социальное), двух видов интеллекта (формально-логического (критического мышления — МБЗ) и интуиции) и совести. Отметим, что все эти шесть показателей четко измеримы. Понятно, что результат работы национальной системы образования должен точно соответствовать её цели. Но такое определение требует — в связи с необходимостью технологизации образовательного процесса — дальнейшей детализации. При этом возникают серьезные философские и методологические проблемы.

Существующая система народного образования не только не помогает, но, часто, запутывает всякие попытки разобраться в сути дела, поскольку не опирается на объективно измеримые цели и результаты, а попытка такую измеримость внести, например, в виде ЕГЭ, носит явно неадекватный характер, поскольку измерению подвергаются только знания, которые в состав человеческого капитала в явном виде вообще не входят [2].

Таким образом, образовательные учреждения, осуществляющие выполнение ФГОСов не решает проблемы творения человеческого капитала нового, подрастающего поколения.

К сожалению, на сегодняшний момент становится ясно, что и система дополнительного образования, традиционно предоставляющая возможности для массового проявления способностей и формирующая у детей социально значимые компетенции, сегодня значительно утратила свое влияние [4].

В этой ситуации перспективным направлением встраивания понятия «Человеческого капитала» в национальную систему образования явился музей.

Сегодня в России имеется около трёх тысяч школьных музеев, а школ — несколько десятков тысяч. В условиях широких инновационных работ, ведущихся в национальной системе образования, возникает естественный вопрос: если большинство школ обходятся без музеев, так ли уж нужны музеи в школе вообще? Какую реальную, объективно измеряемую пользу, приносят они учащимся и, может быть, учителям? Является ли школьный музей обязательным компонентом сложной школьной образовательной системы?

Возникают и другие существенные вопросы. Например, из 1300 российских школьных музеев боевой и трудовой славы половина находится в московских школах. Но именно выпускники московских школ и их родители проявляют совершенно удивительные усилия для избегания службы в вооруженных силах России — по сравнению со всей остальной страной. Казалось бы, при явной сверхконцентрации таких специализированных музеев в столице именно здесь должно быть максимальным желание выпускников школ служить в российской армии. Однако, все происходит с точностью до наоборот. Тогда каков объективный результат работы этих нескольких сот музеев?

Следующий важный вопрос — сколько музеев должно быть в школе? Сейчас во многих нет ни одного, в других — до трех, четырех. Какое число музеев в школе является оптимальным? Если музеи действительно необходимы (а мы, работники школьных музеев, просто не имеем права сомневаться в этом, иначе мы сознательно съедали напрасно деньги налогоплательщиков, идущие на содержание системы общего среднего образования), то в каждой школе должен быть, по крайней мере, один музей. Но если в каждой школе должен быть один музей, то музей какой? Музей чего?

Из этого вопроса вытекает и самый важный следующий вопрос: А имеется ли вообще законченная теория школьного музея? Или для обустройства школьных музеев заимствуется теория обычных городских музеев? Если же специальной теории школьного музея не существует, то нельзя ли хотя бы попытаться такую теорию создать?

Именно этим последним вопросом мы озаботились, приступая к организации школьных музеев целью и результатом работы которых является творение человеческого капитала всех участников музейной деятельности. Мы сразу же обратили внимание на то, что теорию школьного музея нельзя сделать, если отсутствует теория общеобразовательной (неполной и полной) средней школы. Но такой теории в настоящее время, по крайней мере, в России и для российских школ, — явно не существует. Это обстоятельство принудило нас использовать при написании настоящей работы некоторые основные

философские и методологические принципы, применимые при исследовании любых систем. В частности, мы приняли в качестве основного исходного предположения утверждение о том, что:

- у средней общеобразовательной школы обязательно должна быть **цель**;
- именно эта цель определяет **набор задач**, которые школа призвана решать;
- цель и задачи школы определяют **методы решения задач** для достижения цели с учетом ресурсов всех видов, которыми располагает школа.
- **результат** работы школы должен быть обязательно объективно измеримым, ибо без этого всякая попытка управлять школьным образовательным процессом становится бессмысленной.

Это методологически обоснованное предположение позволяет конструктивно подойти к выявлению объективной пользы, приносимой школьным музеем учащимся и преподавателям конкретной школы, а также всей национальной системе образования и обществу в целом. Достаточно доказать полезность музея при выборе цели, задач, методов, определении ресурсов и результатов работы школы. Правда, из-за отсутствия в России общей теории школьного образовательного процесса эта задача является достаточно сложной.

Рассматривая технологию учебного процесса и построения педагогической деятельности в области творения человеческого капитала в школе, мы столкнулись с десятками определений цели общеобразовательной средней школы. Следовательно, следовало бы доказать полезность существования школьного музея для достижения всех мыслимых целей образования или... как можно более широко раскрыть общую цель образовательной системы, а именно — творение человеческого и социального, как совокупность отдельно взятых человеческих, капиталов учащихся.

Нами организовано несколько подобных музеев в образовательных учреждениях разного звена. В этой статье нам бы хотелось рассмотреть некоторые аспекты работы школьного музея «Человеческий капитал». На первый взгляд музей выглядит необычно: привычные для всех экспонаты, это обычные всем знакомые предметы прошлого и современности, а так же коллекция книг собранная по всему миру на 26 языках. Они выполняют не только функцию исторических связей, но выступают, прежде всего, как инструмент научного исследования. И это исследование направлено на самого посетителя выставки — Человека. Исследование самого себя, своих возможностей, сознательное построение своей личности — вот

главные задачи, которые ставит музейный педагог в своей деятельности.

По видам направленности вся деятельность в музее подразделяется на:

1. Игровую (активные, интеллектуальные, ролевые игры).
2. Трудовую (под трудом, в отличие от работы, мы понимаем такую деятельность, в результате которой человек создаёт две стоимости: стоимость продукта деятельности и собственный ЧК). Основным видом труда в нашем музее является — образовательный труд. В котором человек имеет возможность пройти две базовые стадии творения человеческого капитала: формирование потенциала во всех шести основных направления, его капитализация и превращение в человеческий капитал (ЧП — капитализация — ЧК).

В связи с этим нужно отметить, что необходимым компонентом капитализации является возможность выхода человека на три основных и 22 дополнительных рынка общества [3, с. 95].

В интерактивной форме ребятам предлагается исследовать научные разработки музея и проверить гипотезы о развитии человека, строении личности, исследовать и обсудить основные понятия из практики наших Музейных исследований. Надо отметить, что по результатам нашего анкетирования — 80 % детей интересуется тем, что такое «человек», но обычно эта тема остаётся белым пятном в сознании современного школьника, из-за отсутствия в образовательной системе достаточного поля деятельности в этом направлении.

В ходе работы мы столкнулись с проблемой того, что существует большая категория людей не принимающих, отрицающих или не имеющих возможности применить основные принципы педагогики человеческого капитала в повседневной практике — свобода выбора деятельности, измеримость результатов и уважение прав личности, прав человека. В подтверждение наших слов можно привести интервью с директором одного из передовых московских лицеев, который видит, что «...нужно отказаться от авторитарной модели воспитания и преподавания. Бесполезно детям просто рассказывать о том, что такое хорошо и что такое плохо. Современная культура предполагает более разнообразные и тонкие способы трансляции ценностей и моральных ориентиров — через поведение, различные культурные продукты: книги, фильмы, те же компьютерные игры. Школа часто попросту игнорирует многие реалии актуальной культуры, не умея с ними работать [5, с. 1].»

Выходом в этой ситуации послужило не перекраивание уже сложившихся, трудноизменяемых стереотипов поведения и навыков в

педагогической практике, а создание двухполусной школы. Контраст, порождая крайние мнения, а, иногда, конфронтацию и конфликтные ситуации, однако, способствует возникновению общего поля деятельности — инновационного пространства школы, желательного с точки зрения образовательного процесса и уравнивающего общественный заказ и индивидуальные потребности учащихся в развитии. Это является важным достижением для переходного периода реструктуризации школы, так как «основной задачей образовательной политики любого государства является создание такой системы образования, которая бы, с одной стороны, социально, ментально и культурно отражала потребности вполне определенного общества и государства, а с другой — органично вписывалась бы в русло международной системы образования, отражая его общечеловеческие потребности и интересы» [4, с. 2].

Список литературы:

1. Зыков М. Б. Россию спасет теперь уже только человеческий капитал. — Реферат: Россию признали люмпенизирующейся страной [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://news.mail.ru/politics/6589361/?from mail=1> — 17.08.11 12:55
2. Зыков М. Б., Сабанина Н. Р. Наша Новая школа — три в одном: просвещение, обучение и воспитание. // Журнал «Народное образование» № 2, 2012 (в печати).
3. Зыков М. Б., Сабанина Н. Р. Музей «Человеческий капитал» как цивилизационная матрица школы // Региональные ресурсы развития культурно-образовательной среды — ведущее условие самореализации личности: Сборник материалов Международной научно-практической конференции 11—13 октября 2011 года — г. Смоленск, 2011 г. — ... с.
4. Комков С. К. О развитии образования в Российской Федерации: Доклад на Госсовете / — М.: Всероссийский Фонд образования; Общественное движение «Образование для всех», 2006. — 80 с. [Доклад]
5. Мокринский М., директор московского лицея № 1535 «Мокринский: российская школа должна изменить подход к воспитанию» /статья / [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL http://умнаяшкола.рф/news/mokrinskii_rossiiskaya_shkola_doljna_izmenit_p od_hod_k_vospitaniy/

СЕКЦИЯ 2.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2.1. РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«ИРОНИЯ СУДЬБЫ» ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ К ВОПРОСУ О НАЛИЧИИ/ОТСУТСТВИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ У ФАМИЛИЙ

Аверкова Ольга Владимировна
преподаватель, УрФУ, г. Екатеринбург
E-mail: avs1@66.ru

До сих пор вопрос о наличии/отсутствии значения у имени собственного остается спорным. Существует 3 точки зрения на эту проблему:

1. полное отрицание значения у имени собственного (Н. Амтап, Ж. Вандриес, Е. М. Галкина-Федорук, К. Д. Левковская, А. А. Реформатский, Т. Гоббс, Дж. Ст. Милль, В. Брэндал, Л. Стеббинг, Б. Рассел, О. С. Ахманова, Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева, Н. И. Толстой, В. М. Мокиенко, А. Гардинер и др.);

2. признание существования у имени собственного языкового значения с обозначением особого характера этого значения (Ф. И. Буслаев, Т. Н. Кондратьева, Е. Курилович, А. А. Потебня, Л. Щетинин, И. И. Гришина, Л. Щерба, А. Доза, Ф. Травничек, И. Воробьева, Е. Данилина, М. Захарова, В. Никонов, Ю. Карпенко, Л. Ступин и др.);

3. признание наличия значения у имени собственного, но только в речи (О. Есперсен, М. Бреаль, Н. Шпербер, Г. Суит, Г. Сёренсен, А. В. Суперанская, В. И. Болотов, С. И. Зинин, М. Э. Рут и др.). Т. В. Бакастова в связи с этим выделяет имена собственные (ИС) в языке, речи и в художественном тексте. Так, ИС в языке лишь определяют пол, национальные и социальные признаки и не передают какой-либо более детальной информации. Однако в речи ИС наполняется содержанием, которое включает все знания коммуникантов о называемом объекте, различавшиеся полнотой качественной и количественной информации, но обязательно включающие субъективное отношение к референту» [1]. ИС

в художественном тексте имеют определенное значение и коннотацию, «сближаясь в некоторых случаях с именами нарицательными» [1].

Принято считать, что в современном русском языке лексическое значение мотивирующего фамилию слова стерто (за исключением произведений художественной литературы, в которых «говорящие» фамилии помогают раскрыть замысел автора). Главной функцией фамилии является назывная функция. Тем не менее, у правил или принятых норм бывают исключения.

Если в поисковую систему go.mail.ru в разделе «Картинки» ввести слово «фамилии», можно получить 9 фотографий с изображением табличек на дверях различных учреждений с указаниями фамилий работников [5]. Фамилии на подобных табличках обычно не вызывают интерес и какие-либо эмоции: главная их функция – информативная. Однако вывески, запечатленные на вышеупомянутых фотографиях, имеют следующие особенности:

1. лексическое значение фамилии резко контрастирует с названием должности;
2. чаще всего приводятся фамилии, которые полностью совпадают с употребляемыми в современном русском языке именами нарицательными, поэтому связь фамилии со значением имени нарицательного еще не окончательно разорвана.

Рассмотрим каждую надпись в отдельности.

«Врачи — травматологи: Гиря Владимир Николаевич, Кактус Жанна Ивановна» [5]. Врачи-травматологи, как известно, призваны оказывать помощь при травмах, при необходимости накладывать гипс. Согласно результатам ассоциативного эксперимента [3] слово «врач» ассоциируется в 81 случае со словом, несущим положительные эмоции: хороший — 16, лечит — 9, лечащий — 7, добрый — 6, опытный — 6, внимательный — 4, добросовестный — 2, знающий — 2, квалифицированный — 2, надежный — 2, спаситель — 2, гений — 1, добро — 1, избавление от боли — 1, излечит — 1, любезный — 1, любимый — 1, милосердие — 1, обезболить — 1, отличный — 1, очень — 1, помощник — 1, помощь — 1, понять — 1, прекрасный — 1, профессиональный — 1, смелый — 1, спасение — 1, спокойный — 1, талантливый — 1, умелый — 1, умный — 1, чуткий — 1; и в 65 случаях ассоциируется со словом, несущим отрицательные эмоции: плохой — 12, боль — 5, дурак — 2, не поможет — 2, сидит — 2, смерть — 2, тупой — 2, убийца — 2, не лечит — калечит — 2, бестолковый — 1, больно — 1, взяточник — 1, волокита — 1, вор — 1, грозный — 1, для блатных — 1, заворовался — 1, идиот — 1, кретин — 1, лгун — 1, мясник — 1, надоел — 1, негодяй — 1, неграмотен — 1, недоучка — 1, неквалифицированный — 1, ненавижу — 1, непрофессиональный — 1,

неуч — 1, ошибки — 1, палач — 1, плач — 1, пьяный — 1, рвач — 1, садист — 1, сволочь — 1, страх — 1, страшно — 1, страшный — 1, трепач — 1, тяжело — 1, уехал — 1, хапуга — 1. Вернемся к фамилиям Гирия и Кактус. Обе фамилии совпадают с именами отрицательными, обозначающими, согласно толковому словарю С. И. Ожегова:

- металлический груз определенного веса, служащий мерой при взвешивании, а также для упражнений в тяжелой атлетике; подвесной груз, регулирующий или приводящий в движение механизм (для слова «гирия»);

- Южное растение с толстыми сочными стеблями, покрытое колочками, волосками (для слова «кактус») [2].

Оба обозначаемых предмета при неправильном обращении могут причинить боль или даже травмировать. Противопоставление «причинять боль, травмировать» (основанное на ассоциациях, омонимичными фамилиям докторов) и «лечить, помогать при травмах» (заложенное в значении слова «врач-травматолог») создает комический эффект.

«Нарколог — Кальян Наталья Афанасьевна» [5]. Наркологи, как известно, лечат от зависимости. Отношение у современного носителя русского языка к данному специалисту тоже неоднозначно, как и к врачам других специальностей (по данным ассоциативного эксперимента). Фамилия доктора Кальян ассоциируется с именем нарицательным «кальян», означающим, согласно словарю С. И. Ожегова [2], «восточный прибор, в котором табачный дым охлаждается и очищается, проходя через воду». Табачный дым кальяна одурманивает, как при приеме сильнодействующих препаратов, поэтому «нарколог» и «кальян» можно считать противопоставлением, которое, как и в предыдущем случае, создает комический эффект.

Тема врачей появляется и на третьей иллюстрации: **«Врач общей практики — Прощай А. В.»** [5]. Как видно из ассоциативного эксперимента [3], слово «врач» может вызывать даже такие ассоциации, как «смерть», «убийца», «мясник», «палач», «рвач», «садист». В связи с этим фамилия Прощай, совпадающая по форме с частицей «прощай» (значения: 1) приветствие при расставании надолго или навсегда; 2) больше нет, не будет, исчез), звучит иронично (особенно если между фамилией и инициалами имени и отчества поставить запятую, образовав обращение к некоему гражданину А. В.) [2].

«Помощник командира отдельного батальона (по технической части) ДПС ГИБДД УВД ЗАО г. Москвы — Конопля Геннадий Николаевич» [5]. Работник ГИБДД представляется нам исполнителем и контролером правил, законов, норм. Фамилия Конопля напоминает нам значение омонимичного имени нарицательного «конопля» (травянистое растение, стебли которого идут на изготовление пеньки (грубого

прядыльного полотна), а семена на масло [2]) и о том, что выращивание данного растения незаконно. В данной надписи очевидно противопоставление «законность» — «незаконность».

Обратимся к начальникам различных учреждений и их заместителям: *«Заместитель начальника управления — Убей-волк Людмила Алексеевна»* и *«Начальник 7 района — Николай Петрович Фундамент»* [5]. Слово «начальник», согласно ассоциативному эксперименту [3], вызывает чаще негативные эмоции, чем позитивные. Так, в 32 случаях оно ассоциируется с чем-то положительным: хороший — 5, деловой — 4, умный — 4, добрый — 3, уважение — 2, компетентный — 2, активист — 1, замечательный — 1, интеллигентный — 1, на все руки — 1, отец — 1, отличный — 1, папа — 1, понимание — 1, прав — 1, справедливый — 1, уверенный — 1, ударник — 1; в 109 случаях — с чем-то неприятным: дурак — 18, злой — 10, бюрократ — 6, глупый — 5, плохой — 5, шишка — 5, сердитый — 4, грубый — 3, вредный — 2, идиот — 2, козел — 2, недруг — 2, тупой — 2, чайник — 2, бездарный — 1, бездумный — 1, болван — 1, вздорный — 1, враг — 1, врет — 1, глуп — 1, гроза — 1, грозный — 1, гром — 1, дубовый — 1, дурной — 1, жлоб — 1, занудство — 1, заикленность — 1, зверь — 1, злость — 1, канава — 1, надоели — 1, не на своем месте — 1, начальничек нашелся — 1, не прав — 1, ненавижу — 1, ненависть — 1, непробиваемый — 1, нехороший — 1, осел — 1, отшельник — 1, паразит — 1, поросенок — 1, противный — 1, сволочь — 1, скверный — 1, слжком уж их много — 1, страшный — 1, суров — 1, тюрьма — 1, убийца — 1, угрюмый — 1, умывальник — 1, упрямый — 1. Фамилия Убей-волк подчеркивает значение «злой», «сердитый», «грубый», «недруг», «враг», «гроза», «грозный», «зверь», «злость», «убийца», а фамилия Фундамент, напоминающая значения омонимичного имени нарицательного (1) основание, служащее опорой для стен здания, для машин, сооружений; 2) (перен.) база, опора, основа [2]), как будто говорит о том, что человек хорошо и основательно устроился и что в ближайшее время его вряд ли кто-то сдвинет с «теплого местечка».

Интересна и другая надпись: *«Ударник девятой пятилетки — Отченашев Владимир Павлович»* [5]. Пятилетка — реалия советского периода, словосочетание «ударник пятилетки» подразумевает «модель для подражания гражданина СССР». Вспомним, что советский период навязывал атеизм, поэтому образ набожного человека не мог сочетаться с образом успешного гражданина Советского Союза. Тем не менее, фамилия Отченашев, напоминающая одну из главных молитв православных «Отче наш», не смутила представителей власти.

Надпись *«Главный бухгалтер — Честная Евгения Николаевна»* [5] может поставить проходящего мимо человека в тупик:

«Неужели из всех бухгалтеров только одна честная?» Фамилия по форме напоминает прилагательное. Здесь имеет место скрытое противопоставление. Согласно словарю ассоциаций [4], бухгалтер может быть опытным (положительная характеристика «+»), старательным (+), злым (отрицательная характеристика «-»), беглым (-), скучным (-), услужливым (-), обманывающим (-). Фамилия Честная гармонирует с ассоциацией «старательная», но контрастирует с понятиями «услужливость» и «обман». Таким образом, ирония может основываться не только на контрасте, но и на сходных чертах.

В последней надписи попадают три фамилии, которые в контексте звучат иронично: *«Начальник участка — Свиляр В. А.; механик — Тупикин С. И.; электрик — Хрюкин С. Н.»* [5]. Подобная подборка фамилий наводит на мысль о том, что люди занимаются не своим делом. Работник, занимающийся уходом за свиньями, не может занимать такой высокий пост; человек, не имеющий перспективы дальнейшего развития, не должен быть механиком; человек, издающий звуки, похожие на те, которые издает свинья, вряд ли может адекватно вести себя в обществе.

Конечно, современный носитель языка понимает, что как бы странно ни звучали фамилии реальных людей, какое бы ироничное значение им не придавалось в определенном контексте, фамилию нужно воспринимать лишь как назывную единицу, значение которой не имеет ничего общего с ее обладателем. Однако невольно мы все равно обращаем внимание на необычность фамилии, на коннотацию мотивирующего слова и на двоякость интерпретации, когда «говорящие» фамилии обрастают контекстом.

Список литературы:

1. Бакастова Т. В. Типы и функции семантизации имени собственного в художественном тексте [Электронный ресурс] — Режим доступа к странице. — URL: fitzgerald.narod.ru/critics-rus/bakastova-semantic.html.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка, 1949 — 1992 [Электронный ресурс] — Режим доступа к странице. URL: [dic.Academic.ru/dic.nsf/ogegova](http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova).
3. Результаты ассоциативного эксперимента [Электронный ресурс] — Режим доступа к странице. — URL: thesaurus.ru/dict/dict.php.
4. Результаты запроса «фамилии» в поисковой системе go.mail.ru (рубрика «Картинки») [Электронный ресурс] — Режим доступа к странице. — URL: go.mail.ru/search_images?rch=e&type=all&is=08q=фамилии.
5. Словарь ассоциаций [Электронный ресурс] - Режим доступа к странице. — URL: www.slovesa.ru/assearch?q=%E1%F3%F5%E3%E0%EB%F2%E5%FO.

ТРУДНОСТИ УСВОЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ РУССКОГО ГЛАГОЛА УЧАЩИМИСЯ-ДАГЕСТАНЦАМИ

Кислицкая Светлана Степановна

канд. филол. наук, доцент ДГПУ, г. Махачкала

E-mail: Panarina.01@mail.ru

Глагол в русском языке изменяется по лицам, числам и временам, а в прошедшем времени — по родам. Изменение по лицам составляет ядро русского глагола.

Совершенно иную картину мы наблюдаем в дагестанских языках. В противоположность глаголу в русском языке глагол в языках народов Дагестана по лицам не изменяется. В дагестанских языках отсутствуют глаголы, являющиеся эквивалентами русских безличных глаголов. Поэтому предложения типа «Темнеет», «Рассветает», «Вечереет», «Светает» и др. переводятся личными формами глаголов.

Имеются различия в русском и дагестанских инфинитивах, знание учащимися инфинитива дагестанских глаголов помогает им понять, что в русском языке, как и в дагестанских языках, имеется форма глагола, которая не указывает ни времени, ни лица, ни числа. А дает лишь общее название действия (рисовать, копать, посадить). Русский инфинитив употребляется вместе с другими глаголами (буду читать, закончил убирать, начал делать), так и инфинитив в дагестанских языках употребляется в сочетании с другими словами, в которых выражается желание, необходимость, решение, начало и конец действия.

Существенно отличается и категория времени русского глагола от категории времени глагола в дагестанских языках. Наблюдаются различия в количественном плане и в содержательном. В русском языке две формы будущего времени различаются по видовым значениям, а в дагестанских языках разные формы будущего времени могут выражать желание, намерение субъекта совершить действие или неопределенность, или категоричность совершения действия в будущем.

При изучении глагола учащиеся-дагестанцы часто смешивают глагольные категории и формы: путают времена глаголов, их спряжение, глаголы условного наклонения принимают за глаголы прошедшего времени.

Трудности изучения глагольных категорий заключаются в том, что существующие формы глагола во многих случаях не совпадают с глагольными формами в дагестанских языках. Например, в современном русском языке существует только одна форма прошедшего времени, в ав.яз — 6, в дарг. — 4, в кум. яз. — 6, в лезг. — 4, в табасар. — 4, в лакск. — 3 [3].

С этим явлением связано значительное количество ошибок, которые допускают учащиеся-дагестанцы при употреблении форм прошедшего времени.

Формы прошедшего времени в русском и дагестанских языках не совпадают в содержательном отношении. При этом не следует забывать, что в чисто временном плане все формы прошедшего времени имеют одно и то же значение — обозначают действие, совершенное до момента речи. Формы прошедшего времени в дагестанских языках служат (наряду с обозначением времени) для выражения различных видовых и модальных значений.

Времена глагола русского языка имеют соответствия с родным языком, поэтому в начале изучения надо предложить вспомнить этот материал. После этого можно предложить три примера типа: **Ученик читает книгу. Ученик читал книгу. Ученик будет читать книгу.** На этих примерах путем перевода или без него (дети должны уже иметь представление о времени действия по значению глагола) устанавливается, что в русском языке есть три времени — настоящее (читает), прошедшее — (читал), будущее (будет читать). Определений можно не давать, так как перевод терминов вполне исчерпывает передачу значения времени.

При изучении форм прошедшего времени необходимо учитывать связь глаголов в этой форме с родовыми различиями и согласованием в роде. В связи с этим следует опираться на последовательность при подаче данной глагольной категории. В первую очередь дети должны усвоить временное значение глагола, т. е. понять разницу между словами типа думает — думал, рисует — рисовал. При объяснении можно пользоваться рисунками, показывать действия, использовать перевод на родной язык учащихся. Затем учащиеся знакомятся с глаголами в форме разных родов, составляют словосочетания, употребляя с глаголом и существительные. Для этого используются такие слова, как папа, мама, мальчик, девочка. Дети подбирают глаголы, не вызывающие затруднений при произношении и написании: работал, читал, играл, слушал, пилил и т.д. Составленные предложения записываются в два столбика:

**Мальчик играл.
Ученик слушал.
Папа работал.**

**Девочка играла.
Ученица слушала.
Мама работала.**

Для введения и знакомства учащихся с формами множественного числа глаголов прошедшего времени также используется наглядность и метод сопоставления с явлениями родного языка.

При знакомстве с глаголами будущего времени учащиеся дагестанской национальной школы испытывают некоторые затруднения. Они предпочитают употреблять форму будущего сложного времени: буду читать, буду говорить. Более того, они по аналогии с глаголами

несовершенного вида употребляют и глаголы совершенного вида в форме будущего сложного времени: «буду написать», «буду посмотреть», «буду прочитать» и т. д. Доступность формы и значения будущего сложного времени объясняется тем, что слово *буду* определенно выражает значение этого времени. А в глаголах будущего простого значение времени формально не выражено и в большинстве случаев нет внешних признаков: скажу, решу.

При изучении глаголов будущего времени нужно также опираться на знания учащихся по родному языку, все пояснения давать на простейших примерах типа: ***Я буду читать. Ты будешь читать. Он будет читать. Мы будем читать. Вы будете читать. Они будут читать.***

Ошибки, допускаемые младшими школьниками в употреблении глаголов в форме будущего простого времени, являются частотными. Устойчивость данного типа ошибок можно объяснить тем, что учащиеся не могут связать наличия двух форм будущего времени (сложного и простого) в русском языке с грамматической категорией вида, несвойственной их родному языку, а глаголы будущего времени несовершенного и совершенного вида русского языка передаются на их родные языки иначе. Здесь также уместно отметить, что учащиеся соотносят будущее время со словом *буду* и считают, что глагольная форма без слов *буду, будешь, будем* не может указывать на будущее действие.

Сложная переплетенность временных, видовых и модальных значений в формах времени в дагестанских языках чрезвычайно затрудняет применение сопоставительного метода. Что в свою очередь может дать положительные результаты лишь в том случае, если учитель хорошо усвоил различия и сходства в выражении видо-временных значений русского и дагестанских языков, т.е. установил формы этих языков.

Родной язык учащихся-дагестанцев не только является подспорьем, но и оказывает отрицательное влияние на процесс овладения русским глаголом, его основными категориями. В процессе обучения русскому языку учащиеся дагестанской национальной школы встречаются не только с изоморфными, но и различными в сопоставляемых языках грамматическими категориями. Лишь всестороннее исследование сходств и различий может дать ясную картину национального своеобразия русского глагола, позволит с точки зрения языкознания представить грамматические категории двух языковых систем.

Ориентируясь на факты родного языка, нерусские учащиеся в русской речи нередко употребляют ту форму, которая вызывает привычную и более частотную ассоциацию в родном языке или которая им более знакома, а это нередко приводит к речевым ошибкам.

Для выработки у учащихся навыка правильного употребления в предложении глаголов всех трех времен целесообразно продумать систему тренировочных упражнений.

Приведем примеры некоторых заданий, способствующих запоминанию правильного употребления форм времени глаголов:

1. Прочитайте, определите время глаголов, запишите данные глаголы во множественном числе. Измените глаголы прошедшего времени по родам. *Краснел, алел, синел, пролетит, дочитает, вылечит, заговорит, ответил, убрал, дорисовал, подумал.*

2. Прочитайте текст. Определите время и число глаголов. Замените глаголы множественного числа глаголами в единственном числе. Перепишите, обозначьте суффикс –л-.

Кот и лиса нагнали Буратино. Но он увидел лебедя, схватил его за лапы, и лебедь понес его через озеро. Лебедю надоело нести Буратино, и он сказал: «Пожалуйста, отпустите мои лапы и падайте...» (А. Толстой, Приключения Буратино).

3. Выпишите глаголы, обозначьте время глаголов и число. Подберите однокоренные слова к глаголам прошедшего времени.

Путники снова двинулись к Изумрудному городу. Этот день принес им много приключений. Пройдя около часа, они остановились перед оврагом, который тянулся по лесу вправо и влево, насколько хватало глаз. (А. Волков, Волшебник Изумрудного города).

4. Прочитайте текст. Перепишите, заменив глаголы прошедшего времени глаголами настоящего времени. Орфограммы подчеркните.

Декоративные собаки цветы разводили, чтобы кругом красиво было. Ну а сторожевые псы по ночам деревню охраняли. А на другом берегу реки, в деревне Мурмурка, как вы уже догадались, жили кошки. Коты рыбу ловили, кошки по хозяйству хлопотали, теплые вещи из шерсти вязали. Ну и, конечно, все они мышей ловили, без этого кошки не могут. (В. Чижиков, Шарик и Васька против Мышиного Короля).

Так как глагол играет большую роль в организации предложения, являясь сказуемым, от которого зависят второстепенные члены предложения, то совершенно необходимо при изучении глагола проводить и синтаксические упражнения: составление словосочетаний и предложений.

Список литературы:

1. Бойцова А. Ф. Лингвистические основы методики преподавания русского языка в национальной школе. Л., 1975.
2. Магомедова З. Р. Обучение видо-временным формам русского глагола в начальных классах дагестанской национальной школы. Махачкала, 1982.
3. Махтиев Х. А. Система работы по обучению учащихся категориям времени и вида глагола в 4—6 классах дагестанской национальной школы. Махачкала, 1984.
4. Шакирова Л. З. Научные основы методики обучения категориям вида и времени русского глагола в тюркоязычной школе. Казань, 1974, с. 195.

РАСШИРЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ЯКУТСКОГО ЗАИМСТВОВАННОГО СЛОВА В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Саввинова Степанида Николаевна

*канд. филол. наук, младший научный сотрудник ИГиПМНС СО РАН
г. Якутск*

E-mail: stepanidasavvinova@mail.ru

Данная статья посвящена следующим аспектам семантической ассимиляции заимствований в эвенском языке: причины возникновения и развития семантических сдвигов; выделение видов семантических сдвигов якутских заимствований в эвенском языке.

Специального исследования, непосредственно посвященного семантическому освоению якутских заимствований, в эвенском языкознании не проводилось. Изученность темы — изменения, которые претерпели якутские заимствования в эвенском языке, находится на самом начальном этапе.

Необходимо подчеркнуть, что лексика, являясь наиболее изменяемой частью любого языка, больше и чаще других элементов языка, подвергается самым различным изменениям. Якутские заимствования в этом отношении не являются исключением. Но если лексика изменяется даже в рамках родного языка, то изменения ее в чужой языковой среде тем более естественны и законны, так как она подвергается здесь воздействию несравненно больших, чем в родном языке, факторов. Приобретенная способность слова якутского происхождения к семантическим сдвигам и изменениям в системе заимствующего языка (эвенского языка) является одним из основным условий, позволяющих считать слово заимствованным.

Семантические изменения, претерпеваемые якутскими заимствованиями, носят двоякий характер:

1. изменения, наблюдаемые на первом этапе заимствования, при вхождении якутизмов в эвенский язык, когда полное значение не сохраняется. В этом случае часто наблюдается семантическое сужение. Например: эвен. ана:дай «назначать, ставить» < як. анаа- «1) назначать, определять; 2) завещать»; эвен. е:дэ:н «беда» < як. иэдээн «1) беспокойство, тревога; 2) неприятность, беда»;

2. системное изменение, когда якутское заимствование, уже измененное во многих аспектах, может получить новое значение или изменить свое старое. Например: якут. алдьархай «беда, несчастье; бедствие» > эвен. алдьархай «I. 1) закат; 2) гибель, падение; II. 1) нужда,

бедствие, вред, ущерб, убыток; 2) опасность, нужда, бедность»; як. бурдук «мука» > эвен. бурдук «1) мука; 2) хлеб; 3) зерно»;

Таким образом, многозначность заимствования является следствием его семантического освоения и дальнейшей эволюции в новой языковой системе. Расширение значения представляет собой наиболее часто встречающееся изменение содержания освоения слов.

Семантические изменения осуществляются под влиянием двух групп причин: экстралингвистических и внутрилингвистических. Появление новых слов и новых значений обуславливается потребностью осмысления вновь возникших явлений, предметов и понятий действительности. Сам процесс семантических изменений якутских заимствований в эвенском языке можно разделить на три основных вида. Первый — сужение значения, осуществляющееся на начальном этапе семантической эволюции якутизмов. Второй — расширение значения, иными словами, охват словом большего круга понятий, проникновение слова из одной сферы значений в другую. Третий — перенос наименования, протекающий различно, в зависимости от ассоциативных связей, возникающих при осмыслении якутского слова.

Как уже было сказано, основная часть якутских заимствований вошла в эвенский язык в прошлом столетии. Одни из них сохранили свою семантику, с другими же произошли определенные семантические изменения.

Расширение значения слова выступает в тех случаях, когда оно в новом употреблении охватывает большой круг понятий, то есть может быть употреблено как средство называния шире, чем раньше. Оно увеличивает объем понятия, то есть количество называемых предметов и явлений, в результате чего возникает новое значение слова. Так например, якутское слово *боотур* «воин», «доблестный, мужественный» в эвенском языке фонетически видоизменилось в *батур* «1) храбрый, отважный, мужественный; 2) храбрец, смельчак, удалец, молодец», а семантически расширило свое значение — стало названием любого храбреца. Надо отметить, что слово *боотур* в якутском языке является устаревшим словом, отсюда можно предположить, что данное заимствование, видимо, является одним из самых старых заимствований.

Расширение значения слов обычно имеет место в тех случаях, когда якутские слова попадают в эвенские диалекты и в обиходно-разговорную речь и, как показывает самоназвание, предполагают расширение назывной функции того или иного якутского слова при освоении его эвенами. Подобные явления наблюдаются в следующих словах:

якут. акаары «I 1) дурак, глупец; 2) дурость, глупость» > эвен. ака:ри 1) Ск глупый; 2) Арм бешеный; II 1) дурак; 2) фольклорный сказочный герой.

Например: Бэй һөбэллиди *ака:ри* оваттан, — эне гөнни. — Пьяный становится бешеным, — говорит мама.

Уйбаачан буюсэклэ *ака:ри* हुту эрэгэр мэнньюми һөрүврэн. — Уйбаачан глупого сына всегда с собой берет на охоту.

Якут. алдьархай «беда, несчастье; бедствие» > эвен. алдьаркай Б I. 1)закат; 2) гибель, падение; II. 1) нужда, бедствие, вред, ущерб, убыток; 2) опасность, нужда, бедность».

Например: Буюр дю ораарбу һөрүникэн *алдьаркаю* эмуритэн. — Дикие олени принесли бедствие, уведя оленей.

Ама көкэчэлэн муттулэ *алдьаркай* одни. — Со смерти отца началась гибель для нашей семьи.

Як. сүбэ «совет» > эвен. һүбэ Б «1) план; 2) совет».

Например:

Эвэсэл дюгарап *һүбэв* гара. — Эвены приняли план на лето.

Һагдыл нөстэлду *һүбэв* бөрэ. — Старейшины дали совет молодым.

Як. чалбах «лу́жа» > эвен. чалбак «лу́жа; болото».

Например:

Удан тикчэлэн эйду *чалбак* нөн. — После дождя везде лужи.

Этикэн *чалбакли* нүнэч нэнрин. — Старик зашагал прямо по болоту.

Як. былаат «платок» > эвен. булат Оль «1) ткань, материя; 2) платок»;

Например:

Упэ магазиндук *материяв* гача. — Бабушка накупила материи в магазине.

Эне дилдулай *булату* тэттэн. — Мама повязала платок на голову.

Як. бурдук «мука» > эвен. бурдук Ол, Б, КО, М, Ох, П, Ск, Т «1) мука; 2) хлеб (зерно); 3) лепешка».

Например: һинэркэчэл складла *бурдуку* һаючал. — Мышки испортили муку на складе.

Һотарандула *бурдук* деплэв гарап. — На дорогу взяли лепешки.

Як. кир «грязь, нечистоты» > эвен. кир Оль «1) грязь, гадость, пакость; 2) грязный, гадкий, противный».

Например:

Эвэсэл ок-та мэн амардадукуй *кири* эсни эмэнгэрэр. — Эвены никогда не оставляют за собой грязь.

Чалбакла тикриди, нярикан *кирэ* орам гөникэн мэддэн. — Вывалявшись в луже, мальчик почувствовал себя гадким.

Як. мунных «собрание, заседание» > эвен. муньняк Оль «1) собрание, сходка; 2) совещание, заседание»;

Як. мөх — «кидаться из стороны в сторону, становиться на дыбы (о лошади)» > эвен. мэкундэй Оль «1) прыгать; 2) брыкаться, лягаться, дурить (об олене, лошади)»;

Як. таңара «бог» > эвен. таңара Ск «1) бог; 2) икона».

Например:

Этикэр гөвэттэ, *былыр* бэил *таңараду* тэдеритэн. — Старики говорят, что люди раньше верили в бога.

Дарья *таңарав* дэйриди кирестэннэн. — Дарья спрятала икону и покрестилась.

Як. аалык «дышло (в собачьей упряжке), тяговый ремень» > эвен. а:л М «1) лямка; 2) собачья шлейка»;

Як. көңдөй «1) польей, пустой; 2) никчемный, бесполезный, пустой» > эвен. көңдөй Ск «1) пустота; полость; 2) котловина»;

Например:

Этикэр гөнитэн тала *көңдөй* бисни. — Старики говорили, что там есть котловина.

Чукча гян мүңөлэ тикрөкөн өчө *өрүһуйгөрэр*, таңара гадни гөникэн. — Если друг чукчи тонет, его не спасали, считали, что его душу забрал бог.

Таким образом, можно сказать, что изучение семантических изменений слов относится к актуальным проблемам лексикологии и семантики, так как лексика проходит длительный путь развития, изменяясь и количественно, и качественно. Семантическое развитие слов связано с определенной исторической эпохой, экономическими и культурными условиями жизни людей. Новые отношения, общественные изменения в той или иной мере становятся причиной семантического развития слов.

Список литературы:

1. Ахунзянов Э. М. Двуязычие и лексико-семантическая интерференция. — Казань: Изд-во Каз.ун-та, 1978. — 169 с.
2. Бертагаев Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков. — Москва: Наука, 1974. — 283 с.
3. Блумфилд Л. Язык. — М.: Прогресс, 1968. — 606 с.
4. Богораз В. Г.. Материалы по ламутскому языку // Тунгусский сборник. — Л., 1931. — Вып. 1. — 106 с.
5. Будагов Р. А. Сравнительно-семасиологические исследования. — М.: Изд-во МГУ, 1963. — 302 с.

6. Бурькин А. А. Лексические особенности диалектов и говоров эвенов Охотского района Хабаровского края // Проблематика и взаимодействие языковых уровней. — Л., 1988. — С. 46—52.
7. Вайнрах Уриэль. Языковые контакты. Перевод с англ. — Киев: Вища школа, 1979. — 263 с.
8. Взаимодействие лингвистических ареалов// Теория, методика и источники исследования/ М. А. Бородина, С. В. Смирницкая, Ю. К. Кузьменко и др. — Л.: Наука. Лен. Отделение АН СССР, 1980. — 146 с.
9. Данилова А. А. Бытовая лексика эвенского языка.— Якутск, 1991.—113 с.
10. Ефремов Л. П. Сущность лексического заимствования и основные признаки освоения заимствованных слов: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филол.наук. — Алма-Ата, 1959. — 22 с.
11. Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. — Киев, 1974. — 176 с.
12. Иваницкая А. А. Заимствование иноязычной лексики и ее освоение: Автореф. Дис. на соиск. уч. ст. канд. филол.наук. — Киев, 1981. — 24 с.
13. Историко-типологические исследования по тунгусо-маньчжурским языкам. Сб. науч. тр. — Новосибирск, 1988. — 135 с.
14. Кейметинов В. А. Эвенско-русский словарь. Толкование и этимология. Ч. I. Якутск, 2005. — 199 с.
15. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. — М.: наука, 1968. — 153 с.
16. Кузьмина Р. П. Якутские лексические заимствования в эвенском языке//Проблемы родного языка в условиях глобализации и интеграции современного общества. — Якутск, 2007. — С. 187—190.
17. Лебедев В. Д. Язык эвенов Якутии. — Л.: Наука, 1978. — 206 с.
18. Лебедев В. Д. Охотский диалект эвенского языка. — Л., 1982. — 241 с.
19. Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1976. — 685 с.
20. Линник Т. Г. Проблемы языкового заимствования// Языковая ситуация и взаимодействие языков. — Киев, 1989. — 324 с.
21. Петров А. А. О языковой картине мира тунгусов (системные связи и отношения). — Из интернет-источника.
22. Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. — М.: Наука, 1980. — 114 с.
23. Романова А. В., Мыреева А. Н., Барашков П. П. Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков. — Л.: Наука ЛО, 1975. — 207 с.
24. Слепцов П. А. Русские лексические заимствования в якутском языке. — М., Наука, 1975.
25. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. — Л.: Наука, 1975. — Т. 1. (А—Н). — 672 с.

26. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. — Л.: Наука, 1977. — Т. 2 (О—Я). — 992 с.
27. Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы. — М.:Изд-во АН СССР, 1962. — 287 с.
28. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. — М.: Наука, 1968. — 272 с.
29. Цинциус В. И. Якутско-тунгусские лексические связи//Тунгусский сборник, 1. — Л., Изд-во АН СССР, 1931. — С. 117—127.
30. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. — М.: Наука, 1973. — 280 с.
31. Шухрай О. Б. К проблеме классификации заимствованной лексики//ВЯ. 1961. — № 2. — С. 29—47.
32. Щербак А. М. Роль контактов в процессе изменения лексического состава и морфологической системы языков. Мат. конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора В. И. Цинциус. — Санкт-Петербург, 2003. — с. 256—263.
33. Якутско-русский словарь/Под ред. П. А. Слепцова. — М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1972. — 605 с.

НАРЕЧИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЛОКАТИВНОСТИ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Шарина Сардана Ивановна

*канд. филол. наук, зав. сектором эвенской филологии
ИГИПМНС СО РАН, г. Якутск
E-mail: sarshar@mail.ru*

Основной формой выражения локализатора в эвенском языке является существительное, оформленное локативными (или дательным) падежами, или существительное с послелогом, с падежным и притяжательным оформлением. Всякий раз, когда необходимо определить местонахождение предмета, независимо от контекста и ситуации, прибегают к этой форме: Мут урэкчэндули бадутникан окат бардалан уямкарбу иттит. «Мы проезжали верхом по горе и увидели на том берегу снежных баранов».

Для выражения пространственного значения могут использоваться и наречия места: Мин амардалав дёр учикатан улбунчиритэн. «За мною два верховых оленя (их) вереницей пошли». Цин исаг эвгидэдун мунрукам бокнан. «Собака догнала зайца на этой стороне леса».

Наречия места в эвенском языке представляют класс слов, соотносительный в морфологическом плане с падежными формами имен существительных и обозначают пространственную характеристику действия и признак предмета по расположению. Наречия места распределяются по семантическим категориям, соответствующим вопросам где? куда? откуда? (см. табл 1).

Таблица 1.

Наречия места

вопрос	аваски? «в каком направлении?»	авгич? «откуда?»	илэ? яла? «где? куда?»	или? яли? «где? по какому месту?»	иду? «где (на каком месте)?»	идук? ядук? «откуда (с какого места)?»
Примеры	<i>өгэски</i> «вверх»	<i>өйгич</i> «сверху»	<i>өйлэ</i> «наверху»	<i>өйли</i> «поверху»	<i>өйду</i> «сверху»	<i>өгинук</i> «сверху»
	<i>хэссэки</i> «вниз»	<i>хэргич</i> «снизу»	<i>хэрдэлэ</i> «внизу»	<i>хэргили</i> «понизу»	<i>хэргидэду</i> «внизу»	<i>хэргинук</i> «снизу»
	<i>бассаки</i> «на другой берег»	<i>баргич</i> «с другого берега»	<i>баргидала</i> «на другом берегу»	<i>баргидали</i> «по другому берегу»	<i>баргидаду</i> «на другом берегу»	<i>баргидадук</i> «с другого берега»
	<i>ңяски</i> «вниз по склону»	<i>ңягич</i> «снизу по склону»	<i>ңяла</i> «внизу по склону»	<i>ңяли</i> «по низу склона»	<i>ңяду</i> «внизу на склоне»	<i>ңянук</i> «снизу по склону»
	<i>дески</i> «вверх по склону»	<i>дегич</i> «сверху по склону»	<i>делэ</i> «вверху на склоне»	<i>дели</i> «по верху склона»	<i>дейдэду</i> «внизу на склоне»	<i>денук</i> «сверху по склону»
	<i>холаки</i> «вверх по течению»	<i>холгич</i> «со стороны верховьев»	<i>холдала</i> «на верховьях»	<i>холгидали</i> «по верховьям»	<i>холгидаду</i> «в верховьях»	<i>хولينук</i> «с верховьев»
	<i>эеки</i> «вниз по течению»	<i>эдгич</i> «со стороны низовьев»	<i>эдгидэлэ</i> «в низовьях»	<i>эдгидэли</i> «по низовьям»	<i>эдгидэду</i> «в низовьях»	<i>эдгинук</i> «с низовьев по течению»

При выражении пространственного отношения наречия не являются специализированными, самостоятельными указателями места, их функция сводится к уточнению и дополнению локализатора, который обычно выражается существительным. При его отсутствии наречие может указывать на локализацию предмета, когда локализатор оказывается неизвестным, неопределенным или, наоборот, когда он известен говорящим и может поэтому специально не обозначаться; в последнем случае наречия места имеют местоименный, дейктический характер.

В эвенском языке отмечается большая частотность употребления наречия с притяжательным оформлением: эрэлин «вокруг него», ойдукун «от его верха», ангидалан «справа от него». Подобные конструкции различаются меньшей степенью обобщенности локализатора.

С точки зрения пространственной ориентации наречия места группируются по определенным семантическим признакам [1, с. 17]. В эвенском языке можно выделить следующие группы:

1. В первую группу входят абстрактные и неопределенные наречия, указывающие на всеобщность или неопределенность локализации: илэ «где», или «по какому месту», идук «откуда», иргич «с какой стороны», или-дэ «везде», иду-дэ, илэ-дэ, или-дэ «нигде». Примеры: Осикат тикрэкэн — илэ-вут бэй көкэвэттэн. «Звезда падает — где-то человек умирает». Хи идук эмэнри? «Ты откуда приехал?» Иргич-таргич эмчэл бэйл чакаптитан. «Отовсюду приехавшие люди собрались». Илэ-дэ исми, ок-та бими эрэгэр хинуннюн гэлэрэм, аявнав, балдадану бугу. «Куда бы ни дошел, когда бы ни был, всегда тоскую по тебе, любимая, родная моя земля».

2. Дейктические наречия места, обозначающие место по отношению к участникам коммуникации: элэ «здесь», тала «там», часки «туда», чагич «оттуда» эвэски «сюда», дегэнтэки «налево», огэски «вверх, ввысь», тэгэлэ «далеко», эвгич «отсюда», эвгилэ «здесь», эвгинук «отсюда». Например: Эгдем дюв бакран. Тала ин. «Нашел большой чум. Вошел туда.»

3. Относительные наречия места, обозначающие место по отношению к уже известному объекту или месту: дюллэ, дюлли, дюлинок «спереди», амарла «сзади», өйлэ «вверху»; төллэ «наружу, на улице», эйэки «вниз по течению», холаки «вверх по течению», холгич «с верховьев рек», өйгич «сверху», төлгич «снаружи», дюлгич «спереди», буйгич «из лесу», догич «изнутри», дегэнгидэлэ «влево, на левой стороне», холла «в верховьях», буйла «в лесу», дола «внутри», дегингидэлэ «налево», эвгидэлэ «на этой стороне», хэргилэ «внизу», дегингидэли «по левой стороне», холли «по верховьям рек», өйли «по верху», амардали «по задней стороне», ангидали «по правой стороне», дюлэпки «вперед», хэссэки «(сверху) вниз», ангидатки «направо» өйдун «на верху (его)», хөлидун «на берегу (ее)», дюлдэдун «впереди (его)», амардадун «сзади (его)», додун «внутри (его)» дегингидэдук «с левой стороны», хөлгич «с верховьев», төлинок «снаружи», өйинук «сверху», буйинук «из лесу», баргинук «с той стороны»и др. Примеры: Тог екэзэндүлэ истала өгэски

һосниракан — горинук бэй эмдын. «Если огонь до котла вверх искрится — издалека гость придет». Үнэндникэн дюдлэлэй оркакан тибариван көөрэм. «Когда шел, увидел, что впереди бегают оленьчик».

4. Оценочные наречия места, обозначающие расстояния относительно любого объекта: далидун «поблизости (его)», далили «поблизости», гору «далеко», горгич «издалека», тэгэлэ «далеко» и др. Однако, в связи с тем, что в эвенском языке отмечается омонимия оценочных понятий места и времени, некоторые наречия места употребляются и как определители времени. Данные разряды наречий не имеют строго очерченных границ, последние три разряда тесно переплетаются между собой.

Пространственное отношение может быть выражено и наречием образа действия в роли послелогов. Данные средства, обозначающие связь двух субстанций, отличаются тем, что в синтаксических конструкциях они постпозитивны к знаменательному слову — имени, обозначающему локализатор, тогда как наречия всегда примыкают к глаголу. К ним относятся такие слова, которые совмещают в себя функции послелога и наречия: дэпки «напротив», эрэли «вокруг», эвэнки «поперек», табдас «насквозь», кэнрэс «через», нонапки «вдоль», дюдлэпки «вперед».

По семантическому указанию наречных послелогов их частные локативные отношения следующие: дэпки «напротив» выражает в позиции «возле — в отдалении» конкретное направление, наречный послелог эрэли «вокруг» представляет локализацию в виде окружности (сферы), эвэнки «поперек», табдас «насквозь», кэнрэс «через» выражают локализацию в виде линии (плоскости), позицию «сквозь, через», нонапки «вдоль» — расположение на линии, проходящей по вертикальной плоскости или вблизи нее.

Примеры: Ноңан нян чукачан олбаниди наму *кэнрэс* дэгэлрэн. «Затем он, превратившись в птичку, полетел через море.» Биракчан *эвэнки* мукучэв нэли. «Поперек ручья положи бревно.» Көкэчэв накату *эрэли* нёңчакал уддитан хоя бисин. «Вокруг убитого медведя было много следов волков.» Болгикаг *табдас* як-та экич иттэ бисин. «Сквозь заросли кедровника ничего нельзя было увидеть.»

Рассмотрение грамматических явлений эвенского языка с позиции функционально-семантического подхода позволяет структурировать поле локативности. В эвенском языке функционально-семантическое поле (ФСП) локативности имеет как ядерные (специализированные, морфологические), так и периферийные (совмещенные) средства выражения локативности. В периферийные элементы, образующие ФСП локативности, можно отнести конструкции с наречиями.

Список литературы

1. Бондарко А. В., Воейкова М. Д., Гак В. Г. и др. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. — 229 с.

2.3. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

СИНТАКСИС И СЕМАНТИКА КОНВЕРСАЦИОННЫХ ИМПЛИКАТУР

Баркинхоева Зейнап Багаудиновна

ассистент кафедры английского языка ИнГУ, Ингушетия, г. Магас

E-mail: zifakatieva@mail.ru

Несмотря на то, что зарубежные прагмалингвисты уделяют значительное внимание проблеме имплицатур в целом и особенно разговорным, мы не располагаем на сегодняшний день ни одной специальной работой, в которой была бы дана характеристика, во-первых, синтаксических и, во-вторых, семантических особенностей разговорных имплицатур.

В соответствующих исследованиях таких лингвистов, как Ст. Левинсон, Мейбауэр, Эрнста и многих других, мы находим указание, что разговорные имплицатуры зависят от соответствующего коммуникативного контекста; пресуппозиций говорящих, а также они опираются, как правило, на вербализованную имплицатуру [5; 9].

Изначально основоположник теории максим П. Грайс связывал функционирование имплицатур с нарушением той или иной максимы, но никаких практических рекомендаций относительно оформления имплицатур не предложил [6, с. 112].

Ст. Левинсон считает, что имплицатуры суть неотъемлемая часть речевого общения, и предполагает, что прагмалингвистика должна располагать хотя бы приблизительным списком синтаксических образований, именуемых имплицатурой [9 с, 110].

Анализ коммуникативных контекстов на материале английского и немецкого языков показывает, что имплицатуры во многих случаях имеют аналогичные синтаксические репрезентации, что и неимплицатурные высказывания.

Рассмотрим их вкратце на примерах, заимствованных у Дж. Мэя.

1) — *What time is it?*

— *The bus just went by.*

2) — *When Aunt Rose's birthday?*

— *It's sometime in April.*

3) *Anna: Und wie geht's Charlie in seinen neunten Job?*

Berta: Bisher gut, im Gefängnis ist er noch nicht gelandet.

Во всех приведенных иллюстрациях–диалогах имплицатуры–высказывания выделены.

Обратимся к примеру (1). Здесь иницирующий собеседник своим вопросом преследует цель — узнать текущее время. Обычная, неимплицатурная реакция выглядела бы приблизительно так: 5 minutes to 18.

Но имплицатурная реакция, тематически спровоцированная вопросом, не называет точного времени, а отсылает адресата к другому действию — «Автобус только что отошел».

Ясно, что синтаксическая структура имплицатурного высказывания не продиктована адресантом или имеет характер завершенной синтаксической структуры.

На какие факторы опирается реагирующий, строя подобную конструкцию, и как можно истолковать ее смысл?

Этот диалог мог состояться где-нибудь на остановке автобуса (там, где автобусы курсируют точно по расписанию) либо на автовокзале. При этом оба собеседника знают, что автобус N отходит, скажем, 7.50, следовательно, на основе имплицатуры адресант приходит к заключению, что в момент говорения — 7.52.

Реагирующий дает такой ответ, что адресант без труда делает вывод о текущем времени. Но ни в коем случае мы не можем говорить, что собеседник уклоняется от ответа или нарушает правило коммуникативного сотрудничества.

В диалоге (2) адресант не может вспомнить, когда день рождения тети Розы — отсюда вопрос. Но на вопрос не следует точного ответа, пресуппозиция адресанта такова, что он помнит, что ее день рождения где-то (sometime) в апреле, и сказать точно дату не может.

«Где-то в апреле» означает, строго говоря, что он (день рождения) может быть в любой день апреля, т. е. с 1 по 30-е число. Но имплицатура дает все-таки ориентацию на то, что это, возможно, в начале или самом конце месяца.

И здесь для реагирующего широкий выбор дней, устанавливаемых на основе активации мышления. Возникает вопрос, игнорирует ли адресант вопрос спрашивающего? Нет. У него такой фонд знаний, по крайней мере в момент ведения диалога.

Обратимся к диалогу (3). Здесь обе собеседницы — Анна и Берта знают, что у Чарли новая работа. Анна своим вопросом хочет установить, как у Чарли идут дела на новой работе.

Реакция Берты в двух конструкциях: эллиптической, полносоставной информирует адресанта о том, что в буквальном понимании первой части реакции у Чарли дела идут, а собственно

имплицатурное высказывание настораживает, и может быть так, что Чарли потенциально нечестный человек, возможно, даже совершает криминальные действия. «Оказаться в тюрьме» имплицурует именно этот дополнительный смысл.

Как видим, во всех иллюстрациях имплицатуры представлены реализации моделей полносоставных структур.

Следующими способами репрезентации имплицатурных высказываний являются метафорические обозначения, т. н. тавтологические номинации типа N1 — V — N1 и фразеологические единицы. Рассмотрим их вкратце в своей последовательности.

Далее проанализируем метафоры-имплицатуры.

5) — *Wie war der Chef gelaunt?*

— *Der Löwe brüllte.*

6) — *You are impossible. A monster!*

— *Is that why you will not marry me?*

7) — *«Do not drop those books, stupid», said her voice sharply.*

The fact is I shall have to make use of you. You are a poor tool!

«I am a miserable tool» said Marvel.

Диалогические контексты, где функционируют имплицатуры-высказывания, в случаях (5, 7) представлены полносоставной реализацией модели, а в примере (5) метафора-имплицатура, хотя и синтаксически отделена от предыдущей двусоставной реализации модели, но она семантически соотнесена с агенсом — *you — monster*.

При функционировании имплицатур-метафор не всегда точно удается установить, на основе ассоциации с каким признаком возникает имплицатура: на основе внешних признаков адресата (или адресанта), характера действий или поведения адресата или метафора мотивируется характером реакции партнера по речевому общению. Как бы то ни было, в случае метафоры-имплицатуры перед говорящим встает задача — разгадать, почему же его партнер прибегает к образу и что в этом образе является доминантой.

Имплицатура, как уже отмечалось, возникает на основе двойных номинаций одного и того же предмета, признаков, соединяемых глаголами-связками (тип N1 — V — N1), которые в традиционной лингвистике не вполне корректно именуется тавтологией. Наш анализ показывает: конструкции типа N1 — V — N1, не выражают избыточную информацию, а выполняют, как показывает материал, аргументирующую или оценочную функцию, которая проявляется в конкретных коммуникативных ситуациях.

Й. Майбауэр приводит следующий примечательный пример:

8) A: *Der Fritz hat die alle total abgezockt.*

B: Geschäft ist Geschäft.

Из этого диалога на основе импликатуры и инициации может быть сделан следующий дополнительный смысловой вывод: «Конечно, это может быть и не совсем корректно (хорошо), но такова уже жизнь в бизнесе».

Не высказывая прямо своей оценки деятельности Фрица как бизнесмена, собеседник прибегает к конструкции с двойной номинацией, призывая собеседника делать самому соответствующий вывод.

Следующим способом репрезентации импликатуры является в обоих германских языках номинация существительного, как правило, в функции реакции. Уже отмечалось, что функционирование существительного в качестве импликатуры опирается прежде всего на presupпозиции обоих собеседников. Рассмотрим это на примерах, заимствованных из романа Ст. Мейер «Twilight» и из романа немецкого писателя Шнейдара «Abenfenest». Ср:

9) — *Why do you keep this here?*

Nostalgia.

10) — *Why do you have cars like that at all?*

An indulgence. We all like to drive fast.

11) — *Why won't you and Alice take this seriously?*

Confidence.

12) — *Orkan im Anzong*

• *Wiesto?*

• ***Eifersucht.***

Как видим, в большинстве случаев вопрос о причине (why, wieso) раскрывается лаконичной номинацией существительного в начальном падеже в обоих языках, которые представляют собой емкие и абстрактные обозначения.

В диалоге (9) речь идет о кресте, который девушка хранит у себя и который достался ей от бабушки. Дополнительный смысл импликатуры раскрывается лишь на фоне развертываемого контекста.

В диалоге (10) молодой парень, любитель быстрой езды, лаконично объясняет через импликационную номинацию — *indulgence*, что это — потакание, проявление его слабостей.

В диалоге (11) собеседница на вопрос о том, почему они (она и Алиса) не принимают эти действия всерьез, также реагирует импликационным высказыванием — *Confidence*, смысл которого раскрывается в контексте — «Мы, поступаем так, потому что мы доверяем друг другу».

В иллюстрации (12) инициация — *Orkan im Anzug* — метафорически передает надвигающийся гнев персонажа, следует

вопрос — А почему? Диалог завершает номинация абстрактного и емкого Eifersucht — ревность.

Дополнительный смысл имплицатуры может быть «вычитан» следующим образом: персонаж находится в состоянии сильного гнева (ураган), потому что он очень сильно ревнует.

Материал обоих языков, следовательно, показывает, что имплицатурные однословные номинации–существительные отнюдь не чужды диалогической коммуникации, ибо емкость их семантической структуры дает возможность собеседникам с опорой на контекст и пресуппозиции совершать познавательные операции и выводы и вычитывать дополнительные смыслы.

Таким образом, анализ синтаксической структуры имплицатурных высказываний дает основание делать вывод о том, что синтаксические способы представления имплицатур весьма разнообразны. Они представлены реализацией полносоставных моделей до однословных номинаций. Но в тех и других случаях дополнительный смысл не может быть «вычитан» без опоры на другие факторы: пресуппозиции говорящих, контекста коммуникации и семантически прикрепляемого к нему имплицатурного высказывания.

Отметим, что однословные номинации существительных, как правило, представляют собой емкие и абстрактные языковые единицы. Именно семантическая емкость последних позволяет выводить, в конечном счете, дополнительные смыслы. Однако, оторванные от контекста и без опоры на пресуппозиции, эти номинации показывают недостаточную степень их коммуникативности.

Мы убедились в том, что во многих случаях смысл имплицатуры не вытекает из сложения смыслов реализованных языковых единиц. Но имплицатура имеет несколько проекций: в сторону контекста, пресуппозиции адресанта, пресуппозиции адресата.

Тезис об упрощении содержания имплицатуры требует, на наш взгляд, ряда фундаментальных исследований, а при функционировании емких по своей семантической структуре существительных вообще не приходится говорить.

Список литературы:

1. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л., Наука, 1973.
2. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: Восток. Запад, 2007.
3. Уфимцева А. А. Семантика слова// Аспекты семантических исследований. М., Наука, 1980.

4. Чакоян Л. П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. М.: Высшая школа, 1979.
5. Ernst P. Pragmalinguistik. Grundlagen, Anwendengen, Probleme. Walter de Grueter Berlin, New York, 2002. 210 s.
6. Grice H.P. Presupposition and conversational implicature // Radical Pragmatics. Ed. By P. Cole — New-York: Academic Press, 1981.
7. Jule J. Pragmatics. Oxford University Press, 1996.
8. Konsalik H. Öl –connection. Blauvalet, 2000. 432 s.
9. Levinson S.C. Pragmatics. Cambridge:Cambridge University Press, 1983. 110 p.
10. Meibauer J. Pragmatik, Stauffenburg — Verlag, // Tübingen, 2001. 203 s.
11. Meyer St. Twilight London, Atom, 2008. 434 p.

ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РЕЧЕВОГО АКТА ПРОСЬБЫ В БРИТАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА)

Замятина Елена Евгеньевна

*преподаватель, ГБОУ СПО «Нижнетагильский педагогический
колледж № 2», г. Нижний Тагил
E-mail: elena_0473@mail.ru*

Согласно классификации Дж. Р. Сёрля, просьба относится к директивным речевым актам, т. е. осуществляя которые, говорящий стремится побудить слушателя совершить определенное неречевое действие или повлиять на его поведение. Речевой акт просьбы предполагает действие, совершаемое слушающим в интересах говорящего, при этом у исполнителя действия есть свобода выбора относительно того, совершать это действие или нет. Просьба содержит угрозу для обоих участников коммуникации: угрозу для объекта, на свободу которого покушаются, и угрозу для самого субъекта, который может получить отказ [3, с. 20].

Существует два способа выражения просьбы: прямой и косвенный. Прямой способ предполагает использование императива. Императив прямо выражает желание говорящего и практически не оставляет слушающему возможности не совершать действия. Поэтому в британской культуре, где главной ценностью является автономия личности, использование императива для выражения просьбы допускается в основном при неформальном общении [1, с. 119].

В деловом дискурсе прямой способ выражения просьбы встречается в ограниченных ситуациях, например в таком речевом жанре как жалоба, когда говорящий испытывает сильные негативные эмоции, т. к. его требования не удовлетворяются и в этом случае возможен конфликт. В этом случае говорящий прямо заявляет о своих желаниях. Например: *So what we want you to do is to include an extra 15 in next month's order and we'll send the faulty ones back to you. Is that agreeable?* (Поэтому мы хотим чтобы вы добавили 15 дополнительных деталей в наш следующий заказ, а мы вышлем вам бракованные изделия. Вы согласны?) *I want you to get someone out here today to look at it and put things right.* (я хочу чтобы вы прислали кого-нибудь сегодня, чтобы выяснить, в чем дело и устранить неполадку.)

В данных примерах для выражения просьбы использованы прямые декларативные высказывания. Однако, для английской коммуникативной культуры такие высказывания не типичны, так как в них не учитываются интересы собеседника.

Прямой способ выражения просьбы также встречается в телефонном разговоре:

- *I'd like to speak to the manger/ I wanted to speak to the manager* (Я хочу поговорить с менеджером).
- *Hold the line, please, and I'll see if he's in* (Не кладите трубку, пожалуйста. Я выясню на месте ли он) [4, с. 105].

В первой реплике для смягчения воздействия на адресанта используются либо сослагательное наклонение, либо прошедшее время. В ответной реплике императив употребляется с постпозиционным модификатором *please*. Однако следует помнить о том, что в английском языке данный модификатор «является лишь индикатором вежливости, а сам по себе не играет большой роли» [1, с. 120].

Для смягчения императива используется краткий вопрос, присоединяемый к концу предложения (*would/will you; don't you*). Например: *Yes, put him through, would you?* (Да, соедините с ним, хорошо?) *That's OK. But don't wait too long, will you?* (Хорошо. Но не откладывайте с принятием решения, ладно?)

В ситуациях делового дискурса для выражения просьбы преобладает косвенный способ. Понятие косвенного речевого акта было введено американским философом Джоном Роджерсом Сёрлем. Коммуникативно-прогматическая цель косвенных речевых актов не соответствует их прямому структурному значению. Косвенные высказывания предоставляют слушающему возможность не совершать действие, к которому его побуждают [3, с. 25]

В проанализированных нами примерах делового дискурса, при выражении просьбы косвенным способом используются следующие стратегии:

1. Выражение сомнения в желании адресата совершить действие. Например: *Would you mind putting together a brief report identifying a few areas where we can make some savings?* (Не возражали бы вы подготовить доклад, осветить те сферы, в которых мы могли бы сэкономить?) *Would you please inform us...* (Не могли бы вы, пожалуйста, сообщить нам..).

2. Выражение сомнения в возможности реализации действия, к которому говорящий побуждает собеседника.

Например: *I don't suppose you could...?* (Я не думаю, что Вы смогли бы *Is there any chance of borrowing your note book?* (Есть ли возможность воспользоваться вашим ноутбуком?)

Is there any way you can...? (Есть ли способ, которым бы вы смогли...)

I was wondering whether you could do some overtime this week? (Мне хотелось узнать, сможете ли вы на этой неделе поработать дополнительно?)

3. Выражение признательности адресату в случае выполнения просьбы.

It'd be a great help if... (Будет большой подмогой если...).

I'd really appreciate it if... (Я бы, на самом деле оценил если..)

4. Утверждение желания говорящего.

I'd like to speak to someone about an order. (Мне хотелось бы поговорить с кем-нибудь насчет заказа).

На языковом уровне эти стратегии реализованы следующими грамматическими структурами: сослагательным наклонением, вопросительными высказываниями с модальными глаголами. Вопросительные высказывания встречаются двух типов:

1. Объектно-ориентированные, т. е. ориентированные на слушающего: *Would you send us a cheque for the balance, then?* (Не могли бы выслать нам чек?)

2. Субъектно-ориентированные, т. е. ориентированные на говорящего:

Can I get in touch with you again after we've had your photos? (Могу ли я связаться с вами снова, после получения фотографий?) [4, с. 125]

Высказывания с *could* звучат более вежливо, чем с *can*. Вопросы с глаголом *would* характеризуются большей степенью вежливости.

Очень часто просьба может предвосхищаться мотивированностью необходимости совершения того или иного действия. Например:

- *We're falling behind schedule on the new project and I was wondering whether you could do some overtime this week? (Мы отстаем от графика сдачи нового проекта. Мне хотелось узнать, сможете ли вы на этой неделе поработать дополнительно?)*

- *Shouldn't be a problem. I'll do it tomorrow. (Это не проблема. Я задержусь на работе завтра [5, с. 97].*

Иногда, как в следующем примере, говорящий просит собеседника подтвердить целесообразность совершения действия.

- *So, Peter, we need to cut costs by at least ten per cent? (Итак, Питер, нам нужно уменьшить цену на три процента?)*

- *It looks that way, yes. (Похоже что так)*

- *Would you mind putting together a brief report identifying a few areas where we can make some savings? (Вы бы не возражали приготовить небольшой доклад, упомянув сферы, где бы мы могли сэкономить?)*

- *OK. When do you need it by? (Хорошо. К какому срок его приготовить?) [5, с. 55].*

Данная ситуация интересна тем, что она ассиметрична. А в ассиметричных ситуациях любое высказывание, выражающее прямую/косвенную просьбу по своему социально значимому содержанию таковой не является, так как статусные отношения между коммуникантами не равны и у адресата нет выбора. Такие высказывания являются по существу косвенными авторитарными командами, распоряжениями, требованиями. Приведем ещё один пример: [ситуация: директор обращается к секретарю]

- *Could you possibly type these letters?(Могли бы вы, возможно, напечатать эти письма?).*

Это позволяет говорить о том, что даже в ассиметричных ситуациях делового общения, участник, выше по социальному статусу, не стремится это подчеркнуть, а, наоборот, старается смягчить категоричность своего высказывания, проявляя уважение к собеседнику.

Проанализированные нами примеры выражения просьбы показывают, что для коммуникативного поведения англичан, под которым вслед за И. А. Стерниним мы понимаем совокупность норм и традиций общения определенной лингвокультурной общности, характерны некатегоричность, антиконфликтная ориентация общения и бытовая вежливость [2, с. 8]. Эти черты объясняются особенностями отношения к власти и дистанции в британской лингвокультуре. Т. В. Ларина отмечает, что именно власть и дистанция определяют социальные взаимоотношения коммуникантов [1, с. 77].

Незначительность степени *социального неравенства* в культуре Великобритании отражается в такой ценности как *равенство*. Уважительное и внимательное отношение к каждому, независимо от статуса и

социального положения, является важной чертой английского стиля коммуникации. Поскольку английская культура является крайне индивидуалистической, то социальная дистанция (расстояние, разделяющее коммуникантов) в ней значительно больше, чем во многих других культурах. Исходя из этого, автономия личности является в ней основной ценностью.

На языковом уровне отмеченные нами черты английского коммуникативного поведения выражаются в употреблении средств модальности. В наших примерах к ним относят употребление сослагательного наклонения, модальных глаголов и вопросительных конструкций. В модальности отражается взаимодействие между четырьмя факторами коммуникации: говорящим, слушающим, содержанием высказывания и действительностью. Средства модальности широко используются в британской лингвокультуре, так как они служат смягчению категоричности высказывания.

В заключение хочется ещё раз подчеркнуть, что коммуникативное поведение народа определяется ценностной ориентацией его культуры. Многие ценности, накопленные человечеством на протяжении истории являются универсальными. Однако значимость тех, или иных ценностей, их иерархия на ценностной шкале в разных культурах различна. Именно это и определяет оригинальность каждой культуры, её своеобразие и уникальность.

Список литературы:

1. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций — Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 260 с
2. Стернин И. А. Очерк английского коммуникативного поведения / И. А. Стернин, Т. В. Ларина, М. А. Стернина. — Воронеж Воронежский государственный университет Межрегиональный Центр коммуникативных исследований, 2003. — 161 с
3. Дж. Р. Сёрль. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. — 1986. — № 17.[электронный ресурс] — Режим доступа. — http://www.classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_1.htm
4. B. Jean Naterope, Rod Revell Telephoning in English [text] / — Cambridge University Press, 2004. — 138 с.
5. Leo Jones, Richard Alexander. New International Business English. Communication skills in English for business purposes [text] / Leo Jones, Richard Alexander. — Cambridge University press, 2007.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА СРАВНЕНИЕ В НЕМЕЦОМ ЯЗЫКЕ

Захарова Татьяна Владимировна

канд. филол. наук, доцент кафедры НФ и МПНЯ, г. Оренбург

E-mail: tanja-zacharowa@rambler.ru

Сравнение является одной из категорий, изучаемой и философией, и логикой, и лингвистикой. В современной философии сравнение определяется как «познавательная операция, лежащая в основе суждений о сходстве и различии объектов» [4, с. 125]. Как логическая категория, оно имеет большое значение при восприятии человеком предметов и явлений окружающего его мира. Будучи явлением языка, сравнение акцентирует сопоставление по сходству или различию разнообразных свойств, качеств и признаков отдельных объектов и явлений действительности. Лингвистическое сравнение, независимо от его семантико-стилистического типа, резюмирует проведенные мыслительные операции анализа и синтеза признаков предметов. При этом признак понимается в самом общем смысле, как показатель, знак, примета, по которым можно узнать, определить что-либо [6, с. 581].

Сравнение всегда занимало важное место в познавательной деятельности человека. Человек, будучи *Homo sapiens*, обладает способностью действовать, заранее предвидеть результаты своих действий, составлять планы, моделировать собственную деятельность, анализировать и, конечно же, сравнивать. Если говорить о присущей человеку способности сравнивать, то было бы уместно выразить это качество как *Comparare humanum est*, а самого человека подвести под психолингвистическое определение *Homo comparans* человек сравнивающий.

Авторы «Русской грамматики» пишут, «что каждая часть речи имеет свой собственный комплекс грамматических категорий, в которых представлено то обобщенное значение, которое свойственно всем словам этой части речи» [5, с. 453]. Традиционная классификация грамматических категорий обладает больше описательной, нежели объяснительной силой. Будучи характерной, для научного, теоретического познания, классическая категоризация далеко не всегда совпадает с обыденной, профанной категоризацией, которая и оказывается закрепленной в языковой форме. И поэтому выделение различных типов когнитивных категорий является настоящим двигателем и стимулом для поиска новой аргументации, направленной на объяснение сложнейших языковых фактов.

С точки зрения когнитивной лингвистики, где языковая категория определяется как «формат знания», предлагается следующее определение категории, которое как считает Н. Н. Болдырев, раскрывает ее специфику как формата знания. «Категория — это концептуальное объединение объектов, или объединение объектов на основе общего концепта. Другими словами, это знание и класса объектов, и того общего концепта, который служит основанием для объединения этих объектов в одну категорию» [2, с. 6]. При рассмотрении когнитивной категории встает вопрос о соотношении категории с одной стороны, и концепта, фрейма, сценария, классификаторов, с другой. Предполагается, что категория представляет собой более высокую степень абстракции. «В основе формирования категорий лежат определенные структуры знаний — знания о том, какие элементы входят в состав или могут быть отнесены к данной категории, какие образцы являются более типичными для этой категории, а какие — менее типичными и т. д.» [1, с. 66]. В основе когнитивной категории находится прототипический концепт, или прототип, который и определяет ее содержание. Прототипы в наиболее чистом виде выражают свойства фрагмента мира, являясь лучшим образцом категории. Прототипы отражают опыт освоения человеком мира и являются результатом длительного освоения в языке. Одной из важнейших функций прототипа является гносеологическая — она закладывает эмпирическую базу для наращивания знаний [3, с. 31].

Прототипическая структура в большей степени характерна для грамматических категорий как категорий естественных объектов, отражающих онтологию языка. Концептуальное пространство языка многомерно и служит средством хранения и передачи двух типов знания: энциклопедического знания о мире и знания языковых значений и категорий, которые находят свое выражение в двух видах языковых значений: лексическом и грамматическом. «Лексические значения и объединения слов отражают категоризацию естественных объектов, в то время как грамматические значения и грамматические категории — категоризацию естественных для языка объектов... Грамматическая категоризация отражает онтологию самого языка, деление на естественные для языка категории, обеспечивающие его существование как определенной семиологической системы и выполнение возложенных на него функций» [2, с. 10]. Помимо лексических групп и грамматических категорий Н.Н. Болдырев выделяет в языке целый ряд модусных категорий, т. е. категорий модусного типа, обеспечивающих возможности различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания и формирования на основе этого отдельных смыслов.

Категорию сравнения, в основе которой лежит концепт сравнения, мы также относим к модусным категориям.

Модусные категории обнаруживают концептуально-языковую природу, то есть они являются онтологическими для человеческого сознания и гносеологическими по отношению к окружающему миру и миру языка. Так и сравнение является самым универсальным и очевидным, но вместе с тем и самым скрытым элементом, который определяет форму познания и гарантирует богатство его содержания. Логико-языковая природа модусных категорий сближает их, с одной стороны, с полевыми структурами, организующимися по инвариантно-вариантному принципу; с другой стороны, в них могут выделяться прототипы и прототипические средства выражения данной функции в языке вследствие их неразрывной связи с категориями естественных объектов.

Категория сравнения включает в себя преимущественно морфологические средства, т. е. степени сравнения прилагательных. Именно они могут рассматриваться в качестве прототипических наряду с другими средствами, выражающими данную инвариантную функцию сходства/различия в своих вторичных значениях и поэтому занимающих периферийное положение в структуре этой категории/концепта. Периферийными же средствами, выражающими инвариантную функцию сходства — различия, являются синтаксические средства (*Ich halte sie so fest, als der Respekt es zuläßt; Ich kannte das Mädchen ja überhaupt nicht, und je länger ich es ansah, um so fremder erschien es mir.* - *Ведь я вообще не знал эту девушку, и, чем дольше глядел на нее, тем более чуждой она мне казалась.*), лексические средства (*Angleichung, gleichen, verschieden, polar, absolut, kontrastieren, походить, темнеть, подобный*) словообразовательные средства (*meterlang, übergross, superkurz, armdick, armlang, semivokal, fischig, wölfig, höhlenartig*), сравнительные фразеологизмы (*dünn wie eine Nadel sein; stumm wie Fisch; dumm wie Bock*).

Целью нашего исследования является изучение лексических средств вербализации концепта сравнения.

На лексическом уровне отношения **равенства** и **неравенства** выражаются многими частями речи: именами прилагательными, существительными, глаголами, наречиями с семантикой сходства и различия.

Равенство и сходство передают:

- прилагательные *gleich, gemeinsam, vermeintlich, spiegelbildlich, typisch, pur, kongruent, symmetrisch, synchron, gleichgewichtig, gleicharmig, gleichaltrig, parallel, gleichlaufend, gleichwinklig, gleichwertig, gleichseitig, gleichrangig, gleichmässig, ähnlich*. Каждое из перечисленных

имён прилагательных в своей семантической структуре имеет сему «in der Größe, im Ausmaß gleich», например: *parallel* — расположенные в одинаковом направлении, на равном расстоянии друг от друга: *parallel zeichnen, die Straße verläuft parallel zur Bahn: Rhythmisch dumpfen sie dagegen, eintönig, gleichmäßig wie Atem* [8, 96]; *Er war ein Bürschchen von sieben Jahren, das schon jetzt in beinahe lächerlicher Weise seinem Vater ähnlich war* [10, с. 15].

- указательные прилагательные *derart, derartig, dermaßen, dieselben, dasselbe, dergleiche* сигнализируют о **сходстве/равенстве** термов: *Dieselben Sterne, die im Himmel liegen, liegen auch in der Elbe* [8, с. 94].; *Ich habe ihm dergleichen nicht spendiert, als er sich sein Gartenhaus vom Burgtour gebaut hatte* [10, с. 16].

- наречия, сигнализирующие **сходство**, разделяются на две группы в соответствии с языковыми функциями, выполняемыми ими. К первой группе относятся наречия степени *so, genauso, geradeso, ebenso, auch, gleich, gleichsam, ebenfalls, genau, genug, fast, geradezu, gewissermaßen, etwas, ungefähr, sozusagen, beinahe*. В сочетании с именами прилагательными соответствующего разряда они указывают на общий/равный признаковый аспект объекта и эталона: *Anfangs musste du etwas vernünftiger sein* [8, с. 145].

Данные наречия сигнализируют о произведенном сравнении и указывают на его результат. Более конкретное значение имеют наречия *ebenso weit, ebensoviel, ebensohäufig, ebenso gut, genausohäufig, genauso wenig, genauso gut*, например: *„In solchen Worten lag ebensoviel Geringsschätzung wie Neid, und das war ein schwacher, wenn auch verzeihlicher Charakterzug Sesemis* [10, с. 85].

В современном немецком языке существует ряд средств, значение которых состоит из двух компонентов: грамматического и стилистического. К таким языковым средствам принадлежат имена прилагательные и наречия, характеризующиеся различной степенью интенсивности и употребляющиеся для усиления коммуникативного эффекта: *tausendmal, unsäglich, längst, auffallend, gewaltig, riesig, enorm, recht, fürchterlich, hundertprozentig, furchtbar, schrecklich, total, übermäßig, schön* и другие: *Er kam mit weichem Schritt schiefschultrig auf sich zu, seine Haare waren übermäßig lang, dass sie das eine Ohr überhingen* [7, с. 67].; *Die lagen im Mond und waren schön blank wie Silber* [10, с. 69].

- наречия для передачи родовидового сходства: *etwa, beispielsweise, beispielshalber*; неопределенных местоимений: *einer, jemand, etwas: Hier ist nun also so etwas wie ein Brief; aber er wird Sie wohl enttäuschen, denn ich denke, ihn ein wenig allgemein zu halten* [10, с. 178].

- глаголы entsprechen, übereinstimmen, ähneln, gleichen, gleichsetzen, gleichstellen, ausgleichen, wettmachen, sich decken, identifizieren, например: *Das gleicht sich alles wieder aus, Helene [7, с. 224].*

- сравнительные глаголы, в семантике которых заложено сходство по определенным параметрам: сходство с животным: büffeln, hechten, robben; со способом поведения: stolchen; сходство, связанное с происхождением личности, ее профессией: gärtner, spionieren, berlinern, lektorieren: *Der Fensterflügel miaute [10, 66].; Bald löscht oben das Licht, und der Garten geistert wieder im unsicheren Dämmerglanz über den schweigenden Schatten [9, с. 103].*

К этой же группе можно отнести глаголы, которые характеризуют движение путем сравнения с вещественными понятиями: eiern, federn, schaukeln, wogen и существительные, называющие общее сходство: Angleichung, Ähnlichkeit, Äquivalenz, Übereinstimmung, Ebenbild, Ausgleich, Symmetrie, Gleichgewicht, Gleichschritt, Gleichheit, Konvergenz, Identität: *Aber diese Angleichung an das Tierreich hatten nichts von ihrer Einbildung genommen [7, с. 35].*

- существительные, указывающие на имитацию, подражание эталону: Vorbild, Muster, Beispiel: *Die Frage, warum Menschen töten, warum selbst Massenmörder zugleich ganz menschlich und gewöhnlich bleiben können, wird von Littell mit einer Wucht aufgeworfen, für die es in der Literatur kaum Beispiele gibt [11].*

- предлоги, образующие сравнительную рамку: nach, von, gleich, in Analogie zu, gemäß, analog, laut: *Dort blieb er vor einem Hause stehen, einem schmalen und schlichten, gleich anderen mehr, mit einem geschwungenen, durchbrochenen Giebel, und versank in dessen Anblick [11].*

Полное неравенство или **различие** передают следующие лексические средства:

- предлоги: im Widerspruch, im Gegenteil zu, im Gegensatz zu, im Unterschied zu, например: *Und als dann am Grabe, ..., Pastor Kölling von Sant Marien, ein robuster Mann mit dickem Kopf und derber Redeweise, das maßvolle, gottgefällige Leben des Verstorbenen gepriesen hatte, im Gegensatze zu dem der „Wohllüstigen, Fresser und Säufer“... [10, с. 73].*

- прилагательные ungleich, verschieden, unterschiedlich, überlegen, durchschnittlich, gegensätzlich, entgegengesetzt, konträr, gegenteilig, radikal, adversativ, diametral, polar, ganz, gänzlich, völlig, voll, maximal, minimal, absolut, andersartig, anders: *Andere Fahnen, andere Uniformen, ein anderer Sall, aber sonst etwas ähnlich [8, с. 327].; Die Touristen ... wie ihr die vergöttert! Dabei gibt es unter ihnen die verschiedensten Typen [8, с. 96].*

- глаголы, семантика которых может быть описана как «anders sein/werden/machen»: divergieren, unterscheiden, ändern, verändern, umändern, например: *Aber ein paar Fragen, das Opernglas, das sie vom Konzert mitbrachte und ihr vornehmes Benehmen, veränderten seine oberflächliche Haltung zu ihr* [9, с. 64].

- существительные: Differenz, Divergenz, Unterschied, Unterscheidung, Abweichung, Änderung.

- наречия vergleichsweise, verhältnismäßig, relativ, unverhältnismäßig, unvergleichbar имплицитно подразумевают множество эталонов, по отношению к которому главное существительное представляет среднюю величину: *Und Auschwitz, das zum Synonym werden sollte für die fabrikmäßige Vernichtung der europäischen Juden — eine Form des Genozids, der unvergleichbar war und ist mit anderen Völkermordern auf dieser Welt* [11].

Неполное различие может передаваться с помощью наречий ein bißchen, ein wenig, ungleich, einigermaßen, erheblich, viel, bedeutend, bemerkbar, noch, weit, weitaus, zu, viel zu viel, viel zu wenig. Они сопровождают сравнительную степень имени прилагательного и градуируют степень различия/неравенства: *Er war noch viel röter geworden während des Speisens und schnob vernehmlich...* [10, с. 28].

Об отношениях **неполного различия** сигнализируют также показатели сравнения: im Vergleich zu, gegen, neben, um: *Sie kleidete sich ähnlich wie Sesemi, war aber im Vergleich zu ihr außerordentlich lang; lang an ihren hageren Handgelenken trug sie wollene Pulswärmer* [10, с. 84].

Неравенство также может передаваться при помощи:

- прилагательных, обозначающих неравенство объекта и эталона по конкретному признаку: assymetrisch, vermehrt, über (übertarift, überlebensgroß, überzählig, überschwer, übertariftlich, übermäßig, übervoll). При этом assymetrisch, vermehrt, überlebensgroß, übertariftlich обозначают неполное неравенство: *Sie liebte es in diesen wachen Träumen sich selbst abzuvertrauen, weil ihr eine fast überreizte Schamhaftigkeit nie gestattete, anderen nur eine Andeutung ihrer seelischen Erlebnissen zu geben, ob auch ihre Seele unter dem Drucke ihrer ungesprochenen Worte bebte, wie ein überreifer Obstbaumzweig unter der Last seiner Früchte schwankt* [9, с. 20].

- глаголов: mindern, reduzieren, nachlassen, kontrastieren, untertreiben,

- глаголов с семантикой конкретного градуированного признака. В значении таких глаголов совмещаются два компонента: компаратив физического имени прилагательного + глагол machen/werden. К таким глаголам относятся: schwächen, schärfen,

entschärfen, mildern, lindern, kürzen, anwärmen, abschwächen, nahen, mäßigen, ermäßigen, erleichtern, weichen, dämpfen, versteifen, verdoppeln, verschärfen, verteuern, sich verjüngen: *Aber in dem Maße, wie seine Gesundheit geschwächt ward, verschärfte sich seine Künstlerschaft, ward wählerisch, erlesen, kostbar, fein ...* [9, с. 109].

• существительных, имплицитных градуированный неравный признак, большинство из которых образовано от глаголов. Например: Teuerung, Preiserhöhung, Verstärkung, Verteuerung, Verkleinerung, Senkung, Dehnung, Milderung, Preisanstieg, Steigerung и другие: „*Na, das ist nun eine Übertreibung. Sie sind voll wie eine Strandhaubitze* [7, с. 16]. *Immer wieder fand er eine neue Steigerung und eine wildere Gewalt, aber nie die verklärende Erfüllung, es blieb auch im rasendsten Aufschwung immer nur Sehnsucht, stöhnende und jauchzende Sehnsucht* [9, с. 30].

Таким образом, классическое понимание категории сравнения дополняется нами исходя из требований когнитивной лингвистики, в основе определения которой объединение объектов на основе общего концепта, т. е. концепта сравнения. Инструментом познания, концептуализации и категоризации окружающего мира является язык.

Список литературы:

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии): учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Зарубежная филология». Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. 109 с.
2. Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5—22.
3. Зайнуллина Л. М. Лингвокогнитивное исследование (на материале английского, русского, башкирского, французского и немецкого языков). — Уфа: РИО БашГУ, 2003. 256 с.
4. Краткая философская энциклопедия. — М.: Прогресс, 1994. 575 с.
5. Русская грамматика: Т. 1. — М.: Наука, 1980. 783 с.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 1986. 544 с.
7. Borchert W. Das Gesamtwerk. — Hamburg: by Rowohlt Verlag GmbH, 2001. 349 S
8. Remarque Erich Maria. Drei Kameraden. — Zürich: Manesse Verlag, 2002. 300 S.
9. Stephan Z. Verwirrung der Gefühle. — Frankfurt am Main: Fischer Verlag GmbH, 1984. 372 S.
10. Thomas M. Meistererzählungen. — Zürich: Manesse Verlag, 2002. 392 S.
11. «Der Spiegel», 2008, № 12.

РОЛЬ КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СИТУАЦИИ РАСПОЛОЖЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ (на материале английского языка)

Карамнова Елена Николаевна

аспирант ТГУ им. Г. Р. Держвина, г. Тамбов

E-mail: ekaramnova@inbox.ru

Исследование когнитивных механизмов формирования значений глаголов, отражающих ситуацию расположения в пространстве, имеет большое значение для изучения восприятия человеком пространства. Однако, несмотря на то, что позиционные глаголы описывают неподвижные объекты, расположенные относительно каких-либо ориентиров, саму ситуацию расположения в пространстве можно разделить на непосредственно статическую фазу и динамическую, так как любое расположение в пространстве — это результат перемещения объекта из одной точки пространства в другую в результате воздействия на него извне. Еще Декарт отмечал, что структура пространства определяется, помимо взаиморасположенных материальных тел, еще их движением. Таким образом, характеризуя расположение объектов в пространстве, следует учитывать и способ воздействия на объект, что в языке отражается с помощью каузативных глаголов. Так как семантическая категория каузативности выражает причинно-следственные отношения, то можно предположить, что конечное положение объекта в пространстве является результатом каузации, т.е. положение в пространстве может трактоваться как декаузативная ситуация. Важными в каком-либо отношении и поэтому подчеркнутыми могут оказаться такие характеристики каузативных глаголов как одушевленность или неодушевленность каузатора, направление движения, целенаправленность или случайность воздействия, использование каких-либо орудий, приложение усилия и ряд других характеристик.

Глаголы позиции и каузации в английском языке могут находиться как в отношении прямого соответствия, когда один глагол может выражать и нахождение, и вхождение в состояние, так и в отношении следствия, когда данные стадии в языке выражаются различными глаголами.

Одно из центральных понятий в каузации — каузативная ситуация, обязательными участниками которой является источник каузации — каузатор и объект каузации — каузат. Зачастую субъектом каузативной ситуации выступает одушевленный объект, который

обладает признаками активности, волитивности, контролируемости [1, с. 139], однако каузатором могут быть и неживые предметы [2, с. 164]. Антропоморфный характер каузированного воздействия может базироваться на фоновых знаниях о том, что осознанно, целенаправленно в состоянии действовать именно человек. Антропоморфный характер воздействия подчеркивают и формы, маркирующие действия, основывающиеся на способностях и умениях, присущих только человеку.

Рассмотрим примеры:

1. The storm blew several trees down in the park. [Collins].
2. A man woke up in shock this morning to find a tree lying across house. [*knox-leader.wherelive.com.au/.../tree-falls-on-ferntree-gully-house/*].
3. You have to cut down the tree and saw it up into logs [Collins].
4. Timber was waiting for shipping [<http://www.logosol.es/aserraderos/ sistema-big-mill/rticulos.html>].

Динамическая фаза ситуации, переданной в предложениях (1,3) выражается каузативными глаголами *blow*, *cut*. Данные ситуации можно противопоставить по признаку одушевленности/неодушевленности субъекта. В предложении (1) субъектом предстает природное явление, которое не может выражать цели, намерения контролировать действие, в отличие от предложения (3), субъектом которого является человек, соответственно совершающий действие с определенной целью и контролирующей данное действие. Рассмотрим статические фазы данных ситуаций, в которых отражается расположение объекта в пространстве. И в первом, и во втором случае ствол дерева находится в горизонтальном положении, однако поваленное ветром дерево описывается глаголом *lie*, одной из характеристик которого является нефункциональность. Действительно, так как дерево упало случайно, ненамеренно, в данной ситуации оно уже не выполняет своей функции. Во второй ситуации каузатором является человек, его цель — получение древесины, срубленное дерево перерабатывается для дальнейших нужд, поэтому здесь оно выполняет новую предписанную человеком функцию.

Одним из средств актуализации пространства являются английские глаголы движения, ориентированные относительно вертикальной оси: *climb*, *mount*, *rise*, *fall*, *coast*, *scale*, *tumble* и др. [3, с. 114]. Важным признаком глаголов данной группы является имплицитированное в семантической структуре направление вектора движения. В значении глагола может присутствовать семантический компонент, указывающий на верхнюю точку пространственной области, одновременно являющейся верхней границей

географического объекта, по направлению к которой (вверх), либо по направлению от которой (вниз) осуществляется движение.

Рассмотрим следующие предложения:

5. *Wind* can raise *dust* and other light objects [www.australiasevereweather.com /..]

6. Sand and *dust* from Africa hung in the air when Southerly winds blew [es/sand-and-dust-from-africa-hung-in-the-air-when-southerly-winds-blew/].

Семантика глагола в предложении (5) предусматривает движение к верхней точке, верхнему краю, границе какого-либо пространственного объекта. Так, глагол *raise* имеет следующее значение: *to move, cause to move, or elevate to a higher position or level; lift*. Наличие данного компонента в семантике глагола способствуют профилированию концептуального признака «движение вверх». Указание на верхнюю границу пространства представлено значением имени существительного *air* в предложении (6), описывающем статическую фазу действия. Указание на ориентир «верх» содержится и в исходной семантике глагола *hang*: *to fasten or be fastened from above*. Следовательно, значение «перемещение вверх» переносится из динамичной фазы в статичную.

Семантика глаголов в примерах (7, 8) выражает иные направления передвижения:

7. *The lamp* still stood upon the *floor* where I had placed it [books.google.ru/books?isbn=1593080344...]

8. *She's* dropped *the* *lamp* [books.google.ru/books?isbn=0759297592...].

9. A table *lamp* lay on the floor, *broken* [books.google.ru/books?isbn=1905204566].

Так, глагол *drop* (8) сочетает компонент «перемещение» с компонентом «направление вниз»: *to fall or allow to fall vertically*. В значении глагола *place* (7), отсутствует информация о направлении вектора движения, что способствует профилированию концептуального признака многомерности. Многомерность движения способствует тому, что в концептуальной структуре события может профилироваться не только направление, но и концептуальная траектория движения, которую можно условно представить в виде дуги [Куксова 2006]. На функциональном уровне траектория движения объекта определяется исходным положением каузатора и местом: *upon the floor* (7). Из сопоставления глаголов каузации положения в пространстве *drop*, *place* выясняется такая характеристика, как контроль субъекта над перемещением объекта по всей траектории

движения. В ситуации (8) объект летит, не контролируется субъектом, в ситуации (8) инструментом перемещения является рука человека, и человек контролирует движение.

В английском языке существует большое количество глаголов, которые не только называют определенное действие, но и заключают в своей семантике дополнительные значения, характеризующие его и позволяющие нам получить более подробную информацию о событии. Одной из таких характеристик является «наличие инструмента». Инструментальная сема не является обязательным элементом семантической структуры каузативных глаголов, все же она присутствует в семантике большого числа каузативных глаголов перемещения, присоединения, которые описывают пространственные отношения. Инструментальная сема имеет своей основой фоновые знания о мире. Так, например, известно, что действия в общем случае предусматривают участие руки (рук) или другого, более специфического инструмента. Например, глагол *hammer* в своем прямом значении говорит об использовании в действии молотка, *pin* – булавки и т. д., что подтверждается словарными дефинициями. Следовательно, если каузативное действие характеризуется специфическими свойствами, то можно предположить, что данные свойства находят свое отражение в описании результата данного действия, т. е. описания расположения объекта в пространстве. Рассмотрим некоторые примеры употребления инструментальных каузативных глаголов и способов описания состояния объекта воздействия позиционным глаголом:

10. She had hammered two nails in the closet wall [www.usingenglish.com > ... > Ask a Teacher].

Как правило, в данной ситуации от человека требуется применение силы при воздействии на объект, который, в свою очередь, под действием силы вступает в плотный контакт с местом. Эта же характеристика входит в семантику других каузативных глаголов, таких как *push*, *hit*, *nock* и др. Обозначаемые выделенными глаголами ситуации имеют намеренный и контролируемый характер, субъект прилагает усилия, например:

11. He drove the nail into the pine tree...hitting it gently with the flat of the axe [www.usingenglish.com > ... > Ask a Teacher].

12. You know you are not allowed to knock nails in those walls [Collins].

13. I want to hit a *nail* into the *wall* to hang a picture [uk.answers.yahoo.com/.../index?...]

14. This may ... push the splinter further [www.home-remedies-for-you.com/.../splinter-removal-remedy-in-as-much-as-i-believe-th.html].

Рассмотрим ситуации, которые являются следствием вышеперечисленных действий:

15. The nail is stuck and I can't get it out without using some force [autorepairtire.com/what-should-i-do-if-a-nail-is-stuck-in-my-car-tire.html].

16. If there is a splinter, you can tell which way it is sitting [www.home-remedies-for-you.com/.../splinter-removal-remedy-in-as-much-as-i-believe-th.html].

17. Part of the cork was sticking out of the bottle [Taber 2007:52].

18. A nail sits tight in the wall [books.google.ru/books?id=mXzG5Jh0-hkC].

Положение в пространстве в данных примерах описывается с помощью глаголов sit, stick, которые, обозначают такое положение, при котором объект плотно зафиксирован где-то, неподвижен, требует приложения усилия для его перемещения или устранения.

Анализ фактического материала показывает, что расположение в пространстве может рассматриваться как результат каузативного воздействия. На выбор того или иного позиционного глагола в определенной ситуации, кроме непосредственных характеристик расположения объекта, необходимо учитывать характеристики каузативного воздействия на объект.

Выраженными и значимыми для описания расположения объекта в пространстве являются такие характеристики глагола каузативного воздействия, как одушевленность или неодушевленность каузатора, намеренность или ненамеренность воздействия, контролируемость или неконтролируемость, направление движения в пространстве, траектория движения, наличие инструмента.

Список литературы:

1. Болдырев Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола: Монография / С.-Петербург — Тамбов: РГПУ им. Герцена; ТГУ им. Державина, 1995. — 139 с.
2. Тошович Б. Глаголы каузации положения в пространстве. Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. 163—178.
3. Куксова Н. А. Глагол как средство функциональной категоризации пространства в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 Тамбов, 2006. — 168 с

ИМПЛИЦИТНЫЙ И ЭКСПЛИЦИТНЫЙ ГРОТЕСК В ПОЭЗИИ ДЖОНА АПДАЙКА

Козлова Анастасия Геннадиевна

*аспирант Столичного института иностранных языков, г. Москва
E-mail: a1g1k@yahoo.com*

Поэзия Джона Апдайка представляет значительный интерес для анализа и исследования благодаря своему стилистическому своеобразие и оригинальности [1]. Значительную роль в чём играет гротеск, особо яркими и противопоставленными разновидностями которого являются имплицитная и эксплицитная.

Неявно выраженная, более опосредованная и в большинстве случаев сливающаяся с другими тропами, имплицитная разновидность гротеска у автора достаточно часто находит своё выражение при сочетании с персонификацией, что способствует усилению экспрессивно-драматического эффекта [7]. Изображая элементы растительного мира, он описывает, как «радостно кружится, стремясь к земле, кленовое семечко и как между двух ядер вытянулся усик, цепляющийся внизу за землю, страдая от вращающихся зубьев газонокосилки»:

Gladly the maple seed spins down, between

Two roots extends a tendril, grips beneath

The soil, and suffers the mower's spinning teeth [8, с. 98].

Лирическому герою начинает казаться, что «мир выкипает; Хо Ши Мин, Мао Цзэдун и Че Гевара знаменуют начало более светлого дня», посредством чего имплицитный гротеск и метафора сливаются в один драматизированный стилистический приём:

The world boils over; Ho and Mao and Che

Blood-red inaugurate a brighter day [8, с. 97].

Иногда граница между имплицитным гротеском и метафорой либо персонификацией стирается до такой степени, что невозможно с точностью отнести данный троп к одной категории. Поэту видится, что «в самой глубине чаши колючки пишат слово»:

Deepest in the thicket, thorns spell a word [8, с. 101].

Сочетаться персонификация может не только с имплицитным, но и с эксплицитным гротеском, применяемым по отношению к именам существительным, как одушевлённым, так и неодушевлённым, как нарицательным, так и собственным. Лирическому герою кажется, что «деревянный Брусок доверяет свои секреты плоскости; Ласточкин Хвост¹ подходит и заново соединяется с Текстурой дерева»:

*The Wood confides its secrets to the plane;
The Dovetail fits, and reconfirms the Grain* [8, с. 98].

«Раскалённая добела извивающаяся Сталь щипцами погружается в Форму и, шипя, теряет окалину»:

*The white-hot writhing Steel is tonged and plunged,
A-sizzle, into Form, all flecks expunged* [8, с. 98].

Эксплицитность гротеска в поэзии Апдайка достигается в определённых случаях благодаря использованию перифрастичной метафоричности, что способствует визуализации у читателя задуманных автором концептов [4]. Время он именует «беспокойной водой», Веру — «маслом». «Проклятие Темпа», в его понимании, «регулирует танец, а движение требует непостоянства»:

Time is the troubled water; Faith, the oil.

The curse of Tempo regulates the dance;

To move necessitates Impermanence [8, с. 99].

Затрагивая извечные библейские мотивы и человеческие страхи, поэт воображает, актуализируя драматическую, экспрессивную и интенсифицирующую функции эксплицитного гротеска, что «Апокалипсис наступил; сумасшедший Эрос гонит континенты на множество человеческих жизней; полная изобилия и богатства слабая Республика, как корабль, скрипит и даёт протечки, в то время как кочегары внизу прибавляют жару»:

Apocalypse is in; mad Eros drives

The continents upon a shoal of lives.

Awash with wealth, the fair Republic creaks,

While boilermen below enlarge the leaks [8, с. 97] ...

Использование развёрнутого эксплицитного гротеска вместе с персонификацией по отношению к специальным техническим терминам, понятиям и процессам в рамках одного контекста с генерализированными одушевлёнными лицами приводит к созданию концептуальной многоплановости нарративно-дескриптивного языка поэзии Джона Апдайка [5]. Автор описывает, как персонифицируемый и приобретающий человеческие характеристики «Линотип навис над своим алфавитом и, как пером, без усилий переписывает тонны газетной бумаги; Гравёр и Подмастерье в своей комнате с кислотными ванными и страдающим фотофобией мраком превращают в металлические точки десять оттенков серого и возвещают о начале дня Рядового Обывателя»:

The Linotyper leans above his keys,

And fathers down a ton of journales;

Engraver and Apprentice, in their room

*Of acid baths and photophobic gloom,
Transform to metal dots ten shades of gray,
And herald Everyman's beginning day* [8, с. 98-99].

Перифрастичность, метафоризация и персонификация способствуют раскрытию и выведению на передний план развёрнутости эксплицитного гротеска, применяемого поэтом по отношению к вопросам мироздания и смысла человеческой жизни, придавая, таким образом, весомость и эмоциональную окрашенность литературному языку [6]. Он приходит к выводу, что «Полумеры зачастую свойственны человеку; Компромисс, бесславный и серый, успокаивает Мудрых; в Книге Жизни больше полей, чем текста»:

*Half-measures are most human; Compromise,
Inglorious and gray, placates the Wise.
By messianic hopes is Mankind vexed;
The Book of Life shows margin more than text* [8, с. 100].

Граница между эксплицитной и имплицитной разновидностями гротеска не всегда является чётко просматривающейся, что приводит к появлению смешанного гротеска, который, переплетаясь с другими тропами, производит яркий fasciniрующий эффект [3]. Задаваясь риторическим вопросом: «Всё ли неправильно?», писатель констатирует, что «Совет, несмотря на свою благоразумность, зависит от мелиоризма², который опрокидывает Правда; определённая Устойчивость кроется в вещах», где применение данной разновидности гротеска, в сочетании с антитезой, метафорой, персонификацией и употреблением придуманной автором, не существующей в английском языке лексической единицы, создаёт своеобразный «эффект домино», описывающий событие, вытекающее непосредственно из предыдущего:

*All wrong? Advice, however sound, depends
Upon a meliorism Truth upends;
A certain Sinkingness resides in things* [8, с. 100].

Развёрнутый смешанный гротеск в некоторых случаях находит своё выражение в сочетании с каламбуром, играющим на прямых и переносных значениях слов [2]. Согласно автору, «мрачное раздумье Вордсворта, гордость Мильтона и тревога Теннисона были все испытаны; болезненность конца века стала высоко шагающим Модернизмом, а затем начала хромать. Искусство сейчас предлагает не умение и изгнание, а никчёмные взрывы и враждебную улыбку»:

*Wordsworth's sweet brooding, Milton's pride,
And Tennyson's unease have all been tried;
Fin-de-siècle sickliness became*

*High-stepping Modernism, then went lame.
Art offers now, not cunning and exile,
But blank explosions and a hostile smile* [8, с. 100].

Из вышеприведённых примеров становится видно, что имплицитная и эксплицитная, а также не поддающаяся однозначной классификации смешанная разновидности гротеска придают своеобразие, необычность и нестандартность языку поэзии Джона Апдайка, делая его творчество оригинальным и неповторимым.

Примечания:

1. «Ласточкин хвост» — конусовидное соединение между деревянными деталями в столярном деле.
2. Мелиоризм — система взглядов, промежуточная между оптимизмом и пессимизмом, согласно которой мир можно сделать лучше.

Список литературы:

1. Bloom H. *Modern Critical Views of John Updike*. — New York: Chelsea House, 1987. — 104 p.
2. De Bellis J. *The John Updike Encyclopedia*. — Santa Barbara, California: Greenwood Press, 2001. — 545 p.
3. Greiner D. *Don De Lillo, John Updike, and the Sustaining Power of Myth*. — Newark, Delaware: Ohio University of Delaware Press, 2002. — 229 p.
4. Hamilton A., Hamilton K. *The Elements of John Updike*. — Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmans, 1970. — 267 p.
5. McNaughton W. R., *Critical Essays on John Updike*. — Boston: GK Hall, 1982. — 308 p.
6. Newman J. *John Updike*. — London: Macmillan, 1988. — 176 p.
7. Schiff J. A. *John Updike Revisited*. — Woodbridge, Connecticut: Twayne Publishers, 1998. — 238 p.
8. Updike J. *Collected Poems: 1953—1993*. — New York: Knopf, 1995. — 387 p.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ТЕКСТАХ ШВАНКОВ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Поддубная Наталья Николаевна

старший преподаватель АлтГУ, г. Барнаул

E-mail: poddubnaja.natalja@yandex.ru

Шванк российских немцев представляет собой короткий рассказ, написанный на диалекте, изображающий реальные ситуации, поведение участников в которых вызывает у читателя улыбку и смех. Шванк является своеобразным комическим жанром в немецкой литературе, аналогичным жанром французской литературы является фавлю, а итальянской — фацеция. В основе всех этих малоформатных комических жанров лежит комический текст. Комический текст представляет собой тематически связанный фрагмент целостной вербально-художественной информации, нацеленный на достижение намеренного комического эффекта в соответствии с эстетической задачей автора [4, с. 10]. В создании комического эффекта используются как средства содержательного уровня, так и собственно языковые средства. Среди языковых средств, участвующих в достижении комического эффекта, можно выделить фонетические, словообразовательные, лексико-семантические и синтаксические средства.

Из словообразовательных средств, способствующих возникновению комического эффекта, наиболее эффективным и распространенным является создание новых слов — авторских неологизмов. Авторские неологизмы представляют собой «слова, отсутствующие в языковой традиции и создаваемые писателями по словообразовательным законам данного языка, но с необычной комбинацией морфологических элементов либо в отношении их сочетаемости (валентности), либо (реже) в отношении порядка следования» [1, с. 98]. По справедливому замечанию А. И. Смирницкого, «подобные слова, будучи не воспроизводимыми, а создаваемыми из отдельных единиц языка, являются новыми сочетаниями языковых единиц, произведениями, в которых используется язык; сами же они в своей цельности не представляют собой единиц языка, подобно свободным сочетаниям слов. Но вместе с тем они могут выступать в речи совершенно на тех же правах, что и обычные, воспроизводимые как готовые единицы, сложные слова» [3, с. 17]. Е. А. Земская рассматривает данный способ реализации комического как индивидуальное использование

словообразовательных возможностей языка, подчеркивая при этом, что внимание читателя привлекает именно новизна формы [2, с. 266].

Создание авторских неологизмов является продуктивным средством достижения комического эффекта в текстах шванков российских немцев. Так, например, в шванке «Pauline zieht das Gute an» комический эффект возникает в результате употребления в тексте окказионализма *das Schraubenjahr*.

Peter und Thomas drehten unwahrscheinlich viele Schrauben heraus. Wahrscheinlich war der Schrank in einem guten Schraubenjahr gebaut worden. [7, с. 16].

В слове *das Schraubenjahr* объединяются два понятия, принадлежащих разным семантическим сферам: первый компонент *die Schraube* — винт, болт, шуруп относится к области техники, которая не пересекается семантическим полем времени, а соответственно, и не имеет никакой смысловой связи со вторым компонентом *das Jahr*. Путем слияния несопоставимых понятий в одном слове возникает комический эффект.

Для достижения комического эффекта в шванке «Wie man Klaviere bekämpft» используется неологизм иного характера.

Ich fuhr auf: „Es ist anzunehmen, daß er uns hinausklavieren will. Nein, hinausklaviert wird jemand anders! [8, с. 16]

Авторское новообразование *hinausklavieren* состоит из приставки *hinaus* и корневой морфемы *klavieren*. Аффикс *hinaus* указывает на движение наружу по направлению от говорящего. Морфема *klavieren*, отсутствующая в словарном составе языка, создана автором на основе существительного *das Klavier* по модели образования глаголов немецкого языка для обозначения «играть на пианино». В результате сочетания несопоставимых компонентов возникает неологизм, значение которого обладает оттенком комического — «выжить человека из помещения игрой на пианино».

Оттенком комического обладает также образование *die Hochblondine*, которое употребляется в шванке «Die kluge Sekretärin».

Die zweite Sekretärin war eine Hochblondine. Sie kam direkt von der Schönheitsköniginnenwahl. Sie hatte verloren [6, с. 16].

Автор создает данный неологизм для описания яркой внешности девушки, претендующей на вакантное место секретаря. В основе формы представленного окказионализма могут лежать два образца, закрепленные в языковой традиции. Примером для первого образца могут служить сложные слова *Hochhaus*, *Hochland*, *Hochstraße*, содержащие в первом компоненте характеристику, носителем которой является второй элемент. В приведенном примере оба компонента

заклучают в себе указания на параметры внешности (рост и цвет волос), что является нарушением языковой нормы и воспринимается как элемент комического. Таким образом эксплицируется одно из возможных значений данного неологизма. В основе другой интерпретации данного неологизма лежит закрепленный в словарном составе языка образец, примерами которого могут служить такие слова как *Hochmut*, *Hochherzigkeit*, *Hochgenuß* с компонент *hoch-*, указывающим на наивысшую степень проявления признака. Однако следует отметить, что второй компонент в композитах данного типа обозначает абстрактное понятие — признак, качество, некую характеристику. В данном случае второй элемент называет живое существо с определенным качеством, в связи с этим сочетание с компонентом *hoch-* является не совсем уместным. Несмотря на то, что в языке существует прилагательное *hochblond*, имеющее значение «очень светлый, белокурый (о волосах)», в сложном существительном признак цвета волос не имеет степени сравнения. Следует отметить также, что в данном случае прослеживается еще одно значение слова, основанное на стереотипе, содержащемся в языке, который заключается в проведении аналогии между цветом волос и умственными способностями. Исходя из этого, можно предположить, что значение компонента *hoch-* относится именно к переносному значению, тем самым подчеркивается, что девушка красива, но уровень ее умственных способностей невысок, что находит подтверждение в последующем диалоге между работодателем и девушкой.

Контаминация частей разных слов является источником комизма в шванке «Des is die Teifelsucht»:

„Des ist noch schlechter, wie die Gelbsucht“, kam mei Irma wieder drzwische, „des is... nor, wie haßt mer dann des... a, die Teifelsucht.“

„Die Teifelsucht?“ kom der Alte mit re Froug. „Sowas hot ich noch net ghört. Was is 'n des vor a Krankheit?“

Mei Irma war gleich schlagbereit un saat: „Des is so a Krankheit, wenn mer in n fremde Garte schluppt un net vun dr fremde Äpfel bleiwe kann, do werd mer vum Maul bis in Magen blau, kann ganz leicht umfalle un die Aage uf immer zumache. S erstemol kanns jo gut abgehe, awer s zweitemol beißt mer ins Gras, des hot mer n gute Arzt gsaat“ [5, с. 16].

Окказионализм *die Teifelsucht* образован по аналогии со словом *die Gelbsucht* — *желтуха*, в котором компонент *gelb* заменен на элемент *Teifel*. Кроме того, в тексте дается ироничное толкование данного неологизма. Комизм в объяснении заключается в том, что

Ирма для разоблачения героя придумывает новую болезнь, создает для нее название и дает подробное описание этой болезни.

Следует отметить, что индивидуальное использование словообразовательных возможностей языка является эффективным способом достижения комического эффекта. В текстах шванков российских немцев словообразовательные средства представлены в первую очередь авторскими неологизмами, в которых основу комического составляет объединение двух понятий, принадлежащих разным семантическим сферам, или же появление нового значения, складывающегося из значений единиц, имеющих в языке.

Список литературы:

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. — М.: Просвещение, 1990. — 300 с.
2. Земская Е. А. Речевые приемы комического в советской литературе // Исследования по языку советских писателей. — М.: АН СССР, 1959. — С. 215—279.
3. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. — М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. — 260 с.
4. Цикушева И. В. Лингвостилистическая специфика комического в литературной сказке : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Майкоп : Адыгейский государственный университет, 2010. — 23 с.
5. Haffner G. Des is die Teifelsucht // Neues Leben. — 1984. — № 35. — S. 16.
6. Riegenring H. Die kluge Sekretärin // Neues Leben. — 1992. — № 37. — S. 16.
7. Riegenring H. Pauline zieht das Gute an // Neues Leben. — 1984. — № 23. — S. 16.
8. Stawpenko O. Wie man Klaviere bekämpft // Neues Leben. — 1984. — № 31. — S. 16.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТЫМЕННЫХ СУФФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Тернова Лариса Николаевна

старший преподаватель СГУ им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов

E-mail: larisa_22@rambler.ru

В современном языкознании проблемы дериватологии все чаще становятся объектом возрождающегося интереса лингвистов. Рассматриваемые вопросы касаются как общетеоретических аспектов, связанных с когнитивным и коммуникативным направлением анализа производных единиц, так и частных сторон изучения отдельных словообразовательных процессов [2, 7, 1]. При описании английских глагольных дериватов традиционно в качестве ведущего способа словообразования выделяют конверсию, отводя при этом суффиксации второстепенную роль [9, 14]. Однако тот факт, что в настоящее время фиксируется увеличение продуктивности глагольных суффиксов, побуждает рассматривать проблемы аффиксации с учетом новейших тенденций в развитии английского языка.

С точки зрения словообразовательной активности наибольший интерес представляет группа глаголов на *-ize*. Нами зафиксировано свыше 900 глагольных лексем, отобранных методом сплошной выборки из библиографических словарей *Concise Oxford English Dictionary* (2008), *Merriam-Webster's Collegiate Dictionary* (2000), *The Oxford Dictionary of New Words* (1999), *New Shorter Oxford English Dictionary* (1993), *The Longman Register of New Words* (1990).

В данной статье представлен словообразовательный и морфологический анализ суффиксальных глаголов в синхроническом плане, в частности, рассматривается структурная характеристика суффикса, алломорфный состав, а также частеречная принадлежность производящей единицы.

Суффикс *-ize* (алломорф *-uze*, британский вариант написания *-ise*) был заимствован от латинского *-izare*, греческого *-izein*. В древнеанглийском суффикс имел форму *-isen*. Графический вариант *-ise* проник в английский язык с французскими глаголами на *-iser*. Как результат, многие слова на *-ise* в современном английском языке являются морфологической приметой глаголов романского происхождения. Например, *exorcise* (< *Middle French exorciser*), *improvise* (< *French improviser*).

С помощью алломорфа *-yze* (британский вариант написания *-yse*) образованы глаголы также преимущественно романского происхождения, например, *analyze* (ср. *analysis*), *dialyze* (ср. *dialysis*), *hemolyze* (ср. *hemolysis*). В словаре *Merriam-Webster's Collegiate Dictionary* зарегистрировано 12 подобных глаголов, что составляет 1,3% от общего числа исследуемых производных.

Присоединение суффикса *-ize* в ряде случаев вызывает следующие формальные изменения единицы, выступающей в качестве базы деривации:

- 1) усечение конечной фонемы: *propaganda* — *propagandize*;
- 2) усечение групп конечных фонем и субморфов: *syllable* — *syllabize*, *catechisis* — *catechize*, *alkaloid* — *alkalize*, *maximum* — *maximize*;
- 3) усечение лексикализованных флексий: *italics* — *italicize*;
- 4) усечение конечных суффиксов: *baptism* — *baptize*, *rhapsody* — *rhapsodize*, *jeopardy* — *jeopardize*, *analogy* — *analogize*;
- 5) интеркаляция согласных, гласных: *-t-* (*drama* — *dramatize*, *schema* — *schematize*), *-it-* (*sense* — *sensitize*), *-o-* (*epistle* — *epistolize*), *-i-* (*stable* — *stabilize*);
- 6) чередование звуков в суффиксах и субморфах: *critic* — *criticize*, *divine* — *divinize*, *satire* — *satirize*.

Как видим, синхронное варьирование исходных основ в составе анализируемых суффиксальных глаголов существует в нескольких формальных модификациях, представляющих собой случаи усечения или звукового выравнивания основ в составе глагольного слова. Диапазон выявленных модификаций детерминирован нормами английского языка [12, с. 39].

По морфологической структуре глаголы на *-ize* (*-ise*) подразделяются на две группы: корневые и производные.

К первой относятся глаголы, в основном, с вариантом *-ise*: *exercise*, *demise*, *surmise*, *despise*, *surprise*. Г. О. Винокур отмечает, что корневые слова не имеют производящей базы, так как они возникли путем прямой номинации [4, с. 420]. Однако в данном исследовании к корневым мы также относим заимствованные производные глаголы, которые в результате заимствования вместе с суффиксом или опрощения и переразложения морфологической структуры стали в положение корневых слов и в современном английском языке не делятся на более мелкие значимые компоненты, в отличие от языка-источника заимствования. Подобные глаголы словообразовательно нерелевантны и не являются объектом нашего исследования.

Вторую группу составляют производные, образованные от основ существительных (65 %) и прилагательных (31 %). Мы обнаружили,

что в единичных случаях в качестве производящей основы могут выступать глагол и наречие (*extemporize < extempore*). Отглагольные образования представляют собой большей частью производные от французских глагольных основ на *-er, -ir*. Например, *acclimatize < Fr. acclimater, warrantise < Fr. warrantir*.

С точки зрения морфемной характеристики производящие существительные представляют преимущественно одноморфемные образования (58,8 %). Например, *jargonize, canonize, idolize*. Двуморфемных субстантивных основ в два раза меньше (38,0 %). Например, *infidelize, theosophize, Luteranize*. Приблизительно равное им по количеству составляют трехморфемные единицы (33,2 %). Например, *entomologize, lithotomize*. Как видим, морфемная структура существительных не служит ограничением для взаимодействия с суффиксом *-ize*.

По своей деривационной структуре существительные, сочетающиеся с суффиксом *-ize*, в подавляющем большинстве являются основами нулевой ступени производности, т.е. образуются от корневых основ (87,2 %). Например, *anatomize, journalize*. Значительно реже встречаются основы первой ступени производности, т.е. осложненные одним деривационным элементом (9,4 %). Например, *nationalize, feudalize*. Единичны образования второй ступени производности. Например, *spherulitize*. Данный тип характеризуется двумя последовательными актами осложнения простой исходной основы.

Морфемная и деривационная структура адективных производящих основ также не является ограничением словообразовательной активности суффикса *-ize*. Так, первую по численности группу составляют двуморфемные образования (63,9 %), например, *fatalize, westernize*, трехкратно превышая количество одноморфемных (21,3 %), например, *civilize, loyalize*, и трехморфемных основ (13,6), например, *constitutionalize*. Небольшой процент приходится на долю четырехморфемных единиц (1,2 %), например, *congregationalize, conventionalize*. Деривационно производящие прилагательные являются в равных долях корневыми основами, например, *Irishize, ruralize* (48,5 %) или единицами I ступени производности, например, *continentalize, occidentalize* (44,4 %). Образования II ступени менее значительны (7,1 %), например, *constitutionalize, internationalize*.

Анализируя этимологический состав производящей базы, выявляем, что суффикс *-ize* соединяется преимущественно с основами существительных романского происхождения — латинского и французского *valourize, euphonize*, греческого *botanize, synchronize*,

исконного *heathenize*, *womanize*, и в единичных случаях — итальянского *novelize*, испанского *Quixotize*, персидского *Hinduize*.

При образовании от имен прилагательных также наблюдается способность суффикса взаимодействовать с романскими основами (96,4 %), например, *militarize*, *labialize*, соединения с исконными и греческими основами малочисленны (1,8 %), например, *Westernize*, *ethicize*.

Романские по своей этимологии основы представляют собой, главным образом, прилагательные на *-al* (51,5 %), где *al* может быть как собственно деривационным суффиксом: *sensualize*, *potentialize*, так и структурным компонентом слова: *decimalize*, *localize*. Прилагательные на *-an* и *-ic* составляют одинаковое количество (11,8 %): *urbanize*, *Slavonicize*, на *-ar* — 7,7 %: *particularize*. Приблизительно равный процент насчитывают корневые прилагательные (7,1 %): *immunize* и производные (суффиксальные) образования (10,1 %), которые могут быть в слове собственно деривационными: *westernize* или представлять собой только структурные компоненты: *militarize*.

В связи с возможностью преобразования дериванта, а именно легкой усекаемостью конечных элементов, в ряде случаев возникает вопрос о частеречной принадлежности производящей основы. Так, глагол *vandalize* может соотноситься с существительными *vandal*, *vandalism* или прилагательным *vandalic*.

Подобное явление получило в лингвистической литературе несколько различных наименований: множественность словообразовательной структуры слова, множественность мотиваций, словообразовательная омонимия [11, 13, 8]. Однако каждое из перечисленных понятий имеет свою особенность и требует отдельного уточнения и конкретизации в рамках данного исследования.

Множественность словообразовательной структуры представляет собой совпадение двух и более словообразовательных структур в одном морфемном аналоге соответствующего производного слова [6, с. 12]. Например, глагол *disharmonize* может быть проанализирован двумя способами: *dis* + *harmonize* и *disharmon(y)* + *-ize*.

Под множественностью мотиваций (полимотивированностью) в лингвистической литературе понимается способность слова соотноситься с двумя и более мотивирующими основами (глаголом *harmonize* и существительным *disharmony*), т. е. множественность словообразовательной мотивации характеризует производное по количеству мотивирующих, в то время как множественность

словообразовательной структуры является показателем количества непосредственно составляющих [5, с. 105].

Отличительной чертой полимотивированности является тождественность лексического значения полимотивированного образования при любой возможной словообразовательной интерпретации. Так, какая бы ни была деривационная история глагола *crystallize*, а именно *crystallize* < *crystal* (n) или *crystallize* < *crystalline* (a) < *crystal* (n), значительной разницы в семантике не наблюдается: *crystallize* — *to cause to form crystals or assume crystalline form*. В то же время, глагол *atomize* имеет два лексико-семантических варианта (ЛСВ), каждый из которых обладает своей деривационной структурой: ЛСВ1: *to reduce to minute particles* мотивировано непрямим существительным *atom* — «*a minute particle...*» и соответствует словообразовательной структуре *atom* (n) — *atomize*; ЛСВ2: *to subject to atomic bombing* носит отадективный характер и имеет структуру *atom* (n) — *atomic* (a) — *atomize*. Как видим, у глагола *atomize* разница в мотивирующих поддержана семантически. В данном случае речь идет о словообразовательной омонимии.

Известно, что словообразовательная мотивация производных определяется наличием в их семантической дефиниции однокоренных мотивирующих слов [7, 4, 13]. Толкования глаголов, не включающих в свой состав непосредственных мотиваторов, подвергаются нами определенным лингвистическим преобразованиям. Так, значение глагола *maximize* — *to increase to the highest possible degree* представлено в словаре описательно и не содержит ссылки на мотивирующее слово. Однако сравнение дефиниций глагола *maximize* и имени существительного *maximum* — *greatest possible degree* допускает следующую интерпретацию лексического значения *maximize* — *to increase to the maximum*.

Как свидетельствуют результаты проведенного анализа, большая часть полимотивированных глаголов обнаруживает структурно-семантические связи как с именами существительными, так и с именами прилагательными. Например, глагол *carbonize* — *to convert into carbon or a carbonic residue* трактуется через существительное *carbon* и производное прилагательное *carbonic* и допускает соотнесение со словообразовательными структурами *carbon* (n) — *carbonize*, *carbon* (n) — *carbonic* (a) — *carbonize*.

Значение глагола *colloquialize* — *to make colloquial, to use a colloquialism* передается прилагательным *colloquial* и существительным *colloquialism*. Соответственно глаголу

приписываются две словообразовательные формулы: *colloquial (a) — colloquialize, colloquialism (n) — colloquialize*.

Множественность мотивации в приведенных примерах обуславливается разным объемом семантической информации, выражающейся в уточнении процессов, ситуаций, а также указании на результативный аспект семантики [10, с. 139].

В ряде случаев дефиниционный критерий снимает предполагаемую полимотивированность. Так, глагол *plasticize* можно считать как отсубстантивным, так и отадективным производным в зависимости от первичности или вторичности существительного *plastic*. Однако анализ словарной статьи *plasticize — make plastic* делает возможным соотнесение производного только с одной словообразовательной структурой *plastic (a) — plasticize*.

Рассматривая образование глагола *standardize*, наоборот, из двух вариантов *standard (n) — standardize, standard (n) — standard (a) — standardize*, выбираем первое, так как словарная дефиниция 1) *to compare with a standard*. 2) *to bring into conformity with a standard* указывает на отсубстантивный характер производящей основы.

Дефиниционный критерий помогает также решить вопрос направления производности. Так, рассматривая структурную характеристику глагола *mobilize*, выделяем основу прилагательного *mobile + ize*. Однако анализ дефиниции *to assemble and make ready for war duty* исключает предполагаемую словообразовательную формулу *mobile (a) — mobilize* и позволяет сделать вывод, что глагол *mobilize* образован от существительного *mobilization* с помощью реверсии. Данные этимологического словаря *Merriam-Webster's Collegiate Dictionary (2000)* также подтверждают правильность выбранного направления производности. Аналогичные случаи представлены глаголами *revalorize < revalorization, saussuritize < saussuritization, cognize < cognizance, communize < communization, televise < television*.

Словообразовательная омонимия встречается значительно реже (2,3 %). Например, глагол *magnetize* имеет два лексико-семантических варианта: 1) *to attract like a magnet, charm*, 2) *to communicate magnetic properties to...* Различия в семантике поддерживаются структурными формулами *magnet (n) — magnetize, magnet (n) — magnetic (a) — magnetize*.

Глагол *politicize — 1) to discuss or discourse on politics, 2) to give a political turn of character* также имеет два значения и соотносится со словообразовательными структурами *politics (n) — politicize, politics (n) — political (a) — politicize*.

Парные образования глаголов от существительных и прилагательных ($N \rightarrow V_{ize}$, $N \rightarrow A \rightarrow V_{ize}$) в 1,2 % случаев (11 ед.) отличаются по своему морфемному составу. Например, *arab (n) — arabize*, *arab (n) — arabic (a) — arabicize*; *colony (n) — colonize*, *colony (n) — colonial (a) — colonialize*. Полученные производные единицы могут быть синонимами или различаться по значению и сфере употребления. Например:

arabize — 1) to cause to acquire Arabic customs, manners, speech, or outlook 2) to modify (a population) by intermarriage with Arabs;

arabicize — to adapt (a language or elements of a language) to the phonetic or structural pattern of Arabic.

В структурном отношении данные глаголы являются нормативными реализациями лексической системы английского языка [3].

Итак, в морфологическом ракурсе производные глаголы на *-ize* представляют собой образования от основ различных лексико-грамматических разрядов. Как свидетельствуют результаты исследования, частеречная принадлежность исходной основы предопределяет ее словообразовательную активность. Большую часть производящей базы составляют имена существительные. Вторую по численности группу занимают имена прилагательные. В единичных случаях зафиксировано прибавление суффикса к глаголам и наречиям.

Изучая деривационную структуру производящих основ, отмечаем, что наиболее регулярно в суффиксации участвуют субстантивные и адъективные основы нулевой ступени производности, а также адъективные основы первой ступени производности. Небольшой процент приходится на долю образований второй ступени производности.

Анализ производящей базы помогает также установить системный характер морфонологических преобразований исходных единиц в процессе деривации. Все виды рассмотренных формальных модификаций представляют собой варианты усечения, наращения и звукового выравнивания основ в составе глагольного слова.

Затрагивая вопрос мотивационных отношений производных и производящих единиц, выявляем случаи полимотивации и словообразовательной омонимии.

Таким образом, проведенный анализ дает возможность выделить структурные особенности отыменных суффиксальных глаголов на *-ize*, специфику производящих основ и их частеречную принадлежность, что, в свою очередь, позволяет отграничить рамки исследуемого материала и наметить пути дальнейшего исследования различий в семантике разноструктурных производных единиц.

Список литературы:

1. Аделева О. П. Факторы, обуславливающие образование вторичных значений у производных аффиксальных существительных в английском языке: дисс. канд. филол. наук, 10.02.04. Смоленск, 2011. — 215 с.
2. Бабина Л. В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи: монография. — Тамбов — Москва: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. — 246 с.
3. Бабич Г. Н. Лексикология английского языка: учеб. пособие. — Екатеринбург: Уральское издательство: М.: Большая медведица, 2005. — 176 с.
4. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. — М.: Высшая школа, 1959. — С. 419—442.
5. Головин В. Г. Виды полимодельности производных слов // Актуальные проблемы русского словообразования. Материалы VI республиканской научно-практической конференции. — Самарканд: СамГУ, 1991. — Ч. 1. — 172 с.
6. Зиньковская В. Е. Полимотивированные сложные существительные и прилагательные в современном русском языке: дисс. канд. филол. наук, 10.02.01. Краснодар, 1984. — 170 с.
7. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова: монография. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 208 с.
8. Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия: монография. — М.: Наука, 1980. — 294 с.
9. Телегин И. А. Безаффиксальная транспозиция и ее влияние на процессы деривации в современном английском языке: дисс. д-ра филол. наук, 10.02.04. Самарканд, 1992. — 330 с.
10. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке: монография. — М.: Наука, 1981. — 269 с.
11. Тихонов А. Н. Множественность словообразовательной структуры слова в русском языке // Русский язык в школе. — М., 1970, № 4. — С. 83—88.
12. Тихонов В. Г. Ряды однокоренных производных глаголов в английском языке: дисс. канд. филол. наук, 10.02.04. Горький, 1983. — 194 с.
13. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания: монография. — М.: Наука, 1977. — 134 с.
14. Харитончик З. А. Лексикология английского языка: учеб. пособие. — Минск: Вышэйна школа, 1992. — 229 с.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНГЛИЦИЗМОВ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ КОНЦА XX ВЕКА

Филиппова Юлия Валерьевна

*канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) (СПбГЭТУ),
г. Санкт-Петербург*

E-mail: russianlanguage@mail.ru

Одной из существенных характеристик лингвокультурологической ситуации в России конца XX в. является тот факт, что знание английского языка, понимание многих недавно вошедших в русский язык англицизмов является одним из существенных компонентов языковой компетенции. Поскольку последнее десятилетие XX века — период радикальных экономических и политических преобразований в России, именно этот период отмечается исследователями как наиболее яркий в отношении объема заимствованной из английского языка лексики. Это время бурного развития СМИ, в частности рекламы. Русская реклама еще не разработала собственные принципы и формы и потому нередко копирует зарубежную рекламу, особенно англоязычную. Неудивительно, что в российских рекламных текстах содержится огромное количество англицизмов.

Автором был проведен лингвистический анализ англицизмов, отобранных методом сплошной выборки из рекламных сообщений, содержащихся в газете «Аргументы и факты» в период с 1991 по 1999 гг. Всего было проанализировано 3120 рекламных блоков, из которых было отобрано 400 англицизмов.

Семантический анализ единиц позволил выделить 20 тематических групп.

1. Термины, связанные с компьютерными, видео- и аудиотехнологиями (96 ед.): *CD-ROM, CD-плеер, CD-проигрыватель, DOS, E-mail, Fax, Hi-Fi, high definition, laptop, modem, worm, автосканер, видеоадаптер, видеодиск-плеер, видеокамера, видеокассета, винчестер, телефакс, факс, факс-модем.*

2. Автомобильная лексика (31 ед.): *автомобиль, автосервис, антифриз, джип, тюнинг.*

3. Пищевая промышленность и продукты питания (29 ед.): *air grill, popcorn, гамбургер, джем, мини-торт, пепси, пудинг, фишбургер, хот-дог, чизбургер, чипсы.*

4. Индустрия развлечений (27 ед.): *the art of entertainment, боди-арт, брейкер, брейк-данс, дансер, ди-джей, драйв, имидж, пирсинг, поп-арт, сити-бутс, шоу-бизнес, шоу-программа.*

5. Бизнес (26 ед.): *бизнес, бизнес-агентство, бизнесмен, офис, фьючерсные сделки.*

6. Лексика, относящаяся к торговой сфере (24 ед.): *бартер, варрант, генеральный дистрибьютор, деливери-ордер, дистрибьютор (дистрибьютер), импортные аппараты, импортные сигареты, лизгольд, лот, прайс-тейкер, региональный дистрибьютор, риэлтер, форфейтинговые операции.*

7. Спортивная лексика (21 ед.): *бодибилдинг, бутсы (бутса), гандболист, дайвинг, дартс, дерби, картинг, кикбоксинг, кроссмен, плей-офф, пэйнтбол, рафтинг, рефери, скейтинг, сноуборд, снукер.*

8. Финансово-экономическая лексика (19 ед.): *аутрайт, биндер, маркетинг, менеджер, райтс, свитч, стэйджинг, трастовые операции, флиппер, франчайзинг, холдинг.*

9. Одежда (19 ед.): *блейзер, джинсы, джинсы-стрейч, кроссовки, леггинсы, пуловеры, слаксы.*

10. Лексемы, представляющие собой названия компаний и торговых марок (17 ед.): *7UP, Adidas, Alpen Gold, Coca-Cola, Gillette, Indian tea, Mars, Nivea, Nuts, Pepsi, Polaroid, Quick Stitch, Slim Pants, Snikers, Sony, Stimorol.*

11. Лексика искусства и киноискусства (14 ед.): *бестселлер, биг-бэнд, вестерн, гострайтер, клип, клипмейкер, ковбой, комикс, прайм-тайм, продюсер, фэнтези.*

12. Кухонная техника и оборудование (13 ед.): *блендер, миксер, мини-бар, слайсер, стол-трансформер, тефлоновое покрытие, тостер, фризеры, электромиксер.*

13. Гостиничный и туристический бизнес (12 ед.): *комфортные кондиционеры, мотель, сервис, шоп-тур.*

14. Промышленная и строительная лексика (9 ед.): *бойлер, грейдер, молдинги, оверлоки, прайс-лист, стример, строительный бизнес, трест, фитинги.*

15. Общественно-политическая лексика (9 ед.): *брифинг, вице-президент, дефолт, импичмент, истеблишмент.*

16. Канцелярские товары (8 ед.): *бизнес-напки, кейс, офисная канцелярия, скотч, файлы.*

17. Термины, связанные с красотой и здоровьем (8 ед.): *body belt, мини-химчистка, пилинг-крем, спрэй, фитнес (фитнесс), шейпинг.*

18. Лексика биржевой сферы (7 ед.): *брокер, брокерские конторы, брокерский агент.*

19. Лексика рекламной сферы (6 ед.): *бренд, имиджмейкер, слоган.*

20. Термины, относящиеся к административно-правовой и юридической сфере (5 ед.): *грин-кард*, *киднэппинг*, *рэкет*, *скваттер*, *фрикер*.

Таким образом, наиболее распространенной явилась группа единиц, обозначающая компьютерные, видео- и аудиотехнологии. Это может объясняться тем, что для 1990-х годов характерен резкий скачок в развитии данных технологий. Небольшое количество единиц, относящихся к таким областям, как рекламная сфера, индустрия красоты и здоровья может быть связано с тем, что в рассматриваемые годы данные сферы бизнеса еще только зарождались в России и соответственно в меньшей степени были представлены в языке.

Как известно, процесс лексического заимствования — очень сложное взаимодействие фонетических, грамматических (морфологических) и семантических систем двух и более языков. В связи с тем, что грамматические и фонетические системы при переходе в русский язык не совпадают, иноязычные слова подвергаются обработке, приспособляясь к его нормам и законам, т. е. ассимилируются. Входя в русский язык, заимствованные слова подвергаются изменениям фонетического, графического, морфологического и семантического характера [1, 2, 3].

1. Фонетическая вариативность: *Кетчун-кечун* (*ketchup*); *уик-энд* — *вик-энд* (*week-end*); *спрей-спрэй* (*spray*); *дерби-дэрби* (*derby*); *брейн-ринг* — *брэйн-ринг* (*brain-ring*); *фан-фэн* (*fan*); *джинсы-стрейч*, *джинсы-стреч* (*jeans-stretch*); *франчайзинг-френчайзинг* (*franchising*); *скотч-скоч* (*scotch tape*); *риэлтер-риэлтор*.

2. В соответствии с законами русского вокализма в заимствованные слова распространяется аканье: *cowboy* — *к[А]вбой*, *к[А]мпьютер*, *к[А]мфорт*.

3. Сочетание *дж* передает разные звуки – [j] и [g]: *имиджмейкер* — *imagemaker*, *имидж* — *image*, *джемпер* — *junper*, *жем* — *jam*, *картридж* — *cartridge*.

4. Английский звук [h] передается как [г]: *гамбургер* — *hamburger*, *гандболист* — *handball*, *лизгольдер* — *leaseholder*.

5. В позиции перед *е* будут произноситься мягкие согласные, тогда как в английской речи они не смягчаются, например: *спортс[м']ен* — *sportsman*, *продю[с']ер* — *producer*, *флин[н']ер* — *flipper*, *су[н']ермен* — *superman*, *фри[к']ер* — *freaker*.

6. С другой стороны ассимиляция англицизмов приводит к тому, что произношение твердых согласных перед *е* противоречит нормам русского литературного произношения: *бар[м]ен* – *barman*, *б[р]ейк-данс* — *break-dancer*, *гострай[т]ер* — *ghostwriter*, *ти[н]ейджер* — *teenager*, *трей[д]ер* — *trader*. *кросс[м]ен* — *crossman*.

7. Вариативность в орфографии: *ди-джей* — *диджей*; *мини-заводы* (*минизаводы*), *мини-пекарни* (*минипекарни*), *мини-фотолаборатория* (*минифотолаборатория*), *фитинги* — *фиттинги*, *фитнес* — *фитнесс*.

8. Слова грамматически не освоенные русским языком: *дерби*, *леггинсы*, *паблисити*, *пепси*, *рефери*, *сайлент маджорити*, *фэнтези*, *хобби*, *чипсы*, *кэш*.

9. Отсутствие графической ассимиляции: *Hi-Fi*, *CD-ROM*, *Fax*, *Modem*.

10. Семантическая ассимиляция (происходит сужение значения заимствованного слова): *дерби*, *сайлент маджорити*, *паблисити*, *тинейджер*, *имплоймент*.

11. Словообразовательная освоенность: *брокерский*, *дилерский*, *джинсовый*, *маркетинговый*.

Проведенный анализ единиц по степени ассимиляции, позволяет сделать вывод о том, что подавляющее большинство рассматриваемых единиц было освоено русским языком в той или иной степени.

Лингвистический анализ англицизмов, отобранных из рекламных сообщений, позволяет обозначить следующие тенденции функционирования данных единиц.

Из 400 единиц только 49 не подверглись графической ассимиляции в русском языке. Подавляющее большинство единиц были фонетически, графически, морфологически, семантически освоены русским языком. Соответственно можно говорить о том, что заимствования из английского языка склонны адаптироваться к русской языковой системе.

Наблюдение за количеством повторений некоторых слов в рекламе в рассматриваемый период времени приводит к следующим заключениям:

1. Резкий рост в употреблении таких слов, как *e-mail*, *бартер*, *бойлер*, *имидж*, *менеджер*, *мини-пекарни*, *тюнинг* свидетельствует о том, что именно в этот период данные понятия, реалии, технологии были привнесены в российскую действительность и пользовались большой популярностью и спросом.

2. Резкий спад в употреблении определенных единиц таких, как *аудиокассета*, *видеокассета*, *видеоплейер*, *ксерокс*, *принтер*, *сканер*, *струйный принтер*, *телефакс*, *Mars* может говорить о том, что данные технологии, приспособления, продукты устаревают, на смену им приходят новые.

3. Особого внимания заслуживает слово *fax* — *факс*. Так, написание данного слова английскими буквами встретилось 28 раз, причем наблюдался сначала рост употребления данной лексемы, а затем резкий спад. На наш взгляд, это может объясняться тем, что сначала слово обозначало новое понятие для российской действительности и

передавалось английскими буквами, а затем прошло графическую адаптацию в русском языке. Русское написание данного слова *факс* встретилось 1741 раз (это самый высокий показатель), демонстрируя постоянный рост употребления и соответственно актуальность и высокую степень ассимиляции в русском языке.

4. Интересно проследить судьбу существительного *дилер* в сочетании с прилагательными. Так, само существительное *дилер* со временем стало значительно меньше употребляться в языке, в то время как сочетания с прилагательными, указывающие на конкретизацию данного понятия (*официальный, генеральный, региональный*) демонстрируют рост употребления. Это может быть связано как с новым типом отношений между производителем и продавцом, так и с престижностью, модой на некоторые наименования.

Можно предположить, что частотность употребления англицизмов в газетных рекламных сообщениях будет находиться на уровне 1500 единиц в год. Резкое отклонение в любую сторону от этого значения, скорее всего, будет объясняться какими-либо значимыми событиями, как в России, так и за ее пределами.

Анализ практического материала дает основания считать, что увеличится количество нетранслитерированных слов и словосочетаний, которые будут представлять собой:

1. наименования торговых марок, музыкальных групп и исполнителей;
2. названия технических терминов в компьютерных и мобильных технологиях, которые проникли во все сферы деятельности человека.

Большинство же англицизмов будут в основном использоваться в компьютерных, автомобильных, торгово-финансовых, рекламных и телевизионных сферах. Особое место займут молодежные лингвокультуры и Интернет-сайты, в которых раньше всего будут появляться новые англицизмы, как заимствованные, так и созданные из зарубежного и русского лингвистического материалов.

Список литературы:

1. Дьяков А. И. Деривационная интеграция англицизмов в русском языке конца 90-х годов XX века в функциональном аспекте. Автореф. дис... канд. фил. наук. — Барнаул, 2001.
2. Житникова Л. В. Англоязычные заимствования наименований лиц по профессии в современном русском языке. Автореф. дис... канд. фил. наук. — Челябинск, 1998.
3. Сидоренко С. Г. Функциональные и типологические особенности английских заимствований лексико-семантической группы «наименование лица» в современном русском языке. Автореф. дис... канд. фил. наук. — Ставрополь, 2005.

**О «боже» И «Боже»: ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ
О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ НАПИСАНИЯ
ПРОПИСНОЙ И СТРОЧНОЙ БУКВ
В СРЕДНЕНИЖНЕНЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ
ЯЗЫКА ЖИВОТНОГО ЭПОСА
«РЕЙНКЕ ЛИС» 1539-ГО ГОДА**

Цапаева Сабина Юрьевна

докторант, университет г. Росток, г. Росток, Германия

E-mail: sabina@mail.natm.ru

Не во всех языках мира, имеющих алфавит, существует различие между строчными и прописными буквами (ср. арабский, еврейский, грузинский, корейский и др. алфавиты). За прошедшие столетия немецкий язык, возникший на основе латиницы, развил абсолютно однозначные правила написания с прописной и строчной букв. Так, с большой буквы следует писать все существительные (как имена собственные, так и нарицательные, конкретные и абстрактные), включая субстантивированные имена прилагательные, числительные, инфинитивы, наречия, предлоги, союзы и междометия. Остальные части речи пишутся с маленькой буквы. Исключение составляют дериваты от географических названий с суффиксом *-er* и местоименные формы вежливости (*Du, Sie*). Кроме того, с заглавной буквы начинаются новое предложение (новый абзац, текст, каждая новая строка в стихотворном тексте), дословная прямая речь, названия произведений литературы и искусства (заглавия книг, глав и т. п.), а также предложение-комментарий в рамках сложного бессоюзного предложения после двоеточия, если предложение-комментарий представляет собой законченное предложение (2, § 54—66).

Относительно орфографической практики нижненемецкого языка нельзя утверждать, что употребление прописной буквы в той же степени регламентировано, что и в литературном немецком языке, несмотря на то, что они имеют одну графическую базу. Дело в том, что вопросы нормализации, стандартизации и кодификации, в частности, орфографии нижненемецкого языка до сих пор не теряют своей актуальности, что непосредственно затрагивает и нормы употребления заглавной буквы.

В рамках немецкого языка дифференцирование прописного и строчного написания букв началось ориентировочно в XIII веке. Тем не менее, ещё в ранневерхненемецкий период нормой является написание с маленькой буквы, т.е. минускул (лат. *minusculus*) служит

нейтральной графемой, в то время как маюскул (лат. *maiusculus*) исключительно маркированной. Именно эта функция всё чаще используется в Позднем Средневековье, когда прописная буква появляется в начале текста, отрывка или заголовка. Зачастую такие инициалы (лат. *initium*), высота которых достигает 3—6 строк текста, в начале текста украшаются фигурными орнаментами, изображениями, миниатюрами или выделяются цветом, что только усиливает маркировочную функцию буквы. Начиная с XV века заглавная буква встречается в начале периода (понятие периода несколько шире, чем понятие предложения). Позже маюскул начинает использоваться для выделения *nomina propria* [9, с. 1539]. Bergmann / Nerius приводят схему [1, с. 873], из которой следует, что в начале XVI века с прописной буквы пишутся только имена собственные и производные от географических названий. К 1560-му году маюскульное написание затрагивает *nomina sacra* (священные имена) в узком понимании этого слова (необязательно контракции), обозначения титула, звания, сословия и профессии. К 1590-му году отмечается заглавное написание неодушевлённых имён существительных, в большей степени, конкретных и вещественных, и нарицательных заимствованных и иностранных слов. После 1620-го года иностранные слова больше не занимают особого положения и подчиняются тем же закономерностям, что и исконно немецкие (германские). Тенденция к написанию нарицательных существительных с прописной буквы идёт в направлении от конкретных к абстрактным понятиям. Тем не менее, по мнению Wolf [9, с. 1539], процесс грамматикализации маюскульного написания существительных имеет в своей основе не грамматический принцип принадлежности к определённой части речи (ЧР), а семантику текста и стремление автора, писца или печатника выделить важные для восприятия и понимания произведения слова, повысив тем самым удобочитаемость текста.

Релевантных самостоятельных исследований по орфографии средненижнемецкого языка (снн.), в частности, маюскульного написания существительных, в настоящее время нет, поэтому в данной статье в качестве справочной литературы используются источники, посвящённые этой проблематике в ранневерхнемецком (рвн.) языке (ср. Bergmann / Nerius 1998, Mentrup 1979, Moulin 1990, Sattler 1617, Wolf 2000, Seelbach). Такое сравнение позволительно с временной точки зрения, однако, носит относительный характер в лингвистическом плане.

Далее в статье будут представлены очередные результаты исследования языка средненижнемецкого животного эпоса «Рейнке

лис» (ср. *Reynke Vosz de olde, nyge gedrucket, mit sidlikem vorstande vnd schonen figuren, erluchtet vnd vorbetert*) 1539-го года в рамках текущего диссертационного проекта «Das Rostocker Tierepos «Reynke Vosz de olde» (Ludwig Dietz, 1539) im Kontext der niederdeutschen «Reynke de Vos»-Überlieferung des 15. und 16. Jahrhunderts und der Rostocker Drucktradition der Mitte des 16. Jahrhunderts» (= «Животный эпос «Рейнке лис» (Росток, типография Людвиг Дица, 1539 г.) в контексте нижненемецкой традиции «Рейнке лиса» XV—XVI вв. и печатной традиции Ростoka сер. XVI века»).

Для настоящего исследования представляется релевантным подразделить имена существительные на подгруппы в зависимости от особенностей оригинала, а также в целях достижения большей наглядности. Такая классификация носит характер предварительного научного поиска и систематизации и поэтому в разной степени отражает те или иные аспекты рассмотрения существительных. Так в качестве отдельных категорий выступают антропонимы, священные имена, имена существительные в лексико-семантическом аспекте, а также существительные в зависимости от их словообразовательного типа и цитированные произведения литературы. В свою очередь каждая из выше указанных основных категорий подразделяется на подкатегории или подклассы в зависимости от соответствующего аспекта анализа. Все категории и подкатегории распределены так, чтобы не происходило дубликации одних и тех же имён существительных в разных категориях.

Антропонимы (поправка: героями животного эпоса являются звери и птицы, которые носят имена, за редким исключением люди).

В «Рейнке лисе» встречается три типа имён: односоставные (имя состоит из одного слова), двусоставные (имя состоит из двух слов, не считая служебного слова при имени, причём в этом качестве выступают и двусоставные конструкции, состоящие из имени и атрибута к нему вне зависимости от положения атрибута в препозиции ср. *de Kater Hynze* или постпозиции ср. *Hynze de Kater* к управляющему слову-имени) и имена авторов цитированных произведений (имя может состоять как из одного, так и из двух и более слов). В ходе исследования была замечена однозначная тенденция к написанию антропонимов с большой буквы. Количество начинающихся со строчной буквы имён очень мало, причём полностью минускульное написание не встречается вовсе — в первую очередь это касается двусоставных имён и имён авторов — , что говорит в пользу установившегося к середине XVI века маюскульного написания антропонимов в снн.

Священные имена.

Священные имена как категория понимаются в данной работе в широком смысле. Они включают в себя священные имена в узком понимании этого слова, имена святых, библейских персонажей, отцов церкви и т. д., названия Евангелий, псалмов и других разделов Священного Писания, негативно коннотированные понятия из лексико-семантического поля с доминантой «религия», а также прилагательные с корнем «*got*» или «*christ-*». К священным именам в узком понимании принадлежат некоторые священные слова, в христианской практике писавшиеся зачастую в сокращённом виде (оставлялись или первая и последняя буквы, или первая и две последние буквы, или первый и последний слоги): имена и ипостаси Господа (*Godt, de Allmechtige, Christi, Here, HERR, HER OMNES*), а также *Dauid, Jerusalem, Israel, Hemmel, Engel*. Такие священные слова в рассматриваемом животном эпосе характеризуются доминирующим маюскульным написанием. Имена святых и пр. (*Adam, Eua, Prophete, Salomon, Paulus, Apostel*), названия разделов Священного Писания (*Hillyge Schriff, Matthej. 5., Johan. 5, Esaie. 40., Credo, Vesper, Vigilie, Psal. 13., Prouer. 13.*), как и негативно коннотированные понятия из лексико-семантического поля религии (*Antichristes, Helle, Duuel, Luciper, Touerye*) также пишутся преимущественно с заглавной буквы. Относительно написания прилагательных с корнем «*got*» / «*christ-*» (*godtlick, godseligem, Godtforchtigen*) крайне трудно сделать какое-либо заключение по причине наличия очень ограниченного числа примеров; можно лишь осторожно заметить, что тенденция идёт в сторону заглавного написания.

Имена существительные в лексико-семантическом аспекте.

В лексико-семантическом аспекте в данной работе рассматриваются следующие классы и типы имён существительных: субстантивные выражения уважения при обращении к (одному) лицу, топонимы, языки и обозначения лиц, образованные от географических названий, наименования титулов, званий, статусов, сословной принадлежности, профессий или должностей, иные обозначения лиц (степени родства, характеризующие метафоры, описания личности и пр.), обозначения животных (принадлежность к тому или иному виду/роду), иные конкретные (явления и предметы реальной действительности, родовые понятия, собирательные, вещественные и единичные имена существительные) и абстрактные (обозначения состояний, свойств, качеств, действий, процессов, количества, размеров, временных отрезков, чувств и т. д.) имена существительные (более подробно об отнесении имён существительных к тому или

иному классу ср. Ewald 1992), нарицательные имена существительные иностранного происхождения. Принципиально стоит отметить определённое постоянство в прописном написании обращений и топонимов. Непосредственно связанные с последними обозначения языков, народов или жителей населённых пунктов также сохраняют написание с прописной буквы. С малой заглавной (обычная прописная буква противопоставляется инициалу: об инициалах см. выше) начинаются обозначения животных и существительные иностранного происхождения. Особенно хочется заострить внимание на обозначениях животных. Нельзя забывать, что «Рейнке лис», в первую очередь, по форме и основному содержанию (канва стихотворного текста) является животным эпосом, в котором главные и второстепенные герои в большинстве своём звери. С маленькой буквы в «Рейнке лисе» пишутся только те звери, которые однозначно играют роль объекта, т. е. жертвы или корма (например, *vische*), и не носят какого-либо имени (имени собственного) помимо указанного нарицательного, так же как и веса в цепочке событий. Возвращаясь к другим классам и типам имён существительных, следует подчеркнуть, что в тексте наблюдается отчётливая тенденция к минускульному написанию обозначений лиц, не выполняющих роли обращения. Кроме того, тенденциозно с маленькой буквы начинаются конкретные и абстрактные понятия, впрочем, значимые для восприятия и понимания текста понятия — особенно это касается слов из лексико-семантических полей «представления о морали (в том числе религиозной) и праведном поведении» и «закон, право и справедливость» — вводятся заглавной буквой (*Rechtferdicheit, Hinderlisticheit, Regement, Erbarkeit, Eyd, Gyricheit, Eebrekerye, Truwe*).

Словообразовательный аспект употребления прописной буквы.

Особую трудность представляет собой написание производных слов. В этой связи словообразовательные конструкции снн. в настоящем исследовании рассматриваются отдельно от остальных категорий и подразделяются на три подтипа: конверсии (номинализированные основы, перешедшие из других ЧР без использования словообразовательных показателей, к примеру, субстантивированные инфинитивы, прилагательные, предлоги), эксплицитные (имена прилагательные, образованные от имён существительных за счёт использования внешних словообразовательных средств: аффиксальных морфем) и имплицитные (имена существительные, образованные путём аблаута от основ инфинитива сильных глаголов) производные слова. Следует вкратце изложить, почему в одной категории параллельно рассматриваются имена существительные и имена прилагательные.

Дело в том, что все три подтипа словообразовательных конструкций в анализируемом тексте тяготеют к минускульному написанию, хотя достаточно часто встречается и заглавное написание. Можно предположить, что в данном случае сработал синтаксический принцип написания с заглавной буквы. Т. е. если пишущий стремится выделять имена существительные посредством прописного написания — а такой вывод можно сделать, ибо большинство существительных в «Рейнке лисе» действительно написано с большой буквы —, то он автоматически противопоставляет имя существительное остальным ЧР (остальные ЧР в снн. апропо пишутся с маленькой буквы). Дериваты, однако, находятся на границе между той ЧР, из которой они заимствуются, и той, в которую переходят. Другими словами, дериваты характеризует периферийное положение в системе ЧР. Таким образом, производные слова обладают признаками целевой ЧР, не теряя при этом обзоримой связи с исходной ЧР. Следовательно, пишущий, стоящий перед выбором написания производного слова с прописной или строчной буквы, склоняется в конечном итоге к определённому написанию, руководствуясь чисто субъективным видением принадлежности деривата ещё к «старой» или уже к «новой» ЧР.

Цитированные произведения литературы.

Цитированные произведения литературы взяты в качестве отдельной категории, несмотря на то, что далее они на подкатегории или т.п. не подразделяются. Они стоят особняком и их количество очень ограничено (следует напомнить, что религиозные тексты и части Священного Писания рассматриваются в категории «Священные имена»). В большей степени, в «Рейнке лисе» встречаются цитаты из «бестселлеров» того времени: *Memorial der doget, de Olden Wysen, Frouwe untruwen denste* и т. д., и, в основном, заглавия произведений начинаются с большой буквы, в то время как в рамках самого названия (заглавия всех цитируемых произведений литературы являются многосложными конструкциями) зафиксирован некоторый разнобой. Также следует заострить внимание на том факте, что такой парный знак препинания как кавычки в тексте не встречается — это касается не только оформления названий произведений, но и, в частности, прямой речи —, и возможно, поэтому заглавное написание первого слова заглавия цитированного произведения можно расценивать как выполняющее дополнительную прагматическую функцию маюскульного написания — функцию маркирования заглавия для повышения удобочитаемости текста.

Помимо этого следует взять во внимание, что заглавная буква в «Рейнке лисе» стоит в начале текста и после точки или заменяющего

её знака, впрочем, последнее замечание кроет в себе ряд каверзных случаев. Подробно эти случаи в данной статье рассматриваться не будут. Достаточно указать, что в начале нового предложения или периода превалирует употребление большой буквы.

Из всего выше сказанного можно сделать следующий вывод: к середине XVI века в снн. определённо наметилась тенденция к маюскульному написанию имён существительных, как собственных, так и нарицательных, однако, полностью процесс унификации не был завершён. В этом отношении хочется отметить, что автор / издатель / глоссатор ростокского «Рейнке лиса» очевидно руководствовался не только лексико-семантическим [9, с. 1539], но и синтаксическим принципом написания слов в зависимости от их принадлежности к определённой ЧР. И если Sattler (ср. Sattler 1617) фиксирует заглавное написание имён Господа, мужских и женских антропонимов, названий стран, городов, замков, деревень, народов, религий, должностей, искусств, начала предложений и слов, которые обозначают нечто особо существенное, то в ростокском животном эпосе, с одной стороны, мы находим тому безусловное подтверждение, с другой стороны, можем утверждать, что снн. «Рейнке лис» даже несколько опережает общую тенденцию развития этого не окончательно нормированного орфографического раздела.

На данном этапе исследования можно только предполагать, насколько регламентированным был этот раздел орфографии в снн. Росток или Северной Германии в целом. Для ответа на этот вопрос, однако, совершенно необходимо анализировать лингвистические принципы употребления прописных букв не только в печатных, но и в рукописных источниках разных текстовых жанров.

Список литературы:

1. Bergmann R., Nerius D. Die Entwicklung der Großschreibung im Deutschen von 1500 bis 1700. — Heidelberg: Winter, 1998.—989S.
2. Duden — Die deutsche Rechtschreibung. 25. Aufl. — Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus, 2009. — 1216 S.
3. Ewald P. Konkreta versus Abstrakta. Zur semantischen Subklassifikation deutscher Substantive // Sprachwissenschaft 17. — Heidelberg: Winter, 1992, S. 259—281.
4. Mentrup W. Die festlegung der namengroßschreibung und die ausweitende abgrenzung des namenbegriffs unter orthographischem aspekt // Zur Reform der deutschen Orthographie der „Internationalen sprachwissenschaftlichen Tagung zur Reform der deutschen Orthographie“ Wien 1978. — Heidelberg: Groos, 1979, S. 90—107.

5. Moulin C. Der Majuskelgebrauch in Luthers deutschen Briefen (1517—1546). — Heidelberg: Winter, 1990. — 462 S.
6. Reynke Vosz de olde, nyge gedruket, mit sidlikem vorstande vnd schonen figuren, erluchtet vnd vorbetert — Rostock: Ludwig Dietz, 1539. — CCLXXII Bl.
7. Sattler J.R. Teutsche Orthographe und Phraseology, unveränderter Nachdruck der Ausgabe Basel 1617. — Hildesheim / New York: Olms, 1975. — 583 S.
8. Seelbach U. Geschichte der deutschen Sprache: Die Entwicklung der Interpunktion und des Majuskelgebrauchs. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [http://www.uni-bielefeld.de/\(en\)/lili/personen/useelbach/STUD/Beschorner/interpunktion.htm](http://www.uni-bielefeld.de/(en)/lili/personen/useelbach/STUD/Beschorner/interpunktion.htm) (дата обращения: 30.12.2011).
9. Wolf N.R. Phonetik und Phonologie, Graphetik und Graphemik des Frühneuhochdeutschen // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung, 2. Aufl., Teilband 2. — Berlin / New York: Walter de Gruyter, 2000, S. 1527—1542. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 2.2).

МЕСТО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА

Щукина Галина Олеговна

*ассистент кафедры английской филологии ПГСГА, г. Самара
E-mail: gshchukina@gmail.com*

Разнородная структура ФЕ давно является предметом споров многих лингвистов. Существующие теории фразеологии соотносят ФЕ то со словом, то со словосочетанием. В целом, определение ФЕ можно свести к следующему: это устойчивая, экспрессивная, воспроизводимая единица с переносным значением компонентов, обладающая глобальной номинацией. В данной статье, чтобы избежать противоречий в трактовках, предложенных зарубежными и отечественными лингвистами, мы считаем термин «фразеологизм» синонимичным термину «идиома».

Н. М. Шанский считает, что у ФЕ есть признаки слова на семантическом уровне; при этом отличительной чертой ФЕ он считает их структурно-просодические особенности: членимость на слова и несколько ударений [2, с. 66] Однако данное положение не всегда применимо к английскому языку, где некоторые ФЕ получают главное

логическое ударение на одном из компонентов. Мы изучили целый ряд работ современных зарубежных лингвистов. Как правило, они причисляют идиомы к словосочетаниям и сводят их к «традиционным», «нелогичным», «грамматически неправильным» языковым единицам (Grant, L. E., Goldberg, N., Pentttilä, E., Seidl J).

Наши выводы о структурно-семантическом сходстве ФЕ со словом не позволяют пользоваться каноническими определениями, отождествляющих ФЕ со словосочетанием, выделяя их раздельнооформленность как отличительный признак. Более того, в английском языке есть ряд лексических идиом (в трактовке В. М. Савицкого [1, с. 127—133]), которые являются эквивалентами слов по структуре. Во-вторых, словосочетание предполагает полноценную репрезентацию значений его компонентов. В английском языке существуют цельнооформленные единицы, а также ряд паремических конструкций.

Для того чтобы определить место идиом в языковой структуре, мы попытались определить роль их компонентов. Проблема определения компонентов ФЕ давно является источником споров отечественных и зарубежных лингвистов.

Компоненты ФЕ нельзя причислять строго к словам или морфемам. Это, т. н. полуморфемы / полуслова, т. к. наглядно мы их воспринимаем как слово, но они суть часть целого. Например, во фразовых глаголах адвербиальный компонент может считаться словоизменяющей морфемой, т. к. несут изменение оттенка значения, как словообразовательные приставка или суффикс. Черты морфемы проявляются и невариативных ФЕ. Их компоненты не являются словами, т. к. их нельзя заменить. Вся идиома может быть приравнена к слову с закрепленной звуковой и формальной структурой, а слово, как нам известно из теорий языковой структуры, не может состоять из слов, а состоит из единиц нижнего уровня — морфем. Словный характер компонентам придает их внешняя схожесть с отдельными словами.

Т. е. с точки зрения целостности значения, идиомы похожи на слова, с точки зрения структуры — на словосочетания. С. Глуксберг определяет идиому как конструктор, значение которого не выводится из значения его компонентов. Он также указывает на синтактико-семантическую целостность значения, говоря о невозможности сохранения идиомы при изменении какого-либо из ее конститuentов. Он приводит следующую классификацию идиоматических выражений: *noncompositional* (e. g., *by and large*), which by definition are not transparent; *compositional opaque* (e. g., *kick the bucket*);

compositional transparent (e. g., spill the beans); and quasi-metaphorical (e. g., skating on thin ice) [3, с. 68—75]

Г. Грециано, в свою очередь, говорит об идиомах как о подклассе фразеологических единиц, всякое подмножество которого выделяется при помощи необходимого наличия трех особенностей смежных видовых понятий: многозначность, фиксированность значения, фигуральность выражения [4, с. 45]

Многие лингвисты указывают на наличие в составе ФЕ «полузамороженных» синтаксических конструкций. Эта «полусть» как раз может служить следствием наличия косвенной номинации в данных единицах.

С точки зрения синтаксических связей, ФЕ нельзя назвать полностью замороженными, т. к. в них имеются внутренние и внешние синтаксические отношения между компонентами. Они склонны к пассивизации, перерождению в новые синтаксические единицы (П. П. Ветров, Н. Н. Амосова, А. Н. Баранов). Однако необходимо учитывать специфику грамматического строя английского языка, где в силу исторических изменений в нем осталась лишь малая доля использования согласования и управления.

Существует множество идиом с живыми связями; алогичность грамматической конструкции — признак утраты функционирования некоторых грамматических правил в современном языке. В.О' Грейди находит внутри идиом иерархические синтаксические связи, реализуемые через наличие главных и зависимых слов, что также указывает на то, что внутренние связи в ФЕ вполне функционируют [5, с. 283—292].

С точки зрения синтаксической структуры, ФЕ — это некогда существовавшие свободные словосочетания, перенесенные в другую ситуацию по схожести передаваемого образа и утратившие в силу высокой частотности употребления исходные значения входящих в состав компонентов. Следует отметить, что иногда ФЕ сохраняют первоначальную архаичную грамматическую структуру. Феномен ФЕ заключается в их семантико-структурной особенности. Это изречения наиболее подходящие к ситуации, компактные, проверенные временем и отобранные носителем языка в качестве эффективных коммуникаторов смысла.

ФЕ можно назвать разноуровневыми «свидетелями» развития языка, отпечатком наподобие древних окаменелостей останков животных и птиц. Для своего времени эти представители животного мира были вполне обычными, а сейчас их останки лишь отдаленно напоминают привычных обитателей.

ФЕ могут быть распознаны до уровня обычных словосочетаний (этимология, библеизмы, шекспиризмы). Если нельзя найти источник образования ФЕ — это не значит, что его нет. Просто он в силу частоты использования либо был утрачен, либо не был зарегистрирован. Например, в английском языке особенность грамматической связанности (неправильные формы) возможно связан с диахроническим развитием синтаксиса, которых закрепился в своей первоначальной форме и дошел до наших дней.

Можно утверждать, что когда-то ФЕ были единицами уровня словосочетаний с переменным контекстом, каждый конститuent которых был представлен в прямом значении.

Мы предлагаем альтернативный взгляд на проблему места ФЕ в языковой системе. С точки зрения теории номинации и психолгвистики, мы имеем дело с особой параллельной системой языковых единиц. Здесь присутствует ассиметрия (несовпадение плана содержания и плана выражения), постепенное диахроническое переосмысления компонентов данных единиц.

Изучение теорий А. Г. Назаряна и В. М. Савицкого приводит нас к выводу, что раздельнооформленность ФЕ — не главный критерий в их образовании. Специфика ФЕ заключается в наличии у них особых черт, присущих всем уровням языковой системы. Фонетический уровень проявляется в особом просодическом контуре, связанном с ритмически-экспрессивным оформлением образного выражения; морфологический — с «полуморфемами» в составе фразовых глаголов; уровень слова — в присутствии т. н. лексических идиом; уровень словосочетания — в синтаксических связях между компонентами; уровень предложения — в наличие паремических конструкций в языке.

На наш взгляд, ФЕ стоило бы вынести за рамки привычной структуры языковой системы, чтобы избежать противоречащих определений. ФЕ — национально-этническое порождение, связанное с особенностью мышления. Косвенная номинация — следствие невозможности хранения в памяти знаков для каждого отдельного явления окружающего мира. Как единицы подчиненные иерархии, ФЕ состоят из единиц предыдущих уровней, однако мы можем утверждать, что формируется некая параллельная иерархия внутри языковой системы, с присущими ей особенностями. Так, компоненты ФЕ можно по свойствам причислить к морфемам, так как они являются неделимыми компонентами особого фразеологического значения. Наблюдается цельюоформленность и лексикализация некоторых ФЕ в ряде языков. Можно также наблюдать наличие особого фразеологического значения;

возможность разграничения во фразеологическом фонде полисемии, омонимии, синонимов и антонимов наличие ослабленных синтаксических связей между конститuentами ФЕ; присутствие архаичных грамматических конструкций. Мы также находим присущие только ФЕ особые просодические контуры их воспроизведения, морфемы «словного» характера в их составе, адвербиальные частицы во фразовых глаголах обладают свойствами морфем. Неизбежно одно — все ФЕ постепенно сворачивают свои конструкции до слова. В процессе лексикализации они могут дойти до минимальной смыслопередающей единицы — слова.

Однако следует заметить, что последующие ступени ФЕ не составляют, так как они не являются строительным материалом для уровней предложения и текста. Тем не менее, как было отмечено ранее, во фразеологическом фонде возможно сворачивание конструкций до слова как минимальной номинальной единицы, передающей смысл, и тогда мы можем наблюдать обратный ход от уровня текста до уровня слова.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что ФЕ близка к уровню слов. Она может быть охарактеризована как номинативная единица, обладающая особым переносным значением; компоненты ФЕ предстают в виде морфем. На наш взгляд, ФЕ постепенно стремится к структурному сжатию до уровня слова; межуровневое расположение ФЕ в пространстве языка — явление временное.

Вслед за В. М. Савицким мы отмечаем, что фразеологизмы — промежуточное звено между словосочетаниями и словами. Высокая устойчивость фразеологизмов обеспечивает глобальность номинации, которая роднит фразеологизмы со словами [1, с. 51]

Мы мыслим образами, символами, которые условно равны словам, отсюда следует т. н. лексикализация. ФЕ проходит путь лексикализации, сворачивания конструкций (например, look out — on the lookout), что приводит данную языковую единицу к последнему этапу развития: минимальной номинативной единице — слову. Стремление к лексикализации проявляется в языке не независимо от вида номинации (например, наличие таких конструкций как I-can't-bear-this-anymore days). Вариативность ФЕ — признак их внутреннего развития. Пройдет время и произойдет отбор наиболее подходящих конструкций. Грамматические трансформации — поиск, адаптация к новому языку, его правилам. Так, психожест «бью себя рукой по лицу» в интернет-сообществах превратился в лексикализованную единицу рука-лицо (faceralm), передающую соответствующий образ действия.

Мы видим, как постепенно отпадают элементы ФЕ-предложений: «чем дальше в лес..., лыко да мочало...», т. к. в устной речи нам необходима только звуковая оболочка-сигнал, чтобы возник полноценный образ. При последовательности звуковых оболочек, их грамматическая связанность не столь важна для декодирования в сознании.

ФЕ — структурно-семантическое образование. С точки зрения структуры можно различать близкие к свободным словосочетаниям (имеющие непереосмысленные компоненты, например, описывающие жесты, ритуальные действия); ФЕ с несвободной структурой, недопускающие варьирования и трансформацию.

С точки зрения семантической целостности можно выделить ФЕ омонимичные единицам свободных сочетаний; единицы с переосмысленным значением, которое легко понять по опорному слову, либо при обращении к этимологическому источнику («transparent/semi-transparent metaphor» в зарубежной лингвистике); единицы с полностью переосмысленным значением («opaque metaphor» в зарубежной лингвистике).

Список литературы:

1. Савицкий В. М., Кулаева О. А. Концепция лингвистического континуума. Самара : Изд-во «НТЦ», 2004.—178 с.
2. Современный русский язык: учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» В 3 ч. Ч. 1. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография / под ред. Н. М. Шанский, В. В. Иванов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Просвещение, 1987. —192 с.
3. Glucksberg S., McGlone M. S. Understanding figurative language: from metaphors to idioms. №.36 Oxford psychology series. New York: Oxford Press, Inc., 2001. —135 p.
4. Greciano Gertrud. Das hintergründige Idiom / Wortbildung und Phraseologie. Studien zur deutschen Sprache. Bd. 9, 1997. P. 45—51.
5. William O'Grady. Natural Language and Linguistic Theory. №.16 Kluwer Academic Publishers. Netherlands, 1998. P. 279—312.

2.3. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ В ТЕКСТАХ АННОТАЦИЙ К ПЕРЕВОДНОЙ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Бугрова Екатерина Дмитриевна

специалист по учебно-методической работе кафедры социально-культурного сервиса и туризма, Институт гуманитарных наук и искусств, УрФУ, г. Екатеринбург

E-mail: eka_bougrova@mail.ru

Аннотация — это разновидность вторичного текста, то есть ее содержание полностью обусловлено ранее созданным самостоятельным первичным текстом и ситуацией его создания.

Вторичный текст — это текст, созданный на базе другого текста и сохраняющий его основное содержание. Авторский замысел (сентенция) первичного текста во вторичном тексте может оставаться без изменения, но может и меняться.

Аннотация — компенсированный письменный вторичный текст, который входит в стандартную структуру крупного текста как его самостоятельная часть и помогает читателю лучше ориентироваться в содержании этого текста (книги, статьи).

Таким образом, создание вторичного текста связано с необходимостью информационно-логического структурирования первичного текста, умением подразделять его информацию на основную и развивающую, выделять дублирующую и сопоставительную информацию. Как правило, вторичный текст меньше первичного, так что его составление требует навыков речевой компрессии (сжатия) в соответствии с требованиями жанра обоих текстов. Средний объем аннотаций в книгах 6—8 строк (~5—7 предложений), иногда меньше или больше, независимо от объема основного текста.

Классическую аннотацию отличает информативность, ясность, четкость, лаконизм. Аннотация ориентирует покупателя на сжатое представление о книге, оставляя вопрос о том, читать или не читать, на усмотрение самого читателя.

Классическая аннотация имеет целью строго формально представить содержание книги.

В некоторых классических аннотациях в монологический текст вводятся характерные для диалога вопросительные конструкции. Это активизирует восприятия читателя, придает тексту оттенок непринужденности, разговорности. Вопросно-ответный ход придает тексту эмоциональность, способствует более яркому контакту с читателем. В тексте может указываться адресат: для «любителей фантастики». Редко встречаются попытки усилить эмоциональную окраску предложения, но эмоции не выражены ни лексическими, ни синтаксическими средствами, а выделены только интонационно (в тексте — восклицательный знак).

Подробно рассмотрим использование экспрессивных синтаксических конструкций на нескольких примерах аннотаций нового типа.

В тексте аннотации к роману Асприна «ВАРТОРН: уничтожение» [2] мы наблюдаем эллипсис, кольцо анафору, подчеркивание интонации восклицания (с помощью восклицательного знака, от одного до трех, совмещение восклицательного знака с вопросительным для усиления интонации восклицания).

Начинается и заканчивается аннотация сегментированным предложением (сегментированная синтаксическая конструкция):

Первое: *«На перешейке — война»*. Стилистическая фигура представляющая собой бинарно (на две части) расчлененное построение.

Последнее предложение: *«Как обычно у Асприна — самым невообразимым способом!»*

Пауза между сегментом и базовой частью обозначена на письме внутрипредложенческим знаком препинания (тире) и знаками в конце предложения (восклицательный знак).

В аннотации к роману Геймана «Задверье» [4] используются назывные предложения, синтаксический параллелизм, усечение, инверсия, кольцевой повтор: *«Дорога вниз начинается. Начинается и один из лучших романов эстетика черной готики Нила Геймана!»*

Лексическое кольцо используется для изображения повторяемости действия, а также для усиления эмоции.

Полисиндетон (многосоюзиe): *«Им восхищаются и Стивен Кинг, и Майкл Ондатжи, и Джордж Мартин»* — придает высказыванию экспрессивный характер, автономизирует каждое из составляющих этого ряда, подчеркивая единство перечисляемого, придавая высказываемому торжественную тональность.

В предложении «*Ему нет равных!*» мы усматриваем категоричность речи, заключающуюся в том, что сказанное имеет однозначное толкование и возражение недопустимо.

К сожалению, категоричность речи, навязывание читателю одной точки зрения характерно сегодня и для аннотации к книгам, и для рекламы вообще, что приводит к отсутствию такта и чувства меры.

Среди стилистических приемов широкое распространение с целью манипуляции получили тропы.

О метафорах как средствах манипулирования писали как психологи (Е. Л. Доценко), так и лингвисты (М. Р. Желтухина, А. П. Чудинов, А. Д. Шмелев):

- *В жанре триллера появилась новая звезда — писатель по имени Томас Фейхи!*

Booklist [18];

- *Это — кошмарные сны. Это — кошмарная реальность. Это — жизнь, ставшая бесконечным ужасом...* [12];

В манипулятивной функции часто используется антитеза:

- *Добро пожаловать в место, где вырвались на волю силы такого кошмара, что невозможно даже его описать — но необходимо с ним сразиться...* [11];

- *Еще недавно юная Пруденс Абернати была скромной портняжкой и даже не смела мечтать о любви и семейном счастье... а сегодня она одна из богатейших невест Лондона!* [5]

Стилистическим манипулированием является обыгрывание имени собственного. Очень часто используется с приемами опоры на авторитет и прямой цитацией:

- *Леденящий душу триллер, получивший наивысший балл от самого Стивена Кинга* [6];

- *Роман «Девушка с татуировкой дракона» вошел в список 10 любимых книг Стивена Кинга* [13];

Манипулятивен также прием лозунгового построения фразы:

- *За короля и отечество!!!* [1]

- *Поклонники Аниты Блейк. Не пропустите!!!* [3]

Сегодняшнее неизмеримо выросшее коммуникативное пространство рекламы включает в себя сотни слоганов, часть из которых входит в повседневную речь. Слоган (или рекламный лозунг) — часть рекламного текста, начинающая или завершающая текст.

Активно применяется в аннотациях к современной массовой литературе прием «блистательной неопределенности» (или «жонглирование положительными символами и словами положительной оценки»). Прилагательные «эксклюзивный», «идеальный», «редкий»,

«грандиозный», «фантастический» и тому подобные А.А. Стриженко называет «эпитетами “пустого качества”», так как чрезмерное употребление ведет к «обесцвечиванию» их значений.

Очень важно отметить, что сами по себе слова с эмоционально-оценочной коннотацией не являются манипулятивными. Таковыми они становятся лишь при употреблении с целью внедрения в сознание адресата определенного отношения к объекту. Поэтому здесь «...речь идет не о средствах, а об их использовании: ножи у всех на кухнях лежат, но орудием преступления они становятся редко и совсем не в силу широкой распространенности» [8, с. 142].

Разновидностью «нагруженного языка» можно считать нагромождение терминов. Широкое употребление терминов определяется тем, что они «обладают магическим воздействием на сознание, имея на себе отпечаток авторитета науки» [10, с. 287].

Активно используются в аннотациях к фантастике — *космонавты, роботы, астронавты*; в аннотациях к другим жанрам — *детектив, экшн, культовая фигура, сюрреалистическая реальность, паранормальные преступления, коктейль из «черной готики», темной фэнтези и постмодернистского «мейнстрима».*

Одним из наиболее популярных приемов в аннотациях к произведениям современной массовой литературы — обилие жаргонных слов:

- *Это знает каждый дурак — а ирландские террористы отнюдь не дураки!* [1]

- *Роман-калейдоскоп, в котором сложно и тонко переплетаются судьбы наивной деревенской девчонки и звезды, страдающей анорексией, невротика-ученого, разочаровавшегося в хипповых идеалах шестидесятника, обаятельного пофигиста «поколения X» и астронавта легендарного «Аполлона-13»* [9];

- *Они даже не способны понять, что играть со смертью — это весело, а защищать закон надо с таким же кайфом, как и нарушать его!* [17]

Идентификации с определенной аудиторией способствует употребление жаргонных слов и выражений.

С целью идентификации и формирования абстракции используется также прием интимизации повествования — такого использования языковых средств, в результате которого создается эффект доверительного общения автора с аудиторией:

- *Как устоять перед силой страсти?*

- Да и стоит ли это делать?..* [20]

- *А она... Разве сможет она устоять перед этими взглядами, полными нежности и страсти?* [15]

Следующая тенденция — замена русских слов, составляющих большие однокорневые гнезда и имевших устоявшиеся коннотации, *на иностранные или изобретенные слова*. Относительно часто встречаются следующие слова и выражения: *бестселлер, триллер, блокбастер, мэтр, киберпространство, альтернативное настоящее, катаклизмы, истеблишмент, бизнесмен, дебют, эксцентричный, наркодилеры, коррупция, ник, рэкетеры, антиглобалисты*.

Аттракции способствуют тексты, рассказывающие о чем-нибудь «от себя»: аннотация, сопровождаемая «личными» замечаниями, оценками и впечатлениями, «цепляет» внимание увереннее и надежнее, чем все другие способы.

- *Однако чем чаще Джессика встречается с Себастьяном, тем больше попадает под власть его неотразимого обаяния. Похоже, остановиться вовремя будет очень, очень нелегко...* [19]

- *Однако готов ли этот самоуверенный аристократ подарить безродной красавице не жемчуг и золото, а истинную любовь?..* [7]

Авторы аннотаций эксплуатируют два сложившихся в современном обществе мнения — «счастья достоин всякий» и «любовь побеждает все». Подчеркивается возможность каждого, пройдя через ряд метаморфоз, приблизится к некому идеалу.

Все вышеперечисленные приемы имеют яркую оценочную окраску.

Использование оценочных высказываний в речи — один из основных способов речевого воздействия говорящего на слушающего.

Авторы аннотаций никогда не используют тактику прямой просьбы, так как прямая просьба не найдет эмоционального отклика в душах потенциального читателя.

Аннотация удачна в том случае, если сообщаемая в ней информация без существенных помех была адекватно воспринята, понята и усвоена адресатом.

Коммуникативному успеху аннотации могут помешать неумение автора логически выстроить текст, чрезмерная перегруженность текста информацией, им сообщаемой, неумение «отжать» текст, что влечет за собой рассеивание внимания читателя, когда автор аннотации не знает, на чем именно акцентировать внимание адресата: на содержании книги, на ее коммерческом успехе, на личности автора книги или на сопутствующей информации (например, экранизации): таковы, например, аннотации к роману Александра Макколла Смита о мма Рамотсве («*Знаменитый кинорежиссер Энтони Мингелла («Английский пациент», «Талантливый мистер Рипли», «Холодная гора»)* приобрел

права на экранизацию «Женского детективного агентства № 1») [14] и роману Пола Янга «Хижина» («Двадцать шесть издательств отказались от рукописи «Хижина», а двадцать седьмое выпустило скромный тираж книги за счет автора... Но уже через год, вопреки прогнозам «экспертов» и почти без рекламы, суммарный тираж «Хижин» достиг 5 000 000 книг!») [16] и так далее.

Итак, мы пришли к выводу, что авторы аннотаций предстают перед читателем как достаточно развитая языковая личность, владеющая довольно обширным набором тактик манипулятивного речевого воздействия. Мы постарались показать не только коммуникативные успехи, но и коммуникативные неудачи (манипулятивные попытки) и их причины (использование однотипных тактик применительно к разным группам читателей, недостаточный учет психологии адресатов).

Список литературы:

1. Асприн Роберт, Эванис Линда. За короля и отечество / Роберт Асприн, Линда Эванис. — М.: АСТ, ЛЮКС, 2005.
2. Асприн Роберт. ВАРТОРН: уничтожение / Роберт Асприн. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007.
3. Гамильтон Лорел. Ласка сумрака / Лорел Гамильтон. — М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2007.
4. Гейман Нил. Задверье / Нил Гейман. — М.: АСТ, 2005.
5. Гурк Лора Ли. Грешная жизнь герцога / Лора Ли Гурк. — М.: АСТ, АСТ Москва, 2010.
6. Д'Лэйси Джозеф. Мясо / Джозеф Д'Лэйси. — М.: Рипол Классик, 2010.
7. Додд Кристина. Первый любовник Англии / Кристина Додд. — М.: АСТ, АСТ Москва, 2008.
8. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. — М.: Издательство МГУ, 1997.
9. Ингс Саймон. Бремя чисел / Саймон Ингс. — М.: АСТ, АСТ Москва, 2008.
10. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
11. Кинг Стивен. Мешок с костями / Стивен Кинг. — М.: АСТ, 2007.
12. Кинг Стивен. Ночные кошмары / Стивен Кинг. — М.: АСТ, 2003.
13. Ларссон Стиг. Девушка с татуировкой дракона / Стиг Ларссон. — М.: Эксмо, Домино, 2009.
14. Макколл Смит Александер. Женское детективное агентство №1 / Александер Макколл Смит. — М.: Издательство Ольги Морозовой, 2006.

15. Мэллори Анна. Граф ее грез / Анна Мэллори. — М.: АСТ, АСТ Москва, 2008.
16. Пол Янг Уильям. Хижина / Уильям Пол Янг. — М.: Эксмо, Domino, 2010.
17. Уэлш Ирвин. Преступление / Ирвин Уэлш. — М.: АСТ, АСТ Москва, ВКТ, 2010.
18. Фейхи Томас. Ночные видения / Томас Фейхи. — М.: АСТ, 2005.
19. Чейз Лоретта. Рискованный флирт / Лоретта Чейз. — М.: АСТ, АСТ Москва, 2009.
20. Энок Сюзанна. Не устоять!.. / Сюзанна Энок. — М.: АСТ, АСТ Москва, 2010.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В «ДНЕВНИКЕ ОДНОГО ГЕНИЯ» С. ДАЛИ

Селюкова Ольга Александровна

*соискатель кафедры межкультурной коммуникации
Ставропольского государственного университета, г. Ставрополь
E-mail: olgerda1@rambler.ru*

Основная цель данной статьи выявить основные языковые средства выражения категории темпоральности, способствующие созданию цельного и связного текста в «Дневнике одного гения» С. Дали.

Связность — необходимое условие успешности коммуникации: бессвязный текст не может быть правильно интерпретирован адресатом.

Многие лингвисты (Н. Д. Арутюнова, З. Я. Тураева, И. Р. Гальперин, О. И. Москальская, ван Дейк, М. Л. Макаров, Г. Г. Инфантова и др.) рассматривают связность как одну из наиболее важных текстовых категорий, опосредующую развитие темы и обеспечивающую целостность и интеграцию текста. Как пишет Е. А. Селиванова, «[С]вязность следует рассматривать, прежде всего, исходя из системной упорядоченности модулей суперсистемы дискурса: коннекционно-холистической структуры сознания (внутренней системности) коммуникантов. Внутритекстовые связи порождаются определенной лингвокогнитивной упорядоченностью сознания автора и в силу определенной общности ментальных лексиконов, функций сознания декодируются адресатом» [3, с. 217].

Связанность и целостность текста анализируемого дневника реализуются в текстовых категориях темпоральности, локальности, модальности и тональности.

Языковое выражение категории темпоральности, обеспечивающей целостность текста дневника, осуществляется с помощью абсолютных временных операторов. Рассмотрим каждый из них.

1. Точные датировки, которые являются обязательной приметой дневника:

*«Enró en mi sala del Hospital de la Pitié el **14 de agosto**, seis días después de su accidente»*

(21 Septiembre, 1953)

*«Сюда, в клинику Милосердия, больной поступил **14 августа**, то есть шесть дней спустя после несчастного случая»*

(21-е сентября, 1953)

2. Обстоятельственные наречия (*вчера, завтра, днем, ночью, летом, зимой, иногда, ежечасно* и т. д.):

*«**Anoche**, a causa de la espera del yate, soñé con un mar cubierto de manchas de acuarela de todas las clases»*

(7 Agosto, 1953)

*«**Ночью**, в ожидании яхты, я грезил о море, покрытом пятнами акварели всевозможной формы и окраски»*

(7-е августа, 1953)

3) Предложно-падежные сочетания с семантикой времени (*после обеда, в конце августа, после Пасхи*):

*«La fiebre sube y me oblige a acostarme **después de comer**»*

(29 Agosto, 1953)

*«У меня поднялся жар, и **после полудня** мне пришлось лечь в постель»*

(29-е августа, 1953)

Буквальный перевод — «после еды» — комментарий о точности приема еды в контексте.

Как показал анализ практического материала, Дали довольно часто в одном предложении сочетает несколько временных операторов (54 примера).

*«Mañana sera **19 de Julio**, fecha en la que los señores llegaron de París el año pasado»*

(18 Julio, 1952)

*«Оказывается, **завтра наступит 19 июля**, а ведь именно в этот день Господин и Госпожа прибыли в прошлом году из Парижа»*

(18-е июля, 1952)

В вышеприведенном примере автор для выражения категории темпоральности и тем самым обеспечения связности текста использует 2 временных оператора, а именно, точную дату *19 июля* и обстоятельственное наречие *завтра*.

Помимо этого категория темпоральности реализуется в двусоставных предложениях с числительным в роли главного члена. Например:

*«Día de San Jaime,
Día veinticinco,
Hubo una gran fiesta
En la plaza de toros»
(25 Julio, 1952)*
*«Двадцать пятое число —
День Святого Жака,
А на Площади Быков
Праздничная драка»
(25-е июля, 1952)*

Также она реализуется в предложениях с обособленными обстоятельствами с временным значением:

*«... Pero debo confesar que este mediodía, **después de una siesta reparadora** de un cuarto de hora, he vivido el acontecimiento más curioso de toda mi vida»*

(1 Septiembre, 1952)

*«... но должен признаться, что нынче к вечеру, **после пятнадцатиминутной освежающей сиесты**, на меня обрушилось самое удивительное событие всей моей жизни»*

(1-е сентября, 1952)

В «Дневнике одного гения» автор умело сочетает реальное физическое время и свое авторское восприятие:

1. *«A la **semana siguiente**, me entregué a nuevos y fantásticos experimentos»*

(6 Noviembre, 1957)

*«В **последующую неделю** я самозабвенно предался своим новым фантастическим экспериментам»*

(6-е ноября, 1957)

2. *«... las semanas se deslizan a través de mí y me invade el furor de agarrarme con aún mayor integridad vital a cada fragmento de mi tiempo preciosísimo y adorado»*

(18 Julio, 1952)

«... все равно сквозь меня мало-помалу незаметно просачиваются недели, наполняя меня яростью и заставляя с еще

более острым ощущением полноты жизни цепляться за **каждую каплю** моего драгоценнейшего обожжаемого **времени**»

(18-е июля, 1952)

В первом примере — реальное физическое время, во втором — авторское восприятие времени.

Пространство, также как и время, является одним из основных концептов «Дневника одного гения», где автор не только передает свои координаты, но и постоянно оценивает пространство, связывает с ним свои чувства и настроения. Неотделимость пространства и времени в анализируемом дневниковом тексте воплощается в корреляции сигналов пространства с языковыми средствами выражения категории темпоральности:

«*Pero Fleur Cowles, en su libro El caso Salvador Dalí, la vida de un gran excéntrico, ha podido demostrar, gracias a una carta irrefutable de Freud, que ambos coincidieron más de una vez en Londres, a principios del verano de 1938*»

(11 Mayo, 1957)

«*Между тем Флер Каулс в своей книге «Дали, жизнь великого чудака» смогла с помощью одного неопровержимого письма Фрейда доказать, что художник и врач распрекраснейшим образом встречались в Лондоне в начале лета 1938 года*»

(11-е мая, 1957)

Таким образом, целостность и связность текста всего дневника осуществляются посредством использования разноуровневых — лексических, грамматических, идейно-тематических и интертекстуальных связей, реализующихся в текстовых категориях темпоральности.

Список литературы:

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: КомКнига, 2007. — 144 с.
2. Дейк Т. А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. — М., 1988. — С. 153—211.
3. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. — Киев.: Брама, 2004. — 336 с.

ТИП ПОВЕСТВОВАНИЯ В РАССКАЗЕ В. В. НАБОКОВА «КРУГ»

Труфанова Ирина Владимировна

*доктор филол. наук, профессор кафедры филол. образования МИОО,
г. Москва*

E-mail: illokucia1@rambler.ru

Несмотря на предпринимаемые попытки типологии и сбор большого эмпирического материала, общепринятая классификация типов повествования отсутствует как в отечественной, так и в зарубежной филологии. Зарубежные теории грешат схематизмом, недостаточным учётом конкретного материала, отечественные классификации являются эмпирическими. Мы предлагаем в основу классификации типов повествования положить учёт не только лица, от которого ведётся повествование, не только учёт точки зрения (фокализации), с которой изображаются события, пейзажи, портреты, но также сочетание в построении произведения принципов построения прозы и стиха, диалога и монолога, устной и письменной речи. Для В. В. Набокова характерна ориентация на письменную речь, поскольку автор работает в русле игровой поэтики, активно опирается на интертекст, более того, для его интертекстов характерна полигенетичность [13], от читателей требуется соответствующая подготовка. В рассказе «Круг» есть некоторые признаки диалогического построения: это имитация диалога повествователя со слушателями: «до сих пор, *т. е. по зачислению в штат воспоминаний* [курсив — И. Т.], — светло пахло клеем; в классах лоснились различные пособия — *например* [курсив — И. Т.], портреты луговых и лесных вредителей...» [10, с. 640]; «*Да* [курсив — И. Т.], он чувствовал себя суровым плеем» [10, с. 640], кроме того, имитация диалога сочинителя с читателями (см. ниже об авторском мы). Назвать изображения насекомых портретами может не всякий, это слово отсылает к конкретному человеку — В. В. Набокову; видеть запахи в цвете тоже свойственно немногим, это тоже указание на конкретного человека — В. В. Набокова. Это его автографы, которыми всегда пересыпаны произведения писателя. Проза В. В. Набокова — это проза, написанная поэтом, и рассказ «Круг» не исключение. Наиболее ярким признаком опоры на лирические принципы построения произведения является многозначность слов, не снимающаяся в контексте, прежде всего, многозначность слова, вынесенного в заглавие, — круг, приращение к словам

художественных значений. О многозначности слова в стихе писали Ю. Н. Тынянов, В. В. Виноградов, С. Т. Золян, Н. В. Павлович, И. В. Труфанова. В рассказе имеет место многозначность грамматических значений лица. Автор играет на лице, от которого ведётся повествование. И. И. Ковтунова первой отметила многозначность грамматических значений граммем как признак лирического построения [5]. В отдельных фрагментах изображаемое преподносится как содержание сознания лирического героя, опосредованно. Т. И. Сильман сформулировала данную специфическую особенность лирики [12]. Сюжет в рассказе не представляет собой последовательность событий в их временной или причинной связи, это сменяющие друг друга описания, сюжет фигуративный [3]: Иннокентию становится невыносимо жаль того — тех людей, тех мест, что в юности он ненавидел или недостаточно ценил, такие изменения в нём происходят под влиянием встречи с Таней Годуновой-Чердынцевой, которую он любил в юности и любовь которой к себе просмотрел.

Рассказ «Круг» написан В. В. Набоковым параллельно с романом «Дар», в них отчасти одни и те же действующие лица: учёный К. Н. Годунов-Чердынцев, его дочь Таня, его сын, жена, которая в «Круге» и «Даре» имеет разные имена, деревенский учитель. Как и в романе «Дар», в рассказе «Круг» соседствуют перволичная и третьеличная формы повествования, сменяя друг друга даже в пределах одного предложения [8]: «Сидя в кафе и всё разбавляя бледнеющую сладость струёй из сифона, он вспомнил прошлое со стеснением сердца, с грустью — с какой грустью? — да с грустью, ещё недостаточно исследованной нами» [10, с. 639]. Как видно из приведённого примера, в качестве перволичной формы повествования в рассказе «Круг» представлено повествование от *мы*, можно предположить, что от *мы крестьянского* [19], в виду симпатии повествователя трудовому народу и проведения им детства в деревне, с другой стороны, есть основания думать, что от *мы корпоративного* [19], поскольку для повествователя главный конфликт — это конфликт между социальными кругами людей. В отдельных фрагментах в этом остающемся двузначным *мы* перевешивает *мы корпоративное*: «Но эти открытия его, учёные заслуги и тысяча опасностей, пренебрежением к которым он был знаменит, не могли заставить относиться снисходительно к его родovitости и богатству. Не забудем, кроме того, чувств известной части нашей интеллигенции, презирующей всякое неприкладное естествоиспытание и потому упрекавшей Годунова-Чердынцева в том,

что он интересуется «лоб-норскими козявками» больше, чем русским мужиком» [10, с. 640]; «ему казалось омерзительным всё, что окружало летнюю жизнь Годуновых-Чердынцевых, — скажем, их челядь, — «челядь», повторял он, сжимая челюсти, со сладострастным отвращением» [10, с. 643].

Повествователю, скрывающемуся за мы крестьянским или мы корпоративным, принадлежит ещё и несобственно-прямая речь. «Гимназистом, студентом, Иннокентий приезжал к отцу в Лешино на каникулы, — а если ещё углубиться, можно вспомнить, как снесли старую школу в конце села и построили новую. *Закладка, молебен на ветру, К. Н. Годунов-Чердынцев, бросающий золотой, монета влипает ребром в глину...* (курсивом выделена несобственно-прямая речь — И. Т.)» [10, с. 639]. С «а если» начинается повествование от первого лица. В повествовании от первого лица несобственно-прямая речь принадлежит к иному временному плану, чем повествование, точкой отсчёта для неё является не время рассказа о событиях, а время изображаемых событий. Несобственно-прямая речь повествователя может включаться и в повествование от третьего лица: «особенно раздражали Иннокентия подаренные Годуновым-Чердынцевым чучела птиц. *Изволите заигрывать с народом.* Да, он чувствовал себя суровым плебеем, его душила ненависть (или казалось так), когда, бывало, смотрел через речку на заповедное, барское, кондовое, отражающееся чёрными громадами в воде (*и вдруг — молочное облако черёмухи среди хвои*) (курсив здесь и выше — И. Т.)» [10, с. 640]. С «Да» начинается повествование от первого лица. В повествовании от третьего лица точкой отсчёта времени в несобственно-прямой речи тоже является время изображаемых событий (как в приведённом примере) или время рассказа о них, время повествования от мы крестьянского: «Он встал, простился, его не очень задерживали. *Странно:* дрожали ноги. *Вот какая потрясающая встреча.* Перейдя через площадь, он вошёл в кафе, заказал напиток, привстал, чтобы вынуть из-под себя свою же задавленную шляпу. *Какое ужасное на душе беспокойство...* (курсив — И. Т.) А было ему беспокойно по нескольким причинам» [10, с. 648]. В содержательном плане несобственно-прямая речь повествователя может быть внутренней речью-образом непосредственного восприятия, как в первом и третьем примерах, внутренней речью-мыслью, как во втором примере, внутренней речью-воспоминанием (ниже примеры о ландышах и встрече с Таней в Петербурге).

Встречаются фрагменты и с авторским мы: «Некоторое время Иннокентий боролся с сочным кусочком пирога, очутившимся вне тарелки, — и вот, от неловкого прикосновения, перевалившимся и —

под стол, — малиновый увалень (там его и оставим)» [10, с. 645]. Его употребление может быть неоправданным, немотивированным, так как указывает на сочинительство, вымысел, тогда как в начале и конце предложения с авторским мы описываемое преподнесено как воспоминание: «И раза два, там же на набережной, ветреной невской весной, он встречал маленькую Годунову-Чердынцеву, с фокс-терьером, с гувернанткой, — они проходили как вихрь, — но так отчётливо, — Тане было тогда, *скажем* (курсив — И. Т.), лет двенадцать, — она быстро шагала, в высоких зашнурованных сапожках, в коротком синем пальто с морскими золотыми пуговицами, хлеща себя — чем? — кажется, кожаным поводком по синей в складку юбке, — и ледоходный ветер трепал ленты матросской шапочки, а рядом стремилась гувернантка, слегка поотстав, изогнув каракулевый стан, держа на отлёте руку, плотно вделанную в курчавую муфту» [10, с. 641]. «Так отчётливо» — значит перед нами не изображение пейзажа, портрета, а изображение содержания воспоминания, то есть изображение сознания персонажа: изображаемое предстаёт перед читателем, пропущенным через мыслительную обработку воспринимающего.

Повествование от третьего лица в рассказе «Круг» неоднородно: оно дифференцируется на безличное [16, с. 20—21]: «Балкон поддерживали оливковые атланты: напряжённость их каменных мышц и страдальческий оскал казались пылкому восьмикласснику аллегорией порабощённого пролетариата» [10, с. 641]; «Юноша одинокий, впечатлительный, обидчивый, он особенно остро чувствовал социальную сторону вещей» [10, с. 643] и несобственно-авторское [6]. В количественном отношении преобладает несобственно-авторское.

Рассказ озаглавлен «Круг». В «Большом толковом словаре русского языка» перечислены следующие значения слова круг. 1. Часть плоскости, ограниченная окружностью; сама окружность. *Начертить к. Очертить к. вокруг себя. Круги на воде от брошенного камня. Самолёт сделал несколько кругов над аэродромом. Кругами ходить вокруг кого-, чего-л.* (также: не приступать сразу к какому-л. делу, быть в нерешительности). *Совершить круг почёта* (торжественное шествие перед собравшимися). 2. Участок какой-л. поверхности, приближающийся по форме к такой фигуре. Площадка такой формы для танцев, бегов и т.п. *Пойти на к. танцевать.* 3. Сомкнутая цепочка людей, ограничивающая участок такой формы. *Стать в к. Выйти из круга. Сомкнуть к. По кругу ходить; по кругу пустить что-л.* (из рук в руки). 4. Предмет, имеющий округлую форму или форму кольца. *К.*

колбасы. *К. сыра. Спасательный к. Надувной к. Подложить больному под спину резиновый к. Гончарный к.* (вращающийся гончарный станок). 5. Замкнутая цепь действий, событий, исчерпывающих в своей совокупности развитие, совершение чего-л. *К. жизни. Годовой к. сельскохозяйственных работ.* 6. Перечень чего-л. (явлений, понятий, вопросов и т. п.), что имеет какую-л. связь между собой или в определённых условиях образует целое. *Обсуждать в беседе один и тот же к. тем. К. обязанностей ограничен.* 7. Область, сфера какой-л. деятельности. *К. занятий. К. деятельности. К. интересов.* 8. Группа людей, объединённых каким-л. связями. *Остаться в тесном семейном кругу. Широкий к. знакомых. Это человек не нашего круга.* 9. Общественные, профессиональные группировки людей. *Правящие круги. Вопрос обсуждался в военных кругах. Получить известность в литературных кругах. Вращаться в высших кругах.* 10. Часть какого-л. соревнования, состязания, в которой каждый из участников выступает только раз; тур. *Первый к. шахматного турнира. Выбыть из соревнования в первом круге.* 11. В системе самоуправления казачьих общин Волги, Дона, Урала, Терека в 16—17 вв.: общее собрание казаков. *Казачий к.* На круги своя вернуться (возвратиться). *Книжн.* К. прежнему положению, состоянию. Сделать (дать) круг. Пройти, проехать окольным, более дальним путём [2].

В рассказе В. В. Набокова «Круг» слово, вынесенное в заглавие, и производные от него слова употреблены шесть раз. Дважды слово в 1 значении: «шёл незримый в воздухе дождь, расходясь по воде взаимно пересекающимися кругами, среди которых там и сям появлялся другого происхождения круг, с внезапным центром, — прыгнула рыба или упал листок» [10, с. 642]. Прилагательное круглый образовано от слова круг в 4 значении: «рвал крючок из маленького круглого рта рыбы» [10, с. 642]. Глагол окружало восходит к слову круг в 8 значении: «ему казалось омерзительным всё, что окружало летнюю жизнь Годуновых-Чердынцевых, — скажем, их челядь» [10, с. 643]. Слово кольцо синонимично слову круг в одновременно в 4 и 8 значениях: «здесь как бы соединялись кольцами липовой тени люди разбора последнего» [10, с. 645]. Наконец, встречается слово круг в значении, не отмеченном толковыми словарями: «После долгого, вольного дня спалось превосходно; случалось, однако, что иная грёза принимала особый оборот, — сила ощущения как бы выносила его из круга сна, — и некоторое время он оставался лежать, как проснулся, боясь из брезгливости двинуться» [10, с. 643].

В «Большом толковом словаре русского языка» у слова сон выделены следующие значения. 1. Наступающее через определённые

промежутки времени физиологическое состояние покоя и отдыха, при котором почти полностью прекращается работа сознания, снижается реакция на внешние раздражения. *Крепкий, глубокий, сладкий сон. Послеобеденный сон.* 2 То, что снится спящему; сновидение. *Видеть сны. Запомнить, забыть свой сон. Страшный сон. Ему часто снился один и тот же сон* [2].

Сон в словосочетании «круг сна» употреблено в двух значениях одновременно: это и состояние, противоположное бодрствованию, и то, что снилось. Значений у слова круг здесь тоже несколько: граница и цепи (оковы, заключение). Употребление слова одновременно в нескольких значениях и формирование у слова новых значений — это особенность семантики слова в лирическом произведении [4; 11; 14; 15; 17].

Поскольку первая фраза рассказа начинается: «Во-вторых», а завершается рассказ предложением, в котором первое слово: «Во-первых», приходится констатировать его кольцевое построение. Это перечисление намекает на 6 значение слова круг: перечень вопросов.

Для В. В. Набокова существенными могут быть символические значения круга. Основные из них следующие: божественное начало, Бог, совершенство; отсутствие начала и конца, вечность, целостность, непрерывность; внутреннее единство всей материи, вселенская гармония. Следует отметить почти универсально распространённую связь круга и других круглых форм с женским началом. У славян принято кругом очерчивают охраняемое пространство. С другой стороны, кругами водит леший [7]. Перечисленные символические значения тоже присущи слову круг в рассказе В.В. Набокова.

Круг в сочетании с другими предметами также имеет символические значения. Круг, имеющий центральную точку, — воплощение проявления божественных потенций, символ развития и расширения, «проявленной сущности», гармонии, космоса. В. В. Набоков подчёркивает наличие центра у круга, образованного рыбой или падением листка. Построение рассказа в форме круга позволяет автору выразить своё отношение к русской природе, к русской литературе и русской науке (упомянуты зоологи, исследователи животного мира и неизвестных областей Туркестана: Федченко, Северцев [9, с. 823], Годунов-Чердынцев), о которых идёт в нём речь, как к божественному совершенству, к вечным ценностям. Круг, увенчивающий крест, — союз человеческого и божественного начал [7]. Рассказ называется «Круг», в нём дважды упоминается крест, что позволяет видеть в рассказе круг, увенчивающий крест. В деревне мальчишки шутят насчёт «крёстного хода» губернера-

англичанина, шагавшего через всё село без шапки. «Иннокентий, всё с той же книгой под мышкой, — что мешало сложить руки крестом, как хотелось бы, — стоял, прислонясь к дереву в парке, и сумрачно глядел на то, на сё, на сверкающую крышу белого дома, который еще не проснулся...» [10, с. 644]. С Россией Бог, говорит В. В. Набоков.

Повествователю главным конфликтом в рассказе представляется конфликт социальный. Плебей, как он сам себя называет, учит дочь господ песне «Вы жертвою пали в борьбе роковой» — песне идущих на каторгу осуждённых, — и не помнит, что этот господин, отец девушки своим заступничеством избавил от каторги его отца. «Свой суд беспощадный над вами // Враги-палачи уж давно изрекли, // И шли вы, гремя кандалами. // Идёте, усталые, цепью гремя, // Закованы руки и ноги, // Спокойно и гордо свой взор устремя // Вперёд по пустынной дороге. // Нагрелися цепи от знойных лучей // И в тело впились змеями. // И каплет на землю горячая кровь // Из ран, растравлённых цепями» [1]. В стихах А. Архангельского высказывается надежда, что проснётся народ, «великий, могучий, свободный» [1]. Значит, у слова сон в рассказе есть ещё значение спячка [2].

Иннокентий ненавидит Годуновых-Чердынцевых за то, что у них есть родственники в животном, растительном и минеральном царствах: в честь их отца названы новые виды фазана, антилопы, рододендрона, а также целый горный хребет — и не помнит, что у него, Бычкова, тоже есть родственники среди рогатых млекопитающих и рыб, притом что ловит этих рыб каждый вечер. Его настолько раздражают заигрывания с народом К. Н. Годунова-Чердынцева, выразившиеся в строительстве новой школы в деревне и подарке ей чучел птиц, что он просмотрел влюблённость в него Тани Годуновой-Чердынцевой и то, что благодаря её отцу он получил высшее медицинское образование. В конце рассказа главный герой обнаруживает, что он и Годуновы-Чердынцевы всё-таки принадлежат к одному социальному кругу — русских эмигрантов, русских. Его мысленное возвращение в Россию, в которой он многое проглядел, пока жил там, — это возвращение на круги своя, именно потому, что живя далеко от неё, он лучше её узнал. Пока он жил там, леший водил его кругами, он заблуждался в своих оценках. Неслучайно деревня его детства и юности называется Лешино. Как полагает К. Г. Юнг, квадрат символизирует разобшённое состояние человека, не достигшего внутреннего единства (совершенства), тогда как круг можно соотнести с конечным состоянием единства [7]. Прежде книга мешала Иннокентию обрести внутреннее единство. Он смотрел на жизнь чужими глазами, тех самых интеллигентов, о презрении которых к К. Н. Годунову-Чердынцеву он говорит.

Воспоминания Иннокентий вызывает, нырнув глубоко: «До какой глубины спускаешься, Боже мой! — в хрустально-расплывчатом тумане, точно всё это происходило под водой, Иннокентий видел себя почти младенцем, входящим с отцом в усадьбу, плывущим по дивным комнатам, — отец движется на цыпочках, держа перед собой скрипучий пук мокрых ландышей, — и всё как будто мокро: светится, скрипит и трепещет — и ничего больше нельзя разобрать» [10, с. 640]. Стало быть, у слова круг в рассказе есть ещё значение спасательный круг. Таким спасательным кругом для Иннокентия оказывается воспоминание о России.

В круге заключена Россия. Круг выступает как её оберег. Вера Иннокентия в вечное существование, неистребимость, незыблемость России передаётся также символом поваленной грозой берёзы, которая не погибла: «В лесу он сиделся на толстый ствол берёзы, недавно поваленный грозой (и до сих пор всеми своими листьями трепещущей от удара), курил» [10, с. 641].

В русском фольклоре родина — мать, у А. А. Блока Россия — жена, у В. В. Набокова — прекрасная роковым обаянием неуязвимая женщина, которой теперь уже невозможно обладать, эта возможность была глупо упущена в молодости, поскольку символизирует Россию не только русская природа, но и Таня.

Россия расширилась, как круги на воде. Русские живут теперь в Европе, русский язык звучит и употребляется в новых пространствах, там, где живёт Таня. Символом России является и русская литература. В рассказе прямо упоминается Л. Н. Толстой, его рассказ «Холстомер» и есть отсылка к «Барышне-крестьянке» или «Евгению Онегину» А. С. Пушкина. Её читатели и новые писатели тоже живут теперь не только в России. Россия расходитя кругами в произведениях такого из них, как В. В. Набоков. Имя Иннокентий появляется в романе «Отчаяние», там же упоминается Охта — район, в котором Иннокентий живёт у тётки, и шоколад, который производит главный персонаж романа «Отчаяние» Герман. В игры с мячами играют персонажи романов «Камера обскура», «Король, дама, валет». Фокстерьеры (два) появляются в «Камере обскура».

Что даёт сочетание в субъекте перволичной формы повествования я вспоминающего и рассказывающего (самому себе) Иннокентия Бычкова и я писателя-сочинителя, местами очень похожего на В. В. Набокова, а также сочетание перволичной и третьеличной форм повествования (в последней Иннокентий обозначен своим именем или он)? Изображаемое обрисовано с разных

сторон, «стереоскопически», как бы пропущенным «через магический кристалл» [8]. Читатель видит больше персонажа, в одной фразе сообщается несколько взглядов на одну и ту же картину. ситуацию: юного Иннокентия тогда, Иннокентия в эмиграции в момент рассказа и воспоминания, всевидящего автора, более того, передан и процесс перехода Иннокентия от незнания, заблуждения к истине.

Список литературы:

1. Архангельский А. Вы жертвою пали в борьбе роковой // [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://a-pesni.org/starrev/vygerstvoju.htm>
2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2009 // [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%EA%F0%F3%E3&all=x>
3. Ермоленко Г. Н. «Фигуративный сюжет» в рассказе И. А. Бунина «Часовня» // Риторика — лингвистика: Сб.ст. — Вып.2. — Смоленск: СГПУ, 2000. — С. 199—206.
4. Золян С. Т. Семантическая структура слова в поэтической речи // ИАН СССР. СЛЯ. — 1981. — № 6. — С. 509—520.
5. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. — М.: Наука, 1986. — 206 с.
6. Кожевникова Н. А. О типах повествования в советской прозе// Вопросы языка современной русской художественной литературы. — М.: Наука, 1971. — С. 97—163.
7. Круг — Энциклопедия символов // [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%9A%D1%80%D1%83%D0%B3>
8. Левин Ю. И. Об особенностях повествовательной структуры и образного строя романа В. Набокова «Дар» // Russian Literature . — Amsterdam. — 1981. — Volume IX. — № II. — P. 191—229.
9. Левинг Ю. Примечания к рассказу «Круг» // Набоков В. В. Русский период. Собр. соч.: В 5 тт.: Т. 3. — СПб.: Симпозиум, 2001. — С. 820—823.
10. Набоков В. В. Круг // Набоков В. В. Русский период. Собр. соч.: В 5 тт.: Т. 3. — СПб.: Симпозиум, 2001. — С. 639—648.
11. Павлович Н. В. О значении слова в поэтическом языке // История русского литературного языка и стилистика. — Калинин: КГУ, 1985. — С. 51—68.
12. Сильман Т. И. Заметки о лирике. — М.: Советский писатель, 1977. — 223 с.
13. Тамми П. Заметки о полигенетичности в прозе Набокова // В. В. Набоков. Pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. — СПб.: РХГИ, 1997. — С. 514—527.
14. Труфанова И. В. Вопрос о комбинаторных приращениях смысла в трудах В. В. Виноградова // Рук. деп. в ИНИОН РАН № 469131 от 13.08.1992.
15. Труфанова И. В. О природе эстетического знака // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы X Междунар. науч. конф. — М.; Ульяновск: ИЯз РАН; УГУ, 2010. — С. 123—129.

16. Труфанова И. В. Прагматика несобственно-прямой речи. — М.: Прометей, 2000. — 569 с.
17. Труфанова И. В. Структура эстетического знака // Русистика и компаративистика: Сб. науч. ст. — Вып. 4. — Вильнюс — М.: МГПУ, 2009. — С. 167—177.
18. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. — М.: Сов. писатель, 1965. — С. 77—194.
19. Химик В. В. Категория субъектности и её выражение в русском языке. — Л.: Наука, 1990. — 184 с.

КОГНИТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА «ДОБРО» В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Цеева Заира Арслангереевна

ассистент кафедры иностранных языков ФГБОУ КБГУ, г. Нальчик

E-mail: zaira.ceeva@mail.ru

Как известно, в лингвистике конца XX — начала XXI вв. отмечается значительный интерес к проблемам взаимодействия языка, этноса и культуры. Язык рассматривается как часть культуры, и в то же время как средство ее выражения он участвует в хранении, воспроизводстве и передачи культуры [11, с. 224].

В связи с этим актуализируется вопрос специфики восприятия, концептуализации действительности носителями различных лингвокультур. Об этом свидетельствует большое количество исследований по лингвокультурологии, когнитивной лингвистике с привлечением материалов как родственных, так и неродственных языков, которые отражают особенности мировоззрения, быта, нравов этносов. По мнению В. Т. Клокова, «развитие лингвокультурологического направления обуславливается стремлением к осмыслению феномена культуры как специфической формы существования человека и общества в мире» [5, с. 60].

В системе мировосприятия значительное место занимают этические концепты. Как утверждает Е. А. Мокрушина, «лежащие в их основе нравственные категории, будучи универсальными по своей природе, детерминируются культурно-исторически в рамках определенной языковой культуры, накладывающей также отпечаток на способы оформления концептов в языке» [8, с. 6]. Ключевыми среди них, на наш взгляд, в любом языке являются концепты «добро», «зло». Однако, несмотря на ряд исследований данных категорий [8; 6; 10; 13],

недостаточно изученными, на наш взгляд, остаются проблемы репрезентации указанных концептов в различных языках, в том числе и в кабардино-черкесском языке.

В данной статье мы рассматриваем некоторые когнитивные признаки концепта «добро» в кабардино-черкесской лингвокультуре.

1. Совершать добро бескорыстно. По мнению адыгов, добро необходимо совершать, не рассчитывая на благодарность, «чтобы, как пишет Б. Х. Бгажноков, не снизить, не уничтожить этим нравственную ценность поступков» [2, с. 130]: «*ФЫ цIэпсымхэдзэ*» — «*Сделай добро и брось в воду*», нельзя отвечать на добро злом: «*КъогуауэмшыгъупIастэкIэ егуэж*» — «*Кто тебя огорчит того и ты «огорчай» хлебом — солью*», «*ШымкнуткIэ уемыуэ, авоскIэ еуэ*» — «*Погоняй коня не кнутом, а овсом*», добро возвращается добром: «*ФЫ цIаIамэ, фIы ухуэзэжыныц*» — «*Сделаешь добро, добро и встретишь*», добрые дела не остаются без внимания: «*ШкIэ IэфIыржэмтI я шэйофэ*» — «*Ласковый теленок двух маток сосет*».

2. Быть добрым, внимательным к гостю. Добрый человек внимателен к гостю: «*ХьэщIэ шIалэщIэжкыым*» — «*Молодых гостей не бывает*» (то есть независимо от возраста все гости достойны почета); «*ХьэцIэфI и бысымыбжэ зэIухац*» — «*Для хорошего гостя все двери открыты*». Хан — Гирей в «Записках о Черкесии» писал: «Между разными племенами в Кавказе не было бы других отношений, кроме военных, если бы дружба и гостеприимство не производили между ними частных, но не менее прочных и для человечества полезных связей, кои отлучая злобу от меча, приглашают вражду к отдохновению» [12, с. 333-334]. Не зря адыги говорили: «*ШыгъупIастэмхэтыр иIэц*» — «*Ради хлеба — соли много можно сделать*».

3. Быть мягким, кротким по отношению к Другому, Чужому. Такие качества человека, как мягкость, кротость присущи только доброму человеку, так как ласковый, мягкий человек не причинит зла другому (например, «*ЩIалэхьэрзынэ цIыкIуи, шкIэ тIысакымыгъэтэджыну цIыхуIэсэц*» — «*Хороший паренек, настолько деликатный, что севшего теленка не потревожит*»), поэтому, говоря о ласковом человеке, адыги используют языковую единицу Iэ шабэ (мягкая рука): *Iэ цабэкIэ тeIэбэн* – букв.: *трогать кого-либо мягкой рукой; Iэпэцабэ* — *мягкая рука* (имеется ввиду, что «мягкая» рука не причинит зла и боли). Интересно и такое выражение, как «*ЩхьэфэрлэгуцIыхь цIын (хуэцIын)*» — «*Отдать кому-то на подметки кожу собственной головы*», свидетельствующее о том, что добрый человек может пожертвовать многим.

Позитивное отношение к окружающим на Кавказе закладывалось с детства: воспитание детей сосредоточивалось вокруг бинарной оппозиции добро — зло (фЫрэ — ерэ), которая включала в себя понятия приличный — неприличный (екІу — емыкІу), стыдливый — бесстыдный (укЫгтэ — укЫгтэншэ), совестливый — бессовестный (напэ — напэншэ), благочестивый — грешный (псапэ — гуэнэхь) и т. д.

4. Быть дипломатичным, сдержанным. Адыги всегда старались урегулировать конфликт мирным путем, о чем свидетельствует пословица: *«Лыгъэитэакъыл» — «вперед мужества стоит разум»*. В. Х. Пшемурзов считает, что она свидетельствует о том, «предпочтение отдавалось искусству дипломатии перед силовым решением проблемы» [9, с. 90]. В связи с этим он приводит высказывание Дж. Лангворта: «В стране, где ружье, пистолет и кинжал составляют неотъемлемую часть национального костюма каждого мужчины, сознающего всю гордость и независимость, которыми это оружие призвано его облекать, понимание общественной ответственности таково, что оно порождает умиротворяющее воздействие» [9, с. 91]. Таким образом, среди адыгов высоко ценились такие качества, как дипломатичность, сдержанность и умение уступать друг другу: *«ІуацхьитэмыкІуалэ цхьэкІэ, цІыхуитІзокІуалэ» — «Гора с горой не сходятся, а человек с человеком сойдутся»; «Шэным я нэхьыфІдыдэртэмакКЫхьыц» — «Самое драгоценное из всех черт характера — это выдержка»*.

5. Быть толерантным. В работе С. К. Башиевой и А. И. Геляевой «Толерантность и норма как основа этнического мировидения народов Кавказа (лингвокультурологический аспект)» толерантность определяется как путь к добру [1, с. 91], то есть в кавказской этнокультурной системе понятие добро тесно связано с понятием толерантность, так как толерантность воспринимается как следствие сдержанного, доброго, терпимого отношения к другим. Примером тому служит кабардино-черкесская поговорка: *«Зымзыр фІэмылЫкІтэмэ, лы укІыным кІэ иІэнтэкъым» — «Если бы (люди) не прощали друг другу, то не было бы конца убийствам»*.

Говоря о толерантном взаимоотношении адыгов, необходимо упомянуть об «искусстве находиться среди людей» (цІыхухэтыкІэ). Под данным выражением Б. Х. Бгажноков понимает «прежде всего социальный ум, то есть умение правильно строить отношения с людьми...» [2, с. 250]. Так, о человеке, умеющем ладить с людьми, адыги говорят: цІыхухэтыкІэ ещІэ. Эта фраза «звучит как похвала, указание на разумность, социальную надежность и состоятельность личности, на умение налаживать и поддерживать добрые отношения с людьми» [2, с. 250]. По мнению ученого, такая позиция, как «готовность

понять и принять жизненный мир другого человека, действовать с учетом его интересов, желаний, целей стимулирует позитивные и подавляет негативные цели, желания, поступки» [2, с. 251].

Ученый приводит еще одну лексему «дэчых», одно из значений которого — «свернуть с прямой дороги», «пойти или проехать другим, обходным путем». При каком-либо споре конфликтующим сторонам советуют:

*«Дэфчыхынхуейц. АнхуэдэуузэпэццэуувэкIэ
мыхьэнэкьикIкьым — лыгьихэлькьым, уинапэри текIынкIэ мэху»*

(«Нужно уступить, пойти на сближение позиций; нельзя упрямо стоять на своем, в этом нет мужества и так можно лишь потерять честь»). По мнению ученого, «так внушается мысль о настоятельной необходимости ценить и сохранять хорошие отношения, взаимно приспособляясь, подавляя тщеславие, гордыню, излишнюю строгость и категоричность» [2, с. 249].

О. А. Михайлова считает, что в понятии толерантность «актуализирован психологический аспект понятия: способность относится к числу высоких душевных качеств личности наряду с такими близкими категориями, как *великодушие, добро, сердечность, чуткость, отзывчивость, душевность, мягкость, готовность помочь* [7, с. 103].

Таким образом, можно полагать, что в готовности делать добро заложена ориентация человека на бесконфликтное сосуществование, то есть толерантное отношение в значительной степени предопределено поведенческими характеристиками человека, поэтому с уверенностью можем утверждать, что в основе толерантности как концептуальной категории лежит способность делать добро или зло. Как подчеркивают С. К. Башиева, А. И. Геляева, «идея ненасилия, стало быть, толерантности, получила своеобразное преломление с представлениями о добре и зле» [1, с. 92]. Исследователь концепта толерантность в русской и испанской лингвокультурах С. Н. Богатырева приводит результаты психолингвистического эксперимента, проведенного ею. Информаторы на вопрос: «Что в вашем понимании есть толерантность?» указали следующие качества человека: выдержка, терпение, доброта, терпимость, милосердие, ум, лояльность, сдержанность, мягкость, ответственность, хороший, бесконфликтность, сердечный, равнодушие, грубость, строгость, спокойствие и т. д.» [3, с. 151—152]. В ответах 37 % респондентов ценностная составляющая концепта толерантность отражает когнитивные признаки концепта добро, что существенно расширяет понятийный слой толерантности. «Доброжелательность коммуникации заключается прежде всего в ее ориентации на интересы адресата и в предоставлении ему преимущественных прав выбора, когда возникает

возможность и/или необходимость выбирать», — считает В. Е. Гольдин [4, с. 522].

Таким образом, в кабардино-черкесском языке концепт «добро» имеет несколько когнитивных признаков, отражающих особенности мировидения адыгов.

Список литературы:

1. Башиева С. К., Геляева А. И. Толерантность и норма как основа этнического мировидения народов Кавказа (лингвокультурологический аспект)// Век толерантности. — Вып. 6. — М., 2003. — С. 90—94.
2. Бгажнокоев Б. Х. Основания гуманистической этнологии. — М.: Изд-во РУДН, 2003. — 272 с.
3. Богатырева С. Н. Диахронический аспект концепта толерантность в разных лингвокультурах (на материале испанского и русского языков): автореф. канд. дис. филолог. наук. — Пятигорск, 2010. — 33 с.
4. Гольдин В. Е. Толерантность как принцип культуры речи//Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. / Отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. — 515—532.
5. Клоков В. Т. Основные направления лингвокультурологических исследований в рамках семиотического подхода// Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2. Язык и социальная среда. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. С. 60—67.
6. Лотря Л. В. Концептуальная оппозиция «добро — зло» в этноязыковой картине мира: дис... канд. филолог. наук. — Чебоксары, 2004. — 237 с.
7. Михайлова О. А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста //Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. / Отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. — С. 99—111.
8. Мокрушина Е. Ю. Концепт «добрый» как этический феномен лингвокультуры: дис. канд. филолог. наук. — Кемерово, 2008. — 196 с.
9. Пшемурзов В. Х. Основополагающие принципы адыгской ментальности и воспитание студенческой молодежи КБГУ // Толерантность и поликультурное общество. — М.: Аспект Пресс, 2003. — С. 87—94.
10. Сафонова Н. В. Ментальная и языковая репрезентация концепта Благо — Добро в русском языковом сознании: дис. д-ра филолог. наук. — Тамбов, 2004. — 497 с.
11. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с.
12. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. — Нальчик: Изд. центр «Эль-фа», 2008. — 362 с.
13. Шатилова Л. М. Лексико — семантическая репрезентация концепта «добро» в немецком и русском языках: дис. канд. филолог. наук. — Тамбов, 2006. — 179 с.

2.4. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЧАЕПИТИЕ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

Лю Гохуа

*аспирант, Российский Университет Дружбы Народов, г. Москва
E-mail: Liu-viktor@hotmail.com*

Чай — один из самых древних напитков, известных человечеству. Сегодня чай стал неотъемлемой частью многих культур, однако достоверно известно, что история чая берёт своё начало в Древнем Китае.

Китай — родина чая, его место рождения. Китайский народ хорошо знаком с этим напитком, все: от императора, военачальников, министров, писателей, каллиграфов, философов до носильщиков, торговцев, простого народа — считали, что чай — драгоценность. Люди часто говорят: «День начинается с 7 вещей: дров, риса, масла, соли, соуса, уксуса и чая».

Существование чая в Китае уходит корнями в древность. По свидетельству ученых, первые упоминания о чае зафиксированы около 5000 лет назад, в 2737 году до н. э. [1].

Чайное дерево впервые обнаружил Шэнь Нун (神农) — мифический император и земледelec. По одним данным, он жил и правил с 2737 г. по 2697 г. до н. э., а по другим — примерно в 3700. Считается, что он научил каждого китайца высаживать разные растения и использовать их полезные свойства, среди этих растений был и чай. Легенда утверждает, что Шэнь Нун попробовал 100 растений и среди них обнаружил 72 ядовитых [4].

Дальнейшая китайская хронология истории чая начинает приобретать уже научный характер: на сцену выходят письменные документы. В 770 г. до н. э. Чжоу Гун в своей книге «Эрья» пишет о чае как об одном из продуктов потребления. Чай упоминается в трактате «Изначальная Книга Божественного Дракона» и в тексте «Теория Еды» Хуа То. В 222 г. чай упоминается в переписке китайских аристократов как альтернатива вину. В эпоху Цзинь (265—420 гг.) в письменных источниках упоминаются чайные лавки Чадянь и коллективные чаепития.

Чай как культура появился в период от династии Западной Цзинь (西晋) до периода Северных династий (北朝). Если же говорить об ее истоке, то еще раньше, где-то в периоде династии Хань (汉). Об этом свидетельствует запись в официальном документе «Тун Юэ», написанном Ван Баоном.

Самые ранние любители чаепития — образованные люди. В китайской литературной истории упомянуты Сыма Сяньжи и Ян Сюн — известные любители чаепития в раннем периоде. Сыма Сяньжу написал сочинение «Фань Цзян», Ян Сюн — книгу «Фан Янь». Один — с точки зрения использования чая как лекарства, другой — повествовали о чае в художественной форме.

Во время династии Цзинь Чжан Цзай написал стихотворение: «Подниматься на башню Чэнду», в котором читаем такие строки: «Спрашивая, где дом Ян Цзы, с целью увидеть хижину высшего чиновника», «Аромат чая и вкус чая распространяются широко, укрепляют отношения между людьми» [6].

С появлением и распространением идеологии конфуцианства в мире появилась чайная культура. В период династий Западной и Восточной Цзинь и в период Северных династий некоторые дальновидные политики призывали «растить бескорыстность путем чая» с целью противостоять тогдашним нравам, для которых было характерно, в том числе, бессмысленная трата средств.

В течение царства Вей и династии Цзинь мир находился в тревожном беспорядке: образованные люди не могли найти себе достойного применения, поэтому проводили много времени в беседах. Это постепенно становилось обычаем. Но для длительных разговоров нужны средства для поддержания настроения. Тогда стали устраивать званые обеды, на которых, в первое время, разговаривающие быстро пьянели, например: семь мудрецов бамбукового леса. Потом простые образованные люди тоже стали участвовать в беседах, однако тех, кто может целыми днями пить водку и не пьянеть, мало, и вместо водки стали использовать чай, а чаепития получали все большее распространение.

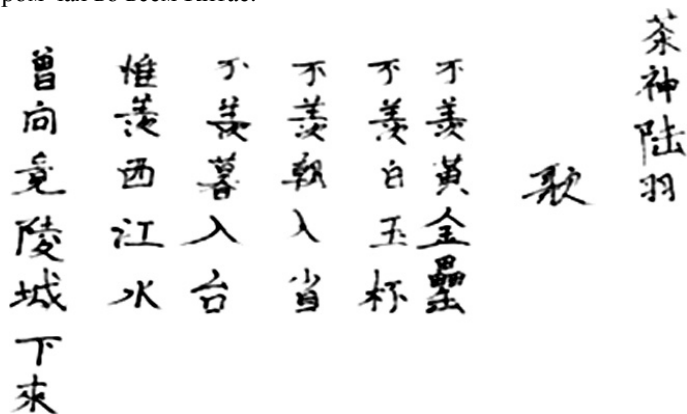
В династии Хань (汉) пропагандирование чаепития образованными людьми открыло дорогу чаю в область культуры. До эпохи Южных и Северных династий почти каждая область культуры и идеологии имела отношение к чаю. У политиков чай являлся средством пропаганды честности, бескорыстности в противоположность привычке жить не по средствам. У поэтов чай был средством развития мышления, улучшения настроения. У представителей конфуцианства — необходимой вещью для созерцания и вхождения в состояние покоя.

Таким образом, применение чая вошло в социальную и культурную область, чай вышел из своей природной потребительской функции. Так было положено начало китайской чайной культуры.

Формирование чайной культуры в династии Тан (唐) связано с экономикой, культурой и развитием того времени. Территория династии Тан была обширной, особое внимание уделялось внешним связям. Чаньань (长安) являлся политическим и культурным центром того времени. Китайская чайная культура сформирована именно в таких условиях. Кроме того, формирование чайной культуры также связано с развитием буддизма, с системой экзаменов на государственную должность, с процветанием поэзии, с началом платёжа дани чаем, с запрещением спиртных напитков.

Династия Тан считается вершиной культуры чая. Однако, как отмечают исследователи, чай крестьян и пастухов отличался от напитка аристократов: поскольку его делали из грубых частей растения, он был менее вкусным и ароматным, поэтому в него добавляли разные ингредиенты: имбирь, розу, апельсиновые корочки, различные травы [2].

В 780 г. н. э. поэт Лу Юй (陆羽) написал первый в истории специальный трактат о чае «Ча Цзин» («Чайный канон»). В «Ча Цзин» не только повествуется о чае, но и изложены основы буддизма, конфуцианства и т. д., характер духа и идеи искусства поэтов. Этот труд заложил теоретический фундамент китайской чайной культуры. Он в совершенстве постиг Чайный путь и считается непревзойдённым мастером чая во всем Китае.

В полном собрании сочинений танской поэзии есть стихотворение «Песня» Лу Юя, где он говорит о себе:

Не мечтаю о золоте и богатстве,
Не мечтаю о кубках из белого нефрита,
Не мечтаю попасть в столицу и прийти к двору,
Не мечтаю на закате жизни моей войти в славу и знатность,
А мечтаю снова и снова уйти к Западной реке,
Где у города Цзинлина поселиться на покое [5].

Чайная культура династии Тан — это чайная культура буддийских и даосских монахов и образованных людей. А в династии Сун (宋) чайная культура расширилась по вертикали: с одной стороны, появилась дворцовая чайная культура, с другой стороны, развивалась чайная культура городского населения.

В династии Сун стали применять метод заваривания дробленого чая с помешиванием деревянной мешалкой вместо метода варки чая, также стали понимать толк в объединении цвета, аромата и вкуса. До начала династии Сун появилось представление о заваривании чая, что открыло путь для распространения чая. В династии Сун мастерство чаепития очень тонкое, однако трудно было вдохнуть в него идею и чувство. В династии Сун благодаря тому, что любители чаепития, в большинстве являются известными образованными людьми, ускорился процесс объединения чая с мастерством, касающимся его приготовления, в одно целое. Например, император Цзя Цзун, царствовавший в период с 1101 по 1125 гг., будучи любителем чая и покровителем чайного производства, стал устраивать чайные турниры, в которых участники узнавали и оценивали различные сорта чая. Кроме того, литераторы Сюй Сюань, Ван Юй, Линтун, Фан Чжунянь, Оуян Сю, Ван Аньши, Су Фу, Су Цэ, Хуан Тинцань, Мэй Яочэнь и другие любили чай, отсюда и появились множество стихотворений о чае у известных поэтов, чайные пригласительные билеты у каллиграфов, картины о чае у художников.

Возьмем, например, поэму Цзо Су «Прекрасная дама», которая гласит: «Чай успокаивает шесть страстей, И его аромат объемлет девять провинций. В нашей жизни мало значимы — Мы мирно отдыхаем. Эта земля создана для наслаждения...»

Все это обогащало содержание чайной культуры, которая стала составной частью литературы, искусства и др., стала исключительно духовной культурой. Чайная культура городского населения династии Сун рассматривала чаепитие как средство укрепления дружбы, общественных связей (народный обычай города Биань Цзин в династии Северной Сун: при новоселье соседи подавали друг другу чай; приглашение между соседями на чаепитие называлось «Чжи Ча» (давать чай)). К этому времени чай уже стал частью народного этикета.

Люди династии Сун расширили социальные слои чайной культуры и ее культурную форму. Чайное дело процветало, однако чайное искусство постепенно становилось сложным, хлопотливым и роскошным, потеряв идейный дух чайной культуры династии Тан [7].

В династии Юань (元) северные народности Китая хотя и любили чаепитие, однако они уже отказывались от сложных хлопотливых церемоний чаепития времен династии Сун. У образованных людей тоже нет желания с помощью чая продемонстрировать свои манеры, элегантность, вместо этого они с помощью чая выражали свою чистоту, верность, закаляли свою волю. Эти два идейных направления чайной культуры незаметно объединились, то есть в простое и настоящее искусство чая.

Во времена династии Мин (明) (1368—1644) в Китае наступает чайный ренессанс, возрождается массовое употребление чая. Становится популярным новый метод заваривания: в кипяток опускаются целые листья. Приготовление порошкового чая непопулярно, искусство его заваривания постепенно утрачивается. Полученный в результате нового способа заваривания настой является гораздо более бледным (бледнее порошкового). Отсюда возникает потребность в новой чайной посуде.

Появляется и становится модной керамика Исин (宜兴) — тонкостенные чашки из белого фарфора или светлой глины. Фактически именно в это время зарождается современная традиция чаепития. Кстати, заварочные чайники появились и получили распространение в это же время.

С династии Юань до середины династии Мин форма чайной культуры почти не изменилась, с одной стороны, чайное искусство упростилось, с другой стороны, объединились дух чайной культуры и природа, с помощью чая выражались личные трудности и верность. В конце династии Мин до начала династии Цин (清) опять появилась тонкая, детализированная чайная культура в изготовлении чая, в варке чая, хотя это не доходило до такой сложной хлопотливой степени, как в династии Сун.

В эпоху Цин (1644—1911) чайное искусство развивается и «шлифуется». Результатом этого развития стала церемония гунфу-ча (功夫茶), устанавливается обилие сортов китайского чая и способы их употребления. В эту же эпоху правил и император Цянь Лун (乾隆) — еще один страстный поклонник чая. Именно ему принадлежит фраза «Государь даже один день не может обойтись без чая» [3].

Список литературы:

1. Барыбин Е. В, Давыдова Ю.С. Искусство чайной церемонии. Ростов- на-Дону: Феникс, 2005.
2. Хохлачев В. В. Все о чае. М.: Агропромиздат, 1987.
3. Чжуан Ваньфан. Культура чая (пер. с китайского). М.,1959.
4. Цзоу Сюецян. Лингвокультурная специфика концепт «чай» и её учет в обучении русскому языку китайских студентов. М. 2007.
5. Всемирный фестиваль чая и кофе — <http://www.teafestival.ru/statiy/page4.php>
6. 阎国栋, 《中国文化概况》, 天津: 南开大学出版社, 2002年。
7. 林馥茗, 《浅谈中国茶文化》, 福州: 茶叶科学研究, 2007年第2期。

ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕРИФЕРИЙНЫХ РАЗРЯДОВ ОНОМАСТИКИ: НАИМЕНОВАНИЕ ПРАЗДНИКОВ

Навашева Валентина Александровна

аспирант КалмГУ, г. Элиста

E-mail: valentina_gor@rambler.ru

Феномен праздника неоднократно привлекал внимание историков культуры, этнографов, культурантропологов и философов культуры. Исследованию названного явления посвящены разделы в трудах Р. Кайуа, В. Тэрнера, Й. Хейзинги, М. Элиаде, О. М. Фрейденберг, И. П. Касавина, С. П. Щавелева, С. Вольф, Н.В. Нечипуренко, А. И. Пигалева и др. Каждого исследователя этот объект интересовал в определенном аспекте, поэтому предмет анализа, сущностные характеристики, классификации и дефиниции праздника нередко оказывались различными. И в обыденном словоупотреблении праздник фигурирует то, как обряд, то, как памятная дата, состояние души, традиция, развлечение, атрибут современной культуры... [5, с. 3].

В конкретных этнических традициях праздник представляет собой единую последовательность составляющих его элементов. Различные празднества передают единый смысл, что в значительной степени способствует совпадению их внутренней структуры. Имеются в виду элементы праздничной композиции, многочисленные ритуальные действия, материальные атрибуты, система общепринятых символов и прочее.

В. С. Уарзиати в своей книге «Праздничный мир осетин» делит народные праздники на сезонные и семейные [11, с. 7].

Сезонные или календарные праздники, приуроченные к определенным датам, играли важную роль в жизни народа. Как известно, одной из основных черт миропонимания в глубокой древности был циклизм. Размеренность и периодичная смена производственных сезонов сельской жизни были основным если не главным регулятором социального ритма всего общества.

Развитие хозяйственной деятельности требовало четких точек отсчета времени для определения начала и конца сельскохозяйственных работ, например, таких, как весенний выгон скота и осеннее возвращение его на зимовку, проведение полевых работ и т. д. Все основные этапы хозяйственного года фиксировались календарными праздниками.

Следующую значительную группу составляли праздники жизненного цикла — это родильные, наречение именем, первая стрижка волос, свадебные, похоронно-погребальные. В этих социальных актах выражалась ритуальная реакция общества на такие неотъемлемые черты бытия, как рождение человека, бракосочетание мужчины и женщины, смерть, стремление поддержать своих собратьев в трудную минуту. Подобный комплекс праздничных событий и связанных с ними действий относится, прежде всего, к частной жизни отдельного человека и потому не должен был бы выходить за рамки семейного быта.

Как замечает В. С. Уарзиати, предложенное им деление праздников на сезонные и семейные относительно, так как каждый сезонный праздник отмечается и в семье, подобно указанному все семейные праздники практически всегда выходили за рамки семьи и касались многих членов общины [11, с. 3].

Как известно, язык и культура народа — понятия взаимосвязанные. Язык выступает в качестве зеркала национальной культуры, ее хранителя. Поэтому становится очевидным, что изучение культуры народа, традиций, обычаев, сравнение особенностей мировосприятия разными народами, выявление сходств и различий в концептуализации действительности разными народами целесообразно осуществлять, используя комплексный лингвострановедческий подход.

Обращение к ономастике как материалу этнолингвистического исследования представляется вполне закономерным, поскольку, по утверждению Е. Л. Березович, «... в ономастике кодируются наиболее значимые и устойчивые кванты этнокультурной информации» [2, с. 34].

В ономастике наряду с изучением основных разрядов онимов (антропонимы, топонимы, этнонимы, теонимы, зоонимы,

космонимы и т. д.) и их состава, исследователи уделяют внимание также и периферийным разрядам ономастики, которых гораздо меньше, чем основных.

Геортонимы являются одним из периферийных разрядов ономастики. Наименования праздников, торжеств, фестивалей Н. В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии» определяет как геортонимами [8, с. 48].

А. В. Суперанская в 1973 году в работе «Общая теория имени собственного» останавливается в том числе и на названиях праздников, юбилеев, торжеств, а также на названиях мероприятий и кампаний, отграничивая их от названий отрезков времени (хрононимов): «Названия мероприятий, как хрононимы, могут относиться и к явлениям единственным в своей данности, и к регулярно повторяющимся. Отличие их от хрононимов состоит в том, что последние приурочены к определённой точке или отрезку времени, а названия мероприятий — к процессам, происходящим в определённое время... [9, с. 200].

Исследуя буддийские термины в русском языке, Л. Б. Олядыкова употребляет термины «геортонимы», «теонимы»: «Большие буддийские праздники связаны с памятными событиями жизни Будды, других божеств, поэтому, анализируя геортонимы, обязательно обращаешься к теонимам. Праздник может отмечаться один день или несколько, но каждый из них определен во времени, отсюда геортоним связан с понятием хрононим» [7, с. 60]

В работе И. В. Крюковой так же, как и Н. В. Подольской, в геортонимию включаются «названия праздников, концертов, фестивалей» [6].

О. А. Андреева в кандидатской диссертации «Семантико-стилистические особенности функционирования геортонимов в современном русском языке» геортонимами называет номинации православных праздников [1].

В статье И. В. Бугаевой «Наименование праздников в православном социолекте» церковные праздники определяются эортонимами. Автор следует тому, что название раздела литургической науки, изучающего историю возникновения, становления и дальнейшую судьбу церковных праздников, есть эортология (от греч. *eorte* — праздник). Для именования праздников в целом И. В. Бугаева предлагает отдельный термин фестоним (от лат. *festa* — праздник) [3, с. 84]. В докторской диссертации И. В. Бугаева считает эортонимы «разновидностью хрононима», но эортонимы

обозначают церковные праздники, обычно не соответствующие календарным суткам [4, с. 36].

Вслед за И. В. Бугаевой термином зортонимы для номинации православных праздников пользуется Е. Ю. Терентьева, см. ее статью «Лингвистические особенности номинации праздников православной церкви в русском и болгарском языках» [10].

Обратимся к работам немецких ономастов, центром немецкой ономастики является г. Лейпциг. Наука геортология (*Heortologie*) изучает праздник как составную часть мирового общечеловеческого культурного наследия [14]. По электронной энциклопедии Wikipedia: *Heortologie* (von griech. ἑορτή — *heorte*, *Fest/Festtag*) ist die Lehre von den Festen oder die Festkunde. Sie erklärt das Zustandekommen von Festen und erläutert deren Inhalt, Gegenstand und Brauchtum [15] — геортология (от греч. ἑορτή *heorte* — праздник) — учение о праздниках. Она объясняет происхождение праздника, его содержание, сюжет и традиции празднования.

Так, немецкий исследователь Г. Бауер, рассматривая категории имён собственных и ономастическую терминологию, имена общественных, культурных, спортивных и других мероприятий относит наряду с именами политических, исторических и военных событий к так называемым событийным именам или праксонимам (греч. *praxis* действие, поступок) (перевод наш) [12, с. 58]. Аналогичного мнения придерживается Г. Вальтер, который, классифицируя имена собственные, названия праздников и торжественных мероприятий вместе с названиями политических событий, именами эпох и именами природных явлений относит к событийным именам (перевод наш) [13, с. 18]. Но в отличие от Г. Бауера, использующего или терминологическое сочетание (событийные имена) или специальный термин (праксоним), Г. Вальтер не называет эту группу онимов никаким специальным термином. Как видно, немецкие исследователи не выделяют названия праздников, торжеств, фестивалей в отдельный ономастический разряд.

Обращение к работам исследователей показало, что в отечественной ономастике выделяют отдельный разряд онимов — названия праздников, торжеств, фестивалей (Суперанская А. В., Подольская Н. В., Олядыкова Л. Б., Крюкова И. В., Андреева О. А., Бугаева И. В., Терентьева Е. Ю.). Однако, православные праздники именуется различно: геортонимы — Андреева О. А., зортонимы — Крюкова И. В., Бугаева И. В., Терентьева Е. Ю.. Л. Б. Олядыкова наименования буддийских праздников называет геортонимами.

В немецкой ономастике тот разряд имен, куда включаются наименования праздников, очень широк и называется событийными именами и праксонимами (Г. Бауер) или событийными именами (Г. Вальтер).

Список литературы:

1. Андреева О. А. Семантико-стилистические особенности функционирования геортонимов в современном русском языке: Дисс... канд. филол. наук. Волгоград, 2004, 214 с.
2. Березович Е. Л. Русская ономастика на современном этапе: критические заметки // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2001. Т. 60. № 6. С. 34—46
3. Бугаева И. В. Наименование праздников в православном социолекте / Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2007. — № 53. — С. 84 — 92
4. Бугаева И. В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: Автореф. дисс... д-ра филол. Наук. Москва, 2010. — 48 с.
5. Гужова И. В. Праздник как феномен культуры в контексте целостного подхода: Автореф. дис. канд. филос. Наук. Томск, 2006. 18 с.
6. Крюкова И. В. Рекламное имя: рождение, узуализация, восприятие. Волгоград: Перемена, 2003. 100 с.
7. Олядыкова Л. Б. Буддийские термины в русском языке (геортонимы, теонимы) / Материалы научной конференции «Значение и роль буддизма в цивилизованном пространстве современной культуры» «Буддийская культура и мировая цивилизация», Элиста, 2003. с. 60—69
8. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М, 1990. С. 48—49
9. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
10. Терентьева Е. Ю. Лингвистические особенности номинации праздников православной церкви в русском и болгарском языках / Славянский альманах 2009. — М., 2010. — С. 246—257
11. Уарзиати В. С. Праздничный мир осетин. 1995. 84 с.
12. Bauer Gerhard Deutsche Namenkunde (Germanistische Lehrbuchsammlung, Band 21). Berlin: Weidler, 1998. 356 S.
13. Walther Hans Namenkunde und geschichtliche Landeskunde: ein einführender Überblick Leipziger Universitätsverlag GmbH, 2004. 161 S.
14. Толковый словарь терминов по истории и коллекционированию // Сост. Лавренов В. И., Борисов А. В. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.historians.narod.ru/index/111.html
15. Wikipedia. Die freie Enzyklopädie. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.de.wikipedia.org/wiki/Heortologie

2.5. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ

ДЕРИВАЦИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ПОРОД В АРАБСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Зарипов Ильнур Ренатович

аспирант СПбГУ, г. Санкт-Петербург

E-mail: ilnurspb@mail.ru

Целью настоящей статьи является выявление общих и специфических характеристик арабского глагола в деривационном процессе глагольного словопроизводства в свете компаративного анализа семантики глагольных пород.

Термин «порода» был введен европейскими исследователями для обозначения основ, образующих морфонологическую глагольную систему семитских языков. Арабским аналогом термина «порода» в некоторых источниках выступает слово *нав'ун* букв. «вид», «разновидность», например: *'анвā'у ал-фи'л* букв. «разновидности глагола» или «породы глагола» [6, с. 122]. Породы представляют собой «основы, выражающие видоизменение действия или состояния по количеству, качеству или направлению» [12, с. 31] и классифицируются на «простые (первичные) и производные (расширенные) основы» [4, с. 214]. В арабском языкознании простой основе соответствует термин *муджаррад* букв. «обнаженный», расширенной — *мазйид фйх* букв. «увеличенный» [15, с. 532].

Система глагольных пород позволяет арабскому языку передавать лексические значения грамматическим способом. Например: *саката* (I) «молчать» — *аската* (IV) «заставить молчать», *хāда'а* (I) «обманывать» — *хāда'а* (III) «стараться обмануть», *фахима* (I) «понимать» — *'истафхама* (X) «спрашивать, чтобы понять». Грамматикализация лексики посредством глагольных пород способствует передаче информации в более минимизированной форме. Например: *'ухтатама* (VIII) «надевать перстень на палец» от *хāтам* «перстень», «кольцо», *'а'рақа* (IV) «достигать Ирака» от *ал-'ирāқ* «Ирак» [16, с. 128].

В хронологическом срезе, как утверждает А. Г. Белова, система глагольных пород уже возникла в период афразийской общности. Другими словами, способы образования расширенных основ изначально были заложены в языке и существовали одновременно с простыми основами. Архаичные породы XI — XV, типа *'ишшаушана* (XII) «быть очень грубым» от глагола *шашуна* (I) «быть грубым», *'и'ланкака* (XIV) «быть очень густыми (о волосах)» от глагола *'алика* (I) «быть густым» [11, с. 49; 5, с. 339], которые до сих пор сохранились в арабском языке, являются ярким тому свидетельством [3, с. 31].

Классификация глагольных основ на **первичные** (глаголы I породы) и **производные**, на наш взгляд, не является корректной, поскольку многие глаголы первой и других пород образовались от имен, т.е. имеют деноминативное образование. Например:

- глаголы I породы: *рақиба* «иметь большую шею» от *рақабатун* «шея», *кабида* «обладать большой печенью» от *кабдун* «печень» [15, с. 600];

- глаголы II породы: *джаййаша* «собрать войско» от *джайшун* «войско», *заххаба* «позолотить» от *захабун* «золото» [6, с. 124];

- глаголы III породы: *'āfā* «сделать здоровым», «восстановить здоровье» от *'āfийатун* «здоровье», *сāхала* «направляться к берегу» от *сāхилун* «берег моря» [6, с. 124-125];

- глаголы IV породы: *'ағраба* «поехать на Запад» от *ғарбун* «запад», *'аҳсана* «благодетельствовать» от *ҳасанатун* «доброе дело» [12, с. 32];

- глаголы V породы: *табаҳхара фӣ ал-'илми* «приобретать знания обширные как море» от *бахрун* «море», *ташаййа'а* «стать шиитом» от *аш-шӣ'ату* «шииты» [6, с. 128], *табанна* «усыновлять» от *'ибн* «сын» [14, с. 50];

- глаголы VI породы: *талāҳаза* «походить друг на друга», «быть сходным» от *лаҳйзун* «подобный», «похожий» [14, с. 716];

- глаголы VII породы: *'инҳаджаза* «достигнуть Хиджаза» от *ҳиджазун* «Хиджаз» [13, с. 168], *'инфададжа ар-раджулу 'арақан* «вспотеть не взмокая» от *ал-фадйдж* «пот» [14, с. 50];

- глаголы VIII породы: *'илтахā* «быть бородатым» от *лиҳйатун* «борода» [13, с. 168];

- глаголы IX породы: *'иҳдабба* «быть горбатым» от *'аҳдабу* «горбатый» [6, с. 133], *'иш'анна ша'руху* «быть растрепанным (о волосах)» от *аш-ша'ану* «разбросанные, высохшие листья и трава» [14, с. 393];

- глаголы X породы: *'истаҳджара* «окаменевать» от *ҳаджарун* «камень», *'истанвақа ал-джамалу* «верблюд стал подобен верблюдице» от *нāқатун* «верблюдица» [6, с. 135].

Иногда образование глагола происходит от заимствованного из другого языка имени. Ср.: франц. *manoeuvres* «маневры» — араб. *munāvarāt*, откуда араб. *Nāvара* (III) «маневрировать»; эфиоп. *munāfiq* «лицемер» — араб. *nāфақа* (III) «проявлять лицемерие» [2, с. 20].

Данные примеры свидетельствуют о том, что в арабском языке существует отыменный способ образования глаголов различных пород наравне с формальным или стандартным способом образования расширенных основ от глагола I породы. При этом в отыменном глагольном словообразовании участвуют те же аффиксы, которые зафиксированы в системе внутриглагольного словообразования, вследствие чего внутриглагольные и отыменные глагольные породы имеют единую морфологическую структуру. Отсюда следует, что понятие «первичная основа» не всегда эквивалентно понятию «глагол I породы». Поэтому видится целесообразным, имея в виду глагол I породы, употреблять понятие «простая основа» и, соответственно, для обозначения других пород употреблять понятие «расширенная основа».

Более того, в арабском словаре ал-Мунджид зафиксированы глаголы II — XI пород, которые не являются производными ни от глагола I породы, ни от имени. Например:

- глаголы II породы: *джарраба* «испытывать» [14, с. 84], *ғаззā* «откладывать, отсрочивать выплату долга» [14, с. 550], *лаффа 'а* «объедаться» [14, с. 727];

- глаголы III породы: *бāхата* «открываться (кому-либо)», «делиться (с кем-либо)» [14, с. 27], *бāхаса* «спорить», «беседовать» [14, с. 27], *бāшара ал-мар'ата* «совокупляться с женщиной» [14, с. 40];

- глаголы IV породы: *'аш'ала ал-джам'а* «разъединять собравшихся» [14, с. 393], *'албаха* «становиться старым» [14, с. 710], *'алфā* «находить» [14, с. 728];

- глаголы V породы: *табаззара ал-мā'у* «измениться», «пожелтеть (о воде)» [14, с. 30], *табаллада* «хлопать в ладоши от печали и боли» [14, с. 47], *тафаккаха* «раскаиваться», «сожалеть» [14, с. 592];

- глаголы VI породы: *таджāзала ал-кауму* «питать злобу друг к другу» [14, с. 83], *тафāта'а 'ан* «отставать», «опаздывать» [14, с. 587];

- глаголы VII породы: *'инқазама* «спешить» [14, с. 615], *'инка 'аҫа аш-шай 'у* «изгибаться (о вещи)» [14, с. 644];
- глаголы VIII породы: *'иштағала ад-давā 'у фйхи* «быть полезным, иметь хорошее действие (о лекарстве)» [14, с. 394], *'ифтакала фй фи'лихи* «относиться с вниманием к своему действию» [14, с. 591], *'илтабасат бихи ал-хайлу* «догонять», «настигать (о лошади)» [14, с. 711];
- глаголы IX породы: *'имқарра ар-раджулу* «быть с выступающими венами (о человеке)» [14, с. 770];
- глаголы X породы: *'истабадда биказā* «делать самому, самостоятельно (что-либо)», «быть единоличным (в чем-либо)», *'истаджзала* «выпрямляться» [14, с. 83], *'истақадда ал-'амру* «продолжаться (о деле)» [14, с. 611];
- глаголы XI породы: *'илғәннат ал-'арду* «изобиловать травой (о земле)» [14, с. 726], *'ибхāрра ал-лайлу* «тянуться, быть длительной (о ночи)».

Иногда производящей основой глагола может служить целое высказывание. Так, В. М. Белкин отмечает, что «глагол *хаддада* «угрожать» происходит не от *хадда* «разрушать», «ломать», но от сочетания *'иннй ла-зайру хаддин* «поистине, я не слабый», которое произносилось в виде угрозы. Ср. образование глагола *хаммада* в значении «сказать ал-хамду ли-ллāх', т.е. «хвала Аллаху», и многих других, подобных ему по способу образования и значению» [2, с. 20].

Таким образом, арабские глаголы с точки зрения словообразования подразделяются на четыре класса: непрямые, производные отыменные, глаголы, производные от глагола I породы и глаголы, образованные от различного рода высказываний. Этим объясняется то, что арабский словарь содержит большое количество глаголов омонимов, ср.: *'иста'зама (X) ал-'амра* букв. «Он посчитал (это) дело тяжелым, трудным» и *'иста'зама (X) ал-'амра* букв. «Он опроверг (это) дело» [14, с. 514]. В первом случае глагол *'иста'зама (X)* является производным от глагола I породы *'азума ал-'амру 'алайхи* «быть тяжелым, трудным (о деле)», во втором — непрямым глаголом. Также ср.: *'а'зама (IV) аш-шай'а* букв. «Он сделал (эту) вещь большой» и *'а'зама (IV) ал-калба 'азман* букв. «Он накормил собаку костью» [14, с. 514]. В первом случае глагол *'а'зама (IV)* является производным от глагола I породы *'азума* «быть большим», во втором — производным от имени *'азмун* «кость». Поэтому, утверждение о том, что «все породы являются производными от I породы глагола» [10, с. 149] истинно только условно.

Следует также упомянуть, что словопроизводство некоторых глагольных пород от глагола I породы происходит опосредованно через другие породы, т.е. в двухтактном деривационном процессе. Иными словами, в арабской глагольной системе существует ряд глагольных пород, которые выступают в качестве связывающего звена между глаголом первой и других пород. Например: *'алима* (I) «знать» — *'аллама* (II) «обучать», «давать знания» — *та'аллама* (V) «приобретать знания»; *катаба* (I) «писать» — *к̄атаба* (III) «обращаться с письмом» — *так̄атаба* (VI) «переписываться»; *хараджа* (I) «выходить» — *'ахраджа* (IV) «заставить выйти», «выводить» — *'истахраджа* (X) «извлекать», «добывать». Следовательно, глаголы II — IV пород, наряду с глаголом I породы, могут быть производящими в глагольном словопроизводстве.

Так, большинство глаголов V породы со значением возвратности образуются от переходных глаголов II породы, например, *хаддама* (II) «разрушать» — *тахаддама* (V) «разрушаться», а глаголы VI породы со значением взаимной возвратности образуются от переходных глаголов III породы, например, *'āvana* (III) «помогать» — *та'āvana* (VI) «помогать друг другу», «сотрудничать». Также некоторые глаголы X породы со значением возвратности образуются от переходных глаголов IV породы, например, *'a'adda* IV «приготовить» — *'иста'adda* X «приготовиться». Отмечается, что формы глагола VII и VIII породы являются возвратной формой переходного глагола I породы, например: *касара* (I) «разбить» — *'инкасара* (VII) «разбиться», *джама'a* (I) «собирать» — *'иджтама'a* (VIII) «собираться». Исключение составляют глаголы, которые имеют в качестве первой корневой согласные *vāv*, *nūn*, *mīm*, *lām*, *rā'* [و , ن , م , ل , ر]. Возвратной формой таких глаголов является форма глагола VIII породы, например: *нақада* (I) «расторгнуть» — *'интақада* (VIII) «быть расторгнутым» [13, с. 100].

Иногда значения производящих и производных форм разных пород могут совпадать, ср.: *тафаллала* (V) *ас-сайфу* «затупиться (о мече)» от *фаллала* (II) *ас-сайфа* «затуплять (меч)» и *'инфалла* (VII)/*'ифталла* (VIII) *ас-сайфу* «затупиться (о мече)» от *фалла* (I) *ас-сайфа* «затуплять (меч)» [14, с. 592].

Таким образом, в арабском языке значение возвратности реализуется парным сочетанием глагольных пород: I — VII (VIII), II — V, III — VI, IV — X. Однако это не значит, что все глаголы I — IV пород имеют возвратную форму, несмотря на то, что каждый из них обладает возможностью морфологического преобразования в форму возвратного залога. Так, ряд глаголов существует лишь в одной

породе [10, с. 149], например: *радаха* (I) *ра'саху* «разбивать (голову)» [14, с. 255], *ра'ашиа* (II) «делать неспособным» [14, с. 267], *рāхат* (III) *ал-мар'ату* «наступать о родах женщины» [14, с. 254], *'арда'а* (IV) *ас-ситра* «опускать (занавес)» [14, с. 255], *тараддаба* (V) «обращаться любезно» [14, с. 255]. Для объяснения наличия/отсутствия возвратных форм арабского глагола будет справедливо применить по аналогии аргументацию В. С. Храковского. Исследователь объясняет отсутствие у некоторых глаголов I породы соотносительных каузативов II — IV пород не лингвистическими, а экстралингвистическими причинами: «Эти глаголы обозначают состояния, которые в повседневной человеческой практике не выступают как каузируемые. Появление соответствующей ситуации было бы, очевидно, закреплено в соответствующей глагольной форме, для образования которой существуют потенциальные возможности» [8, с. 83].

Как видно из представленного материала, в арабском языке глагол I породы не всегда является исходным ядром в образовании глаголов, также как деривация глагольных пород не происходит в линейном порядке I, II, III, IV ..., вследствие чего арабский корень не имеет всех типов глагольных пород.

Следует также подчеркнуть, что глаголы II — IV породы, будучи производными от глагола I породы вместо значения каузативности, могут иметь другие значения, например [6, с. 123—127]:

- глаголы II породы: усиление действия: *кассара* «разбить вдребезги» от *касара* «сломать»; повторяемость действия: *джаввала* «объезжать страну», «странствовать» от *джāла* «обходить»;
- глаголы III породы: направленность действия: *джāласа* «сидеть с кем-либо» от *джаласа* «сидеть»; конативность: *хāда'а* «стараться обмануть» от *хадата* «обмануть»;
- глаголы IV породы: устранение действия: *'ашкā* «удовлетворить жалобу» от *шакā* «жаловаться»; определенный способ действия: *'афсаха* «ясно выразиться» от *фасуха* «быть красноречивым».

Кроме того, семантика глаголов II — XI пород может полностью совпадать с семантикой глагола I породы, например:

- глаголы II породы: *хāфала/хāффала* «обнаруживать», «выявлять» [14, с. 143]; *джалā/ джаллā аз-завджу 'арӯсаху хадийатан* «жених дал невесте подарок во время свадьбы» [14, с. 99];
- глаголы III породы: *хāбаса/хāбаса* «заключать в тюрьму» [14, с. 14], *бағат/бāғат ал-'амату* «распутничать (о рабыне)» [14, с. 44];

- глаголы IV породы: *ҳабират/’аҳбарат ал-’арду* «изобиловать растительностью (о земле)» [14, с. 114], *бақала/’абқала* «появляться» [14, с. 45];
- глаголы V породы: *бағамат/табағғамат аз-забйату* «издавать самый мелодичный звук (о газели)» [14, с. 44], *лахақа/талаххақа* «сильно побелеть» [14, с. 736];
- глаголы VI породы: *махаджа/тамāхаджа ад-дилва* «споласкивать (о ведре)» [14, с. 750];
- глаголы VII породы: *шаниджа/’инианаджа ал-джилду* «сжиматься (о коже)» [14, с. 403], *’адала/’ин’адала ’ан ат-тарйқи* «отклоняться (от пути)» [14, с. 492];
- глаголы VIII породы: *джалама/’иджталама* «отрезать» [14, с. 98], *ладжа ’а/ладжи ’а/’илтаджа ’а ’илā ал-ҳисни ’ау зайрихи* «искать убежище в крепости или в другом месте» [14, с. 713];
- глаголы IX породы: *кадира/’икдарра аш-шай’у* «быть нечистой (о вещи)» [14, с. 676], *шахиба/шахуба/’ишхабба* «быть серым, пепельного цвета» [14, с. 614];
- глаголы X породы: *малла/’истамалла аш-шай’а* «быть раздраженным чем-либо» [14, с. 771]; *накахаху/’истанкахаху* «нюхать запах рта кого-либо» [14, с. 838];
- глаголы XI породы: *шахиба/шахуба/’ишхāбба* «быть серым, пепельного цвета» [14, с. 404].

Глаголы V, VI, X пород, также как глаголы II — IV породы, могут быть производными от глагола I породы, например:

глаголы V породы: *талассаса* «стать вором» от *ласса* «воровать» [14, с. 721], *та’аррака аш-шай’у* «быть растертым (о вещи)» от *’аррака ал-’адйма* «растирать (кожу)» [14, с. 501];

глаголы VI породы: *та’айаба ал-қауму* «осуждать друг друга (о группе лиц)» от *’айба* «осуждать» [14, с. 540], *таджāхала* «притворяться незнающим» от *джахила* «не знать» [14, с. 108];

глаголы X породы: *’истасаҳха ал-калāма* «находить правильным, достоверным (речь)» от *саҳха ал-забару* «быть достоверным (о сообщении)» [14, с. 416], *’истаҳлафаху* «назначить своим преемником кого-либо» от *залафаху* «быть преемником кого-либо» [14, с. 192].

В данном случае глаголы V, VI и X породы образованные в однократном деривационном процессе от глагола I породы не имеют значения возвратности, а выступают в других значениях. Следовательно, глаголы I породы обладают опосредованной и не опосредованной потенцией к словопроизводству в отличие от других пород.

Таким образом, с точки зрения словообразования глаголы I породы являются самыми продуктивными, глаголы II — IV породы —

малопродуктивными, глаголы V, VI, VII, VIII, X породы — непродуктивными, т. е. новых глаголов не образуют.

Особое место в арабской глагольной системе занимает IX порода. Отмечается, что данная порода обозначает цвет или телесный недостаток [11, с. 49], и крайне редко встречается в других значениях, например: *'uḥmarra al-ba'su* «усиливаться (о могуществе)» [14, с. 153]. Однако, несмотря на ее семантическую ограниченность, она является исходной для глагола XI породы. Ср.: *'uḥmarra* (IX) «становиться красным», «краснеть» и *'uḥmārra* (XI) «постепенно краснеть» [14, с. 153].

С точки зрения валентной деривации, глаголы I породы способны к повышению валентности путем морфологического преобразования во II и IV породы, например: *карума* (I) *'aḥmaḍu* «Ахмед благороден» — *кармама* (II) *'aḥmaḍu zaydan* «Ахмед оказал почет Зейду»; *даҳала* (I) *al-mu'allimu fī al-faṣl* «Преподаватель вошел в класс» — *'adḥala* (IV) *al-mu'allimu tāliban fī al-faṣl* «Преподаватель ввел студента в класс». В данном случае, при повышении валентности глагола появляется новый обязательный участник ситуации.

Валентные дериваты II и IV породы, наоборот, имеют валентность меньшую, чем у исходных глаголов, например: *наббаха* (II) *'aḥmaḍu zaydan* «Ахмед разбудил Зейда» — *танаббаха* (V) *zayḍun* «Зейд проснулся»; *'ақарра* (IV) *al-muṣirifu tāliban fī al-qismi ad-dāḫilī* «Комендант поселил студента в общежитии» — *'истақарра* (X) *at-tālibu fī al-qismi ad-dāḫilī* «Студент поселился в общежитии». Как видно из примеров, один из обязательных участников ситуации с глаголами II и IV породы становится необязательным с глаголами V и X породы. Аналогичную трактовку имеют глаголы VII и VIII породы, выступающие в качестве валентных дериватов I породы, ср.: *касара* (I) *zayḍun az-zudjāḍjата* «Зейд разбил стекло» и *'инкасарат* (VII) *az-zudjāḍjату* «Стекло разбилось».

При образовании глагола III породы от I породы происходит замена второго участника ситуации, входящего в актантную рамку другим участником, например: *қабала* (I) *'aḥmaḍu al-makāna* «Ахмед приблизился к месту» — *қāбала* (III) *'aḥmaḍu zaydan* «Ахмед стоял лицом к Зейду». Деривация глагола VI породы от III породы сопровождается повышением семантического и синтаксического статуса второго участника ситуации, хотя в валентном отношении никаких изменений не происходит, ср.: *қāбала* (III) *'aḥmaḍu zaydan* букв. «Ахмед стоял лицом к Зейду» — *тақāбала* (VI) *'aḥmaḍu wa zayḍun* букв. «Ахмед и Зейд шли навстречу друг другу» [9, с. 262].

Глаголы V — XV пород не способны ни к повышению, ни к понижению валентности, поэтому они не обладают валентной деривацией [8, с. 79].

Иногда глаголы разных пород могут иметь одинаковые значения, например: *шаммала* (II) / *'инишамала* (VII) / *'уиштамала* (VIII) 'спешить' [14, с. 403]; *зарида* (I) / *заррада* (II) / *тазаррада* (V) *ат-тā'уру* «громко петь (о птице)» [14, с. 548]; *тамассака* (V) / *тамāсака* (VI) / *'имтасака* (VIII) *бихи* «крепко держаться (за что-либо)» [14, с. 761]; *сабара* (I) / *'асбара* (IV) / *'истабара* (VIII) *ал-би'ра* «доставать дна (колодца), чтобы узнать его глубину» [14, с. 318]; *мāджара* (III) / *'амджара* (IV) «давать деньги под проценты» [14, с. 748]; *шаниджа* (I) / *'ашнаджа* (IV) / *ташаннаджа* (V) / *'инишанаджа* (VII) *ал-джилду* «сжиматься (о коже)» [14, с. 403]; *шахиба* (I) / *шахуба* (I) / *'уиштахаба* (VIII) / *'уишхабба* (IX) / *'уишхабба* (XI) «быть серым, пепельного цвета» [14, с. 404].

Ссылаясь на данные примеры, можно утверждать, что список значений любой породы арабского глагола не является закрытым, т. е. ограниченным. Другими словами, каждая глагольная порода имеет ряд преобладающих и совпадающих с семантикой других пород значений.

Глаголы II — X пород, как и глаголы I породы, за исключением IX породы, лежат в основе именных образований, например:

- от глагола I породы: *муджатун* «кусочек, который жуют», «жвачка» от *мадага* «жевать», *хиркатун* «тряпка» от *харака* «разорвать» [6, с. 261], *висамун* «знак отличия», «орден» от *васама* «клеить», «отмечать» [14, с. 874];
- от глагола II породы: *мухаддиратун* «анестезирующие средства», «наркотики» от *хаддара* «одурманивать», «делать анестезию» [1, с. 197], *ал-ваклату/ал-виклату* «представительство», «агентство» от *ваккала* «поручать», «уполномочивать» [14, с. 894];
- от глагола III породы: *мухадаратун* «лекция» от *хадара* «читать лекцию» [1, с. 164], *мухатилатун* «истребитель» от *кātала* «воевать», «стараться убить» [7, с. 163];
- от глагола IV породы: *мускиятун* «абортивные средства» от *'аската* «сбрасывать», «делать аборт» [1, с. 346], *музй'ун* 'диктор' от *'азā'a* «распространять», «обнародовать» [1, с. 264], *мухйитун* «океан» от *'ахāта* «окружать», «охватывать» [1, с. 186];
- от глагола V породы: *мутанаффасун* «дыхательные пути», «отдушина» от *танаффаса* «дышать», «вздохнуть» [1, с. 804], *мутатаррифун* «экстремист», *мутатаррифūна* «ультра» от *татаррафа* «доходить до крайности» [1, с. 457; 7, с. 442];

- от глагола VI породы: *та 'āхудун* «договор», «федерация» от *та 'āхада* «заклучать взаимно договор» [1, с. 531], *тах'алуфун* «союз», «объединение» от *тах'алафа* «заклучать союз между собой» [1, с. 176];

- от глагола VII породы: *мун'калабун* «тропик» от *'ин'калаба* «быть перевернутым», «возвращаться» [1, с. 638], *'инхий'арун* *салджийун* «лавина» от *'инх'ара* «обваливаться», «рушиться» [1, с. 847];

- от глагола VIII породы: *му'тамарун* «конференция», «съезд» от *'и'тамара* «совещаться» [1, с. 28], *му'такадун* «учение» от *'и'такада* «верить», «быть убежденным» [1, с. 512], *мухтабарун* «лаборатория» от *'ухтабара* «испытывать», «пробовать» [1, с. 194];

- от глагола X породы: *муштаиф'а* «больница» от *'истаиф'а* «искать исцеления», «лечиться» [1, с. 395], *мустан'а* «болото», «топь» от *'истан'а* «застаиваться (о воде)», «заболачиваться» [1, с. 811].

Следовательно, потенцией к словопроизводству отглагольных именных преобразований обладают не только глаголы I породы. Приведенные примеры подтверждают идею о том, что «в современном литературном языке наблюдается процесс лексикализации глагольных пород: за большинством производных пород закрепляются новые и постоянные значения, хотя и сохраняющие связь с первичными значениями исходной I породы или исходной именной основы» [3, с. 32].

Итак, представленный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. В процессе деривации глагольных пород участвуют как глагольные, так и именные основы. При этом их глаголообразующие формативы совпадают, что приводит к глагольной омонимии. Иногда глаголы могут быть образованы от высказываний.

2. Глагольные расширенные основы с неотмеченными исходными формами в арабском словаре ал-Мунджид либо являются непроезводными, либо их производящая основа утеряна.

3. Образование глагольных пород от глагола I породы происходит либо в двухтактном деривационном процессе либо в одноктактном. При этом производные глагольные породы приобретают разные значения.

4. Глаголы I породы обладают способностью к повышению и к понижению валентной деривации. Глаголы III, V — XV пород такой способности не имеют. Глаголы II и IV породы способны к понижению валентности в своих дериватах.

5. Совпадение значений разных пород одного глагола говорит о возможности существования вариантных отношений в глагольной

лексике наряду с формальными семантическими преобразованиями в ходе деривационного процесса.

Список литературы:

1. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. Ташкент: Камалак, 1994. — 912 с.
2. Белкин В. М. Замечания о характере семантических изменений в системе арабского глагола. В кн.: Семитские языки. М.: ИВЛ, 1963. С. 19—24
3. Белова А. Г. Историческая морфология арабского языка. По материалам памятников доисламского периода. М.: Восточная литература РАН, 1994. — 208 с.
4. Белова А. Г. Морфемы в семитских языках (на материале арабского языка) // Морфема и проблемы типологии. М.: Наука, 1991. — 401 с.
5. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. — 614 с.
6. Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд., репринтное. М.: Восточная литература РАН, 1998. — 592 с.
7. Соловьев В. И., Яковенко Э. В. Краткий русско-арабский общественно-политический словарь. М.: Восточная литература РАН, 2003. — 512 с.
8. Храковский В. С. Морфологический и аналитический каузативы в литературном арабском языке. // Сб.: Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969. С. 78—97.
9. Храковский В. С. Арабский глагол: нетривиальная деривация. // Сб.: Россия и Арабский мир: к 200-летию профессора Санкт-Петербургского университета Шейха ат-Тантави (1810—1861): Материалы конференции / Отв.ред. Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. СПб., 2010. С. 260—263
10. Чернов П. В. Справочник по грамматике арабского литературного языка. М.: Восточная литература РАН, 1995. С. 149.
11. Юшманов Н. Ю. Грамматика литературного арабского языка. 3-е изд. М.: Наука, 1985. — 176 с.
12. Юшманов Н. В. Строй арабского языка. Л.: ЛГУ, 1938. — 53 с.
13. ‘Аббас Ҳасан. Ан-Наҳу ал-вафй. Ал-Қаҳира: Дар Ал-Ма‘ариф, б.д. Т. II. — 600 с.
14. Ал-Мунджид фй ‘ал-луғати ва ‘ал-‘а‘лām. (Современный толковый арабский словарь). Бейрут: Дар Ал-Машрик, 1998. — 1728 с.
15. ‘Ибн ‘Ақйл. Шарҳ ‘Ибн ‘Ақйл. (Комментарий ‘Ибн ‘Ақйла). Бейрут: Ал-Мактаба ал-‘асрийа, б.д. Ч. II. — 686 с.
16. Фаҳр ад-Дин Қаббава. Тасриф ал-‘асма’ ва ал-‘аф‘āl. (Именная и глагольная морфология). Ҳалаб: Джāми‘а Ҳалаб, 1978.-287 с.

**«ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ»**

Часть I

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

15 февраля 2012 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 22.02.12. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 9,25. Тираж 550 экз.

Издательство «Сибирская ассоциация консультантов»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Априори»
630099, г. Новосибирск, ул. Романова, 28